

Дарья Кожевникова

Нечаянный богатырь

В оформлении обложки использованы фотографии:

© Ironika, AB Photographie / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Говорят, что существуют где-то миры, в которых только люди ходят на двух ногах, могут совершать сложные манипуляции руками, владеют связной речью. Животные там играют второстепенную роль: если даже и понимают речь, то ответить не могут, бегают, опираясь на все четыре конечности, не отвечают за свои поступки, не носят одежду, а живут либо в лесу под открытым небом, либо в домах, принадлежащих людям, можно сказать, на правах их собственности. А еще у людей из тех миров есть такие города, где большие скопления зданий и вовсе нет леса, ни между домами, ни даже вокруг. Да, я слышал о таком не раз. Но, честно говоря, я не верю в подобные сказки...

Ой-ой-ой!!! Боль была такой, что аж слезы потекли по щекам. Что?! Откуда?! Я замер посреди проселочной дороги, обеими руками ухватившись за весло, в последнее мгновение очень кстати занявшее вертикальное положение. Пошатываясь с ним в обнимку, я даже не сразу понял, что именно этим-то веслом сам себе по ногам и заехал. Весло... Стоп! Откуда?! И зачем оно мне, тяжеленное, длиннущее, да посреди дороги, вблизи которой разве что канаву можно найти?

Я зажмурился, пытаюсь собрать в кучу разъезжающиеся в стороны глаза и разбегающиеся мысли. Кое-что вспомнил. Это самое весло я прихватил, когда мы с волками выходили из последнего кабака. Оно сушилось во дворе у стены, и хозяин еще пытался у меня его отобрать. Я был против. Так против, что хозяин, хоть он и кабан не из последних, куда-то улетел. То ли в канаву, то ли в крапиву. С моей, разумеется, подачи, хотя в обычных условиях я гуманоид с более чем мирным характером. А тут не знаю, что на меня нашло. Больше после этого пострадавший кабан попыток вернуть свое весло не повторял, но я отчетливо помню, что он искренне желал мне им подавиться. Я не стал выполнять его желание, а поплелся с веслом в сторону своего поселка. Вроде даже не один? Точно! Пили-то с волками! С ними я и шел. Куда же они тогда делись? Так... На полдороги мы поймали такси! Помню еще, зубастые сволочи сразу врубили в салоне музыку, отчего аж стекла чуть из машины не вынесло. И лыбились при этом так, что пасти сверкали. Да, это точно помню... Так, а я-то почему с ними не уехал? Ведь меня как будто уговаривали тоже сесть в машину... И не только уговаривали, а, кажется, даже пытались туда затащить... А я что же? Ах, да! У меня же весло в салон не влезало!!! А когда его вновь попытались у меня отобрать, я им и отбился, после чего волки плюнули всердцах и уехали без меня. Я же со своим веслом потопал дальше.

Весло... Я поправил его на плече, чуть не потеряв при этом равновесие. И тут у меня впервые за прошедший вечер мелькнула по-настоящему трезвая мысль: а на кой оно мне вообще сдалось-то, весло это?! Да еще так крепко заехавшее мне по ногам?! От этого воспоминания боль в ногах враз вспыхнула с новой силой. И я от души, недолго думая, зашвырнул это... весло куда подальше. Точнее, попытался. Размахнулся хорошо, но руки вовремя разжать не успел, и улетающее в неведомые дали весло рвануло меня за собой, после чего ночное небо, взбрыкнув всеми своими звездами, вдруг норовисто отскочило куда-то вбок. Темнеющий на горизонте лес, напротив, подпрыгнул и встал на дыбы. В скулу мне врезалось что-то, очень похожее на булыжник, после чего количество звезд перед моими глазами резко умножилось. А потом все они разом вдруг исчезли вместе с последней угасающей в моей голове мыслью: «Только бы весло не потерять!»

Не потерял. В чем сразу убедился, как только очнулся. Сжимаемое мною в объятиях весло, похоже, пыталось продавить во мне дырку сквозь ребра. Я заелозил, охая при каждом своем движении. Тело местами онемело, а местами болело так, что лучше б уж немело все целиком. Когда я наконец-то полностью выбрался из канавы, в которую залетел, мне мучительно захотелось домой, прямо вот сейчас, как можно скорее, чтобы хлопнуть минералочки из холодильника, а потом упасть на самый удобный в мире диван. Но до дома было неведомо сколько верст, и теперь я даже точно не знал, в какую именно сторону. Да, можно было бы ориентироваться по звездам, но если бы я еще знал, который сейчас час! Обычно я часы не ношу, потому что вечно их разбиваю, жизнь у меня насыщенная событиями. К тому же, в наших краях полно кукушек, у которых всегда можно время спросить. Не знаю, как это у них получается, но, даже если не дежурят на пунктах точного времени, все равно ответят с точностью до минуты. Однако сейчас, посреди дороги, кукушек не было, как назло, ни одной. Так что ни времени, ни направления... ни минералочки. От этого всего, ополчившегося против меня полным комплектом, мне стало очень, очень грустно... Я был далеко от родного очага, совершенно один на пустынной дороге. Впрочем, почему один? Со мной же весло! Кряхтя и охая, я поднял его и прижал к себе, как лучшего друга. Мысль о том, чтобы выбросить его еще раз, даже не пришла мне на ум. Так мы с ним и пошли вдвоем, выписывая по дороге кренделя и зигзаги.

Как я добрался до дома, это отдельная история. Но шел я всю ночь, когда подошел к своему забору, уже светало. Измученный и шатающийся, я лишь с третьего раза попал в калитку. Весло пристроил на крыльце, а сам, даже не вспомнив про минералочку, ввалился в гостиную, уронил себя на диван, в чем был, и уснул таким крепким сном, что коматозники бы позавидовали.

Правда, спать мне пришлось не очень долго. Солнышко едва заиграло в полную силу, залив мне светом окно, как в дом ввалилась толпа особ, которые и мертвого поднимут, если потребуется. По крайней мере, я добросовестно притворялся таковым, но меня все-таки вынудили принять сидячее положение. И даже глаза заставили открыть во всю ширь. Правда, я тут же снова зажмурил их в ужасе. Вы когда-нибудь видели перед собой сразу четырех разъяренных волчиц? Нет, если эти волчицы не являются женами ваших закадычных друзей-приятелей, пропавших из дома еще вчера, и притом вместе с вами, то вы не видели ничего. А я вот увидел. И услышал. И даже ощутил, когда в порыве чувств разъяренные фурии стали обращаться со мной совсем уж невежливо, требуя рассказать, куда подевались их зубастые половины и почему я вернулся в поселок один. Толкали, щипали, встряхивали. Но огрызаться на волчиц себе дороже. Впрочем, волчицы, кабанихи, гуманоиды или медведицы – какая разница? Одно слово – бабы... женщины, то есть. Существа, с которыми драться нельзя, а словом их победить невозможно. Поэтому под их натиском я просто втянул голову в плечи, надеясь, что когда-нибудь все это закончится.

Вскоре я уже сочувствовал волкам от души: угораздило же их на таких гарпиях жениться! То ли дело я, холостой! Никто меня не побеспокоит. Если только чужие жены в дом не завалятся. Отчаявшись чего-то от меня добиться выбранным методом, фурии решили сменить тактику. Отпустили меня, и я блаженным мешком свалился обратно на диван. Сквозь шум в голове слышал, как все четыре волчицы орудут на моей кухне. Что они там творят? У меня ж в холодильнике только пачкапельменей заблудшая! А впрочем, без разницы! Лучше пусть кухню разнесут, чем из меня последние капли жизни вытряхнут. Но тут я запоздало вспомнил про минералочку, и пить захотелось так, что аж дыхание перехватило. Поднялся, поплелся на кухню, к гарпиям. Они на меня только глазами сверкнули, но не стали ничего говорить. Чувствуя себя под этими взглядами, как под прицелами настоящих ружей, я все равно не подавился, а втянул в себя всю воду из бутылки, как насос. И хотел уже вернуться обратно, на диван, как старшая из волчиц, Хлоя, резко осадила меня:

- Давай за стол! Пока плетешься в комнату, все уже будет готово!

Под этим голосом я невольно присел, как под просвистевшей надо мной пулей, как-то удачно оказавшись сразу на стуле. Как заправский холостяк, я прекрасно умел готовить. Правда, всего два блюда – пельмени и макароны. Но сегодня волчицы продемонстрировали мне не только ужасы, но и некоторые достоинства семейной жизни, не поскупившись ради этого на собственные продукты. Передо мной оказалось жаркое из злакового биомяса, салат с орешками, лепешки, и под конец – просто дивный кофе. Уж не знаю, как его Хлоя варит, но у меня он никогда таким не получается. В общем, полчаса назад мне даже думать о еде было тошно, а тут вдруг проснулся такой аппетит, что я набросился на все, мне предложенное, даже не задумываясь, а с чего вдруг такая забота? Ведь кормили меня, естественно, не по доброте душевной. Когда я все умял, залив сверху кофе, та же Хлоя грозно меня спросила:

- Ну что, ожил? А теперь давай, вперед, этих сволочей разыскивать! И чтоб без них сюда даже не возвращался!

- Да где ж я их вам возьму? – вяло огрызнулся я.

Ну, выгонят меня сейчас из дома, и чего этим добьются? Накормлен-напоен, я дальше и в лесу неплохо могу отоспаться. Но тут меня озадачила одна мысль: я шел домой пешком, выписывая кренделя на дороге и таща на себе весло, а волки-то уехали на такси! Так неужели до сих пор до дома не добрались? Этому могло быть только два объяснения: либо с ними случилось что-то серьезное, либо зубастые негодяи, раздумав ехать домой, окончательно пустились вразнос и завернули «к девочкам». Не к своим, естественно, иначе бы эти свои меня сейчас такой грозной сворой не окружали. Так...

только не ляпнуть бы сейчас спяну о моих предположениях насчет посторонних девочек, иначе что-то серьезное с моими приятелями случится уже непременно, как только они переступят родные пороги. Волчицы же порвут их на ватные шарики! А может, и меня заодно, так, за компанию и для ровного счета.

- А это нас уже не касается! - ответила мне тем временем Хлоя. - Вынь да положи! Вместе вчера загуляли? Вместе! Вас полпосёлка видело, слышало и даже терпело до тех пор, пока вы отсюда не улизнули.

Еще бы не улизнуть! Когда нам доброты сообщили, что Хлойка с подругами уже в нашем направлении движется, к местному кабаку, и отнюдь не с добрыми намерениями, а как минимум с одной скалкой в руках. Вот и пришлось срочно когти рвать в соседний поселок. А там мы заспорили, в каком кабаке пиво лучше... ну, и пошло-поехало. Примерно до середины я наш вояж помнил весьма отчетливо. После - уже только наиболее яркими фрагментами. Как про весло, например. Так что из всех тяжких, в которые мы вчера еще не пускались, лишь девочки и оставались на тот момент, когда мы в разные стороны разошлись. И, помнится, волки что-то кричали мне на этот счет из такси, пытаюсь переорать ими же включенную музыку. Мол, мы-то сейчас еще по-настоящему развлечемся, а ты оставайся, раз такой дурак, и... ну, в общем, понятно, что делай со своим веслом.

- Вот если бы дали вчера мужикам нормально в своем местном кабаке посидеть, так не пришлось бы их сегодня разыскивать, - отгавкнулся я.

Не помогло!

- Ты там можешь хоть корни пустить! А у них семья! И семейные обязанности, которые они должны выполнять! У Хеи вон крыша на веранде течет! Кто ее отремонтировать должен?! Всю следующую неделю обещают дожди! Так что поднимай свой зад и иди, разыскивай своих собутыльников!

- Логика у вас, у баб, железная, - проворчал я. - Только что корни в кабаке пустить разрешили, а через пять минут уже из собственного дома выгоняете.

- Пустишь, хоть сразу во всех кабаках, но не раньше, чем приятелей на место вернешь.

- Да почему я-то их должен искать? - сделал я последнюю попытку отбиться от временного выселения. - Они мои приятели, но ваши мужья! Еще скажите снова, что это именно я их всех спаиваю! Как будто у них вообще нет своего мнения в этом вопросе.

- Ты должен примером для них служить! - веско информировали меня. - И сам призывать их к порядку! А не растлевать население! И вообще, приступай уже к поискам! Считаю, что мы подали тебе официальное заявление! Кто у нас, в конце концов, участковый? Ты или мы?

Участковый! Да, это гордое звание носил именно я. Не по зову сердца, а исключительно по настоянию моего папаши, отставного генерала, да по ходатайству одного медведя, его давнего кореша, который занимал высокий чин в нашей полиции. Стариканы совсем сбрендили, если смогли додуматься до того, что такая должность способна будет сделать из меня образцового персонажа. Батя себя бы вспомнил по молодости! И для начала ответил себе на вопрос: ему-то подобное назначение много чем могло бы помочь? Когда его и до сих пор еще на подвиги тянет. Реже, чем меня, но зато на *какие*! Хорошо, что мама даже половины всего не знает. Тем не менее, к своей работе я относился, как мог, ответственно, все-таки население на меня в некоторых случаях возлагает надежды, которые мне просто совесть не позволяет не оправдать. Вот и в данный момент, может, не совесть, которая вместе со всем организмом сейчас страдала от тяжелого бодуна, а еще какое-то чувство - долга, может быть? - в помощь волчицам стало выталкивать меня из дому.

Сказать по правде, было у меня такое желание: углубиться подальше в лес, выбрать моховую лежку помягче да продолжить там прерванный волчицами сон. Но я это желание отменил до поры, потому что грыз меня некий червячок сомнений: а ну как волчары все-таки не к девочкам завернули? А в самом деле ухитрились вляпаться в крупные неприятности, что в их состоянии было сделать совсем не сложно? И сейчас не пробуждаются в мягких кроватях в заведении под вывеской типа «У Цыпочек», а остро

нуждаются в моей помощи? Которой я, не зная, что с ними случилось, им не могу оказать. Нет, конечно, можно было бы с ними поквитаться за то, что все-таки бросили меня, одного, посреди дороги с веслом, но это в том случае, если я буду точно знать, почему они до сих пор не вернулись домой. И буду уверен, что не произошло чего-то действительно серьезного – все ж таки я им друг.

Как я мог узнать о том, что именно с волками случилось, не затевая вояж по населенным пунктам с одновременным опросом населения? У меня был такой верный способ: добрести до дома Яги. Потомственная колдунья, гадалка и ясновидящая, она давно числилась в моих ведомостях как научно-оперативный работник. И выдавала мне порой такие подробности чужой жизни, что пришлось с нее даже подписку о неразглашении взять. И ведь ни разу не ошиблась! Только начиная работать, я, случалось, не раз подвергал сомнению бабкины выводы, порой, казалось бы, вообще невозможные. И антинаучные, факт! Но впоследствии жизненный опыт показал мне, что ни один бабкин вывод, как бы парадоксально он ни звучал и каким бы абсурдным способом ни был добыт, подвергать сомнению не стоило. Все было точно, как в банке! В смысле, в официальном таком заведении, а не в бабкиной трехлитровке, где она порой то какие-то зелья замешивала, то настойки делала. Такие же сомнительные, как ее способы добывать информацию, но на пробу столь же качественные. Особенно если не всматриваться сквозь стекло, что там, внутри, плавает. В общем, работником бабка была прекрасным, и был у нее всего один существенный недостаток: уж больно добираться до нее было сложно. Но не сама бабка была тому виной. Нет, это у нее избушка бродячая да норовистая. Хоть за ногу привязывай! И ходит-то тихо, так что порой, находясь внутри, и не заметишь, что она уже куда-то чешет – на цыпочках, что ли? Войдешь к бабке в гости где-нибудь на речном берегу, где она удочки позакидывала, кота своего водными деликатесами побаловать, а выйдешь на какой-нибудь глухой лесной полянке, где из водоемов поблизости только болото. Удочки и все речные дары, естественно, передавали хозяйке прощальный привет. Уж сколько раз бабка свою избу за такие вояжи дрыном охаживала по задним венцам! Да все без толку. Та у нее упрямая и патологически склонная все время где-то бродить. Так что для поисков норовистой твари на курьих ножках бабка мне давно уже специальный компас дала. Сразу показывающий, куда мне идти. И сейчас он неутешительно информировал меня о том, что до бабки мне пилить и пилить. Хорошо, хоть протрезвел я уже настолько, что весло с собой снова не додумался прихватить. С ним, конечно, было бы веселее, но зато без него быстрее и легче.

Долго ли, коротко, но в конце концов набрел я на протоптанную стежку, по которой изба бабку в очередное путешествие унесла. По проторенному пути идти стало уже легче, чем продирается через бурелом. Так что я шел довольно бодрым шагом, периодически поглядывая на компас: не унесло ли дурную избушку еще куда-нибудь, не устарел ли уже мой маршрут? Вот бы эта шагающая лачуга навстречу мне выбрела! Но на этот раз изба оставалась неподвижной. И я понял, почему, сразу же, как только вышел на небольшую полянку, где она решила остановиться на этот раз. Обычно дурная на весь чердак, на этот раз избушка и вовсе оказалась с покосившейся крышей. То есть, наклонилась так, что крыша глядела куда-то в сторону, а сама шлепнулась нижними венцами прямо на землю и вытянула обе свои шkodливые ножки.

– Так, – приближаясь, оценил я ситуацию. И строго потребовал: – А ну-ка, дыхни!

Вместо легкого дуновения из окошка вредная изба с готовностью дала мощный выхлоп из печной трубы, наклоненной как раз в мою сторону, так что я оказался не только окутан винными парами, но еще и сажей запорошен с головы и до самых ног. Вот ведь скотина деревянная! Я сделал попытку отряхнуться, да куда там! Сажа – она въедливая, теперь только мыться да одежду стирать. Хорошо, что на мне хоть был сейчас не официальный мундир с его капризной тканью. Уважая этот предмет одежды, я берегу, так сказать, его честь, в то время как моя собственная репутация давно уж всему поселку известна совсем не с лучшей стороны. Именно по этой причине мы с мундиром стараемся появляться на людях вдвоем пореже.

Дождавшись, пока вокруг меня осядет черное облако, я поднялся на непривычно низкое крылечко сидящей избы и в сердцах пнул несносное жилище по нижнему венцу. Изба в ответ лишь слабо дернула одной вытянутой ножкой, что явно говорило о ее плохом самочувствии – в другое время она попыталась бы огреть меня висящей над дверью табличкой, где значилось: «Дама Яга. Работающая пенсионерка. Снятие сглаза, порчи. Гадание. Часы приема...» Часы приема, ага! Ты бы на этой табличке еще написала, где тебя в эти часы ловить вместе с твоей блудливой жилплощадью!

Догадываясь, что сами жильцы, «дама» со своим котом, тоже сейчас пребывают не в лучшем состоянии, я самостоятельно открыл скрипучую дверь. Медленно, потому что в этот момент думал о том, как неудачно все складывается: сам вчера перебрал, как нечасто бывает, да еще и пришел к нетрезвым помощникам. Хорошая из нас сейчас компания выйдет! Что мы только нароботаем!

И действительно, первое, что я увидел, шагнув за дверь, это лежащего на лавке кота. Вон он, даже головы не может поднять! Что же за день вчера такой был, а? Я обвел глазами избу в поисках бабки. Но та сама вдруг нашлась, заорала нечеловеческим голосом, подскочила, а вслед за ней с диким воем взлетел с лавки и кот. Потом оба ломанулись к окну, пытаясь синхронно из него выброситься. И благодаря такой синхронности дружно в нем застряли, в качестве приветствия явив мне свои пятые точки. Одну худенькую, в ворохе складчатых юбок до самых пят, а другую откормленную, увесистую, с толстым хвостом. А уж как при этом орал-то! Хорошо, что наружу, заткнув собою окно, иначе я бы оглох! Но что было хорошо мне, то оказалось худо избушке, которой эти вопли ударили под самую ее нездоровую крышу. Заскрипев от такого издевательства всеми своими бревнами, она сделала попытку перевалиться на другой бок. Я успел схватиться за дверной косяк, благодаря чему устоял, а вот бабка с котом, засевшие в окне не слишком плотно, вывалились из проема внутрь и проехали по полу. Остановились у стены, глядя на меня полными ужаса глазами и пытаясь отползти назад. Куда, интересно? В стену вдавиться? Хорошо хоть орать перестали. Кот теперь подвывал на одной ноте, а бабка тихонько икала, при каждом импульсивном движении являя мне свой фирменный клык с золотой коронкой.

– Да у вас что, глюки у обоих?! – рявкнул я: не хватало еще, чтобы у них действительно крышу снесло, и я в такой трудный для меня час добирался до них впустую!

– Тройчик, ты, что ли? – проскрипела Яга, которой, видимо, мой голос все-таки помог повстречаться с заплутавшим рассудком.

Вообще-то, меня не так зовут. По документам я Павел Павлович Павлов. Ну, а откуда

взялось это «Трой», объяснять, я думаю, никому не надо. У провинциалов, в отличие от столичных жителей, так принято: пользоваться не именами, а именно прозвищами. И я, вливаясь в эту жизнь, быстро привык ко всем ее правилам. Настолько, что на Троя теперь отозвался бы гораздо быстрее, чем на Павлика, и даже сам стал так представляться во всех неофициальных случаях. Поэтому подтвердил:

- Я, конечно. Ты что, пенсне свое потеряла?

Бабка, всегда отличавшаяся отменным зрением, хихикнула в ответ, а потом предложила мне к зеркальцу подойти. Я вначале помог ей подняться, а потом без всякой задней мысли подошел. После чего отшатнулся и чуть не подхватил оборванную трель только что заткнувшегося кота. Потому что давно не видел более страшной рожи! Избушка, скотина! Занятый своими мыслями, я благополучно забыл, что благодаря ее стараниям оказался осыпан сажей! И до того стал похож на черта (которого Яга отчего-то панически боится), что его мама меня бы усыновила, даже не приглядываясь, зато моя бы меня не узнала вовек. Разве что, как и Яга, только по голосу. Хотя в обычных ситуациях Яга распознавала истинную сущность гостей на раз, как бы они ни красились перед визитом, но то ли сегодня совсем была нездорова, то ли изба постаралась на славу, переплюнув всех известных примеров.

- Слушай, ну сколько раз тебе уже предлагали переехать из этой зловредной хибары, а? - напустился я на горе-избавладелицу, пытаюсь оттереть хотя бы часть лица какой-то хозяйской тряпкой. - Это ведь все она, шутница подлючая! Доколе ты будешь сама терпеть ее издевательства и чужое терпение испытывать?

- Тройчик, ну не могу я ее бросить! - эти разговоры начинались у нас уже не раз, но всегда заканчивались одинаково: - В ней еще моя прапрапрабабка увидела свет! Это же родовое гнездо, семейная реликвия, раритет!

Я привычно приготовился услышать о том, как лучшие зодчие-волхвы в компании со старым грифоном создавали эту «реликвию», которая - помяните мое слово! - еще не одну хозяйку загонит в гроб. Но в этот раз бабка, изменяя сценарию, молча проковыляла к ведру с водой. Залпом выдула целый ковшик и мученически вздохнула:

- Ой, худо мне! Ой, как худо!

- Не тебе одной, - я перехватил у нее ковшик, тоже зачерпнув им водички.

- Васечка, касатик! - бабка тем временем принесла водички коту, который снова принялся умирать на лавке, как будто только что не скакал по избе. Яга заботливо придержала перед ним миску. Она называла его своим внуком и всегда баловала, как могла. Хотя он не мог быть ей родней. Приемьш, ведь чистокровный котище, в то время как бабка, подобно мне, была стопроцентным гуманоидом. И дочка ее тоже. Видел я ее пару раз. Больше, к счастью, не доводилось. Нет, не подумайте, что страшная! Наоборот, красавица, и выглядит на удивление молодо! Но с таким характером, что лучше бы уж внешне пострашнее была, чтобы народ в заблуждение не вводит... Так, о чем это я? Дочка от бабки, к счастью, живет далеко, на нормальной жилплощади, и практикует только для олигархов. А кот бабке однозначно не родственник, ведь смешанные браки у нас законом запрещены! Если бы не это, я бы давно был женат. И, думаю, счастлив. А теперь оставалось только вздохнуть: Лагута, моя ясноглазая рысь! Где ты теперь? Как живешь? Одна ли, как я, или уже вышла замуж? По настоянию родственников с обеих сторон мы были не только разлучены, но и всякое сообщение между нами было прервано. Да и стоило ли его поддерживать? Только душу друг другу травить, зная, что все равно ни к чему это не приведет.

- Может, настоечки тебе дать? Головушку твою пушистенькую подлечить? - бабка продолжала ворковать над котом.

- Чего спрашиваешь? - ответил я за него. - Давай уже, наливай свою абракадабровку всем троим! Поправляемся - и за дело! Сама понимаешь, что я к тебе не просто в гости пришел!

- Ой, Тройчик! - только и выдохнула бабка, трясущимися руками наливая в покрытую мхом кружку свое антипохмельное зелье.

Я не совался ей помогать, помня, как однажды при такой попытке едва без руки не остался, обзаведясь вместо этого раздвоенным щупальцем. Может, в некоторых делах и полезным (как бабка гадко хихикала, «в носу таким удобнее ковырять»), но родная конечность мне все же дороже. Так что пришлось тогда с намеком сказать веселящейся бабке, что старух таким щупальцем тоже душить удобнее, чем рукой, после чего все было быстренько приведено к первоначальному состоянию. Но я с тех пор четко уяснил, что в бабкиной избе каждая мелочь имеет значение, в том числе и мох на кружке для зелий.

Первая порция «настоечки» досталась, естественно, коту. Вторую бабка великодушно протянула мне, как гостю и по совместительству даже начальнику. Я не побрезговал – до того ли мне сейчас было! – и, выудив из зарослей посудного мха доставшиеся на мою долю кошачьи усы, приложился к краю. В который раз от одного только запаха сразу поверив в то, что не так уж мне до этого было и плохо. А потом заглотив всю дрянь одним махом, под пристальным взглядом уже пережившего этот момент кота.

Уж чего я только за свою жизнь не перепробовал, особенно в студенческие годы, но бабкино пойло ни с какой бодягой невозможно было даже сравнить! Оставалось только надеяться, что я даже на смертном одре не узнаю, из чего она его стряпает, потому что озвучивание рецептика, наверное, способно нарушить даже скорбный процесс умирания. Но помогает оно конкретно! Вот в чем вся фишка! На пару с Васькой злорадно наблюдая теперь за бабкой, которой процесс исцеления тоже никакого удовольствия не доставлял (особенно если учесть, что она-то рецептик знала назубок), я почувствовал, как внутри меня словно стихает буря. И пульс выравнивается, и дыхание приходит в норму. В общем, еще чуть-чуть, и я уже стометровку пробежать бы не отказался, даже с веслом на плече. Но тут подоспела с вопросом ожившая бабка:

– Тройчик, так что у нас на этот-то раз приключилось?

– Приключилось, – ворчливо повторил я за ней, – если так можно сказать, исчезновение всей стаи волков из нашего поселка. А самое печальное, что не вместе с волчицами. Короче, дело было так...

Я максимально подробно изложил бабке все, что сам помнил, запоздало спохватившись, что вообще-то бабка могла все и на своем волшебном блюдечке поглядеть, покатав по нему золотое яблочко. Но что подделаешь, это она от меня нахваталась: взяла моду проводить опрос свидетелей и потерпевших. Очень уж ей понравился этот процесс! А я на автомате кинулся повествовать о своих злоключениях. Опомнился, уже когда рассказ подошел к концу. Грозно взглянул на бабку, заставив ту покаянно ойкнуть и съежиться. И сказал:

– Если ты сейчас и протокол еще вздумаешь составлять, то сразу влеплю тебе строгий выговор!

Что это такое, бабка, думаю, понятия не имела, но отчего-то боялась выговора, как огня. Вскочила, засуетилась, и через пару минут волшебное блюдечко, способное пролить свет на дальнейшую судьбу моих корешей-волков, было уже на столе. А вот с яблочком, которое прилагалось к блюду, возникла неувязочка: бабка, как выяснилось, вчера им закусывала. Огрызки же по каемочке плохо катаются.

– Тройчик – проблеяла бабка, умоляюще уставившись на меня. – Только выговор не влепляй! Сейчас я к Жажиле в сад слетаю! Скажу, что для тебя надо, так он мне этих яблочек корзину целую соберет!

– Еще не хватало, чтоб я тут ждал, пока вы там с этим лешим сбором урожая будете заниматься! – рявкнул я, раздосадованный задержкой в расследовании. Потом вспомнил: —А лететь ты на чем собралась? На метле?! С такого-то бодуна?! Да ты понимаешь, что за одно твое это заявление я, как представитель власти, должен тебя прав лишить и конфисковать твое средство передвижения?

– А сам-то? Помнишь, как пьяный в хлам наводил на поселок панику на ковре-самолете? – напомнил, пытаясь вступить за бабку, кот.

– Разговорчики! – одернул я этого заступника. – Не панику наводил, а проводил задержание опасного рецидивиста, так что попрошу не путать. Не упускать же его было

до тех пор, пока протрезвею? А потом поди еще, отыщи! Нет у меня с этой службой ни личной жизни, ни выходных! Ни даже полноценного отдыха в конце рабочего дня!

- Тройчик, так что ж нам сейчас-то делать? – снова подала голос бабка, не дав мне ни себя толком пожалеть, ни на жизнь пожаловаться.

- Пусть твоя изба нас к Жажиле сама отнесет, поработает. Тем более, что не так уж она сейчас от него далеко. Можно сказать, большая часть пути уже пройдена.

- Да разве ж мы ее сейчас уговорим идти именно туда, куда нам надо? – вздохнула бабка. – Она сегодня, сдастся мне, не в настроении.

- Это смотря как за дело взяться, – не тратя времени даром, я вышел на крыльцо, спустился на землю. И сразу приступил к «уговорам» избы – примерившись, дал ей смачного пинка под нужный венец.

Обычно в ответ на такие мои действия изба вначале пытается заехать мне в челюсть своей курьей ножкой и только потом пускается в галоп. Но сегодня она, видимо, была не в лучшем своем состоянии. А может, просто задумалась и не ожидала от меня решительных действий. Так или иначе, вместо того, чтобы попытаться дать мне сдачи, изба вскочила и с загроможденным кудахтаньем понеслась через лес. Все, что мне оставалось сделать за те секунды, пока изба еще была в зоне моей досягаемости, так это резво подпрыгнуть и уцепиться за ту самую метлу, на которой я бабке лететь запретил. Она висела снаружи, на двух вбитых в стену крючьях. Я успел ухватиться за длинную рукоятку, как за перекладину турника, и повис на ней мешком, пытаясь хоть как-нибудь удержаться. Но тут дурная бабкина избушка опомнилась, что не рассчиталась со мной за отвешенный ей пинок. И, оценив мое плачевное состояние (я даже подтянуться не мог, потому что организм все еще мстил мне за давешнее отравление алкоголем общей слабостью, даже несмотря на бабкино зелье), сменила аллюр. И понеслась скачками, прыгая с кочки на кочку. Так что теперь я не просто висел снаружи, а болтался с внушительной амплитудой. То взлетал почти параллельно земле, то ухал вниз, впечатываясь в гадкую избу всем своим фасадом, который от этого, понятно, лучше не становился. А еще это было больно! Избе, наверное, тоже при этом чувствительно доставалось, но ее физические страдания с лихвой компенсировались тем удовольствием, которое она получала, болтая мною и шлепая. Болтая и шлепая. Отчего у меня перед глазами вскоре уже танцевали огненные круги. Но первой в нашем с избушкой поединке не выдержала третья участница – метла. Или крючки, на которых она крепилась? Как бы там ни было, гораздо важнее причины оказался результат: я обнаружил себя сидящим на земле, обнимающим отвалившуюся от стены метелку и глядящим вслед резво удаляющейся избушечей ж... задней части корпуса. Догонять негодяйку было бесполезно. Оставалось только подняться, привычным движением – не зря, оказывается, с веслом накануне тренировался! – закинуть метлу себе на плечо и тронуться в путь по проложенной избушкой тропинке, пока та не заросла. Догнать избу я даже и не надеялся, но, зная конечную цель ее маршрута, своими усилиями надеялся ускорить нашу с ней встречу.

Где-то через полчаса пути по избушкиным следам я весь взмок: нездоров еще был, да и полуденное солнце нещадно палило мне в самую макушку, игнорируя стройные сосны, пытавшиеся меня защитить.

Где-то через час с небольшим у меня уже дрожали ручки и ножки, призывая опуститься на землю. И, в идеале, поразмыслить там о последствиях неумеренного употребления алкоголя. При этом легонькая метелка уже казалась мне тяжелее весла.

Где-то часа через два я сдался, все-таки плюхнувшись на ковер из опавшей сосновой хвои с мыслью о том, что неплохо было бы на нем и умереть. Но сделать это мне существенно мешала всего одна мелочь: некому было подать традиционно последний стакан воды! Или лучше сразу с десятков стаканов! Пить хотелось так, что ни жизнь, ни смерть для меня в этом мире уже не играли роли. Одна только ЖАЖДА, утолить которую в солнечном сосновом лесу было нечем. А доползти до какого-то другого леса уже не оставалось сил. И, как назло, ни единой живой души поблизости! Ни зверей с гуманоидами и птицами, ни лешего, ответственного за этот участок! В порыве отчаяния я даже почти решил при первой же встрече с Жажилкой наябедничать ему на нерадивого лешака. Жажилка – он у них, у всех леших, за старшего, хотя у самого во владении вместо леса давно уже сад, лучший в наших краях, с самыми редкими фруктами. Не зря Яга именно к нему кинулась за эксклюзивными золотыми яблочками. А я... нет, если все-таки до него доберусь, то жаловаться точно не буду. В память обо всех тех случаях, когда добрые люди на меня на самого не доносили вышестоящему начальству. А таких случаев, наверное, на целый том бы уже набралось. На фоне этого нерадивость лешака, во владениях которого пытался окочуриться от тяжкого похмелья местный участковый, уже не казалась чересчур преступной. Но, как известно, когда одни пренебрегают своими служебными обязанностями, это ведет к тому, что другим тоже приходится их нарушать. Не желая принимать смерть в солнечном и ароматном сосновом лесу, чтобы потом портить пейзаж случайным прохожим видом своего трупа, я малодушно устался на метлу. Да, за вождение транспортного средства в таком-то вот состоянии, как у меня, я сам бы любого другого остановил. Но... Интересно, как там ее бабка заводит, эту свою чудо-технику? Я решил только попробовать: оседлал приподнятую метлу. Потом тяжело вздохнул, мечтая вслух:

– Эх, отнесла бы ты меня, родная, в такое место, где мне дали бы холодненькой водички испить!

Если бы я только знал, что этого будет достаточно! Тогда бы хоть подготовился как-то! А так... Я и опомниться не успел, как метла взвилась в воздух, едва не треснув меня при этом по... Ну, в общем, на мое счастье, все-таки не треснула, потому как я инстинктивно успел извернуться, шестым чувством оценив грозящую мне опасность. После этого я какое-то время балансировал на набирающей высоту метелке, удивляясь, как ухитряется летать подобным способом древняя и немощная (с ее собственных слов) старуха. Ну, пусть теперь только попробует заикнуться мне про свою немощь! Уж у меня будет, что в ответ на это ей сказать! Но только, разумеется, не правду о своих сегодняшних приключениях. А правда заключалась в том, что, продержавшись верхом на метле не больше пяти минут, я позорно сполз ей под брюхо... то есть, под рукоятку. И висел под ней весь полет, как мешок, да еще и набитый не самым ценным содержимым, вцепившись в нее руками и ногами, пока она неслась по нечетко обозначенному мною адресу. О том, чтобы хоть как-то управлять метлой, и речи быть не могло. Нет, все, что мне оставалось, так это молиться, чтобы никто, повстречавшийся мне на пути, не догадался бы голову вверх задрать. А если уж задерет и увидит, что над ним в небе творится, то пусть, по крайней мере, хоть не узнает меня! Бравого парня участкового, беспомощно и некрасиво болтающегося на летящей метле. В который раз оставалось только порадоваться, что я не в форменном мундире. И что в полуденную летнюю жару все наши птицы предпочитают дома сидеть.

Путь наш оборвался внезапно, метла так резко пошла на снижение, что у меня даже мелькнула мысль о том, что ее подбили. Потом, вытряхнув искры из глаз после встречи с нектати подвернувшимся забором, я понял, что это было все-таки приземление. И что всего хуже, сидел я сейчас в чьем-то дворе. Хозяин которого, кто бы он ни был, теперь с полным основанием сможет тешить все население рассказами о том, что именно участковый пытался объездить бабкину метелку. Как это происходило, я думаю, будет

передаваться из уст в уста с каждым разом все красочнее. Так что вскоре мне останется только рапорт об увольнении написать, предварительно во всем признавшись батюшке, чтобы лишних вопросов не задавал. Не потому, что надо мной все начнут ухаживать, к этому я как раз спокойно отношусь, я и сам над собой иногда не прочь посмеяться, а потому, что у меня после такого пролета никакого авторитета не останется в глазах населения.

- Тройкин, ты ли это?! Вот какое счастье-то мне с неба свалилось!

Этот напевный грудной голосок вначале заставил меня подскочить от неожиданности, а потом облегченно вздохнуть, снова спокойно опуская на землю свой центр тяжести. Тарюша! И как я ее двор сразу не смог узнать? Наверное, потому, что попал в него незнакомым маршрутом. Но как удачно, что метла принесла меня именно к ней! Теперь я мог быть уверен в том, что меня и напоят, и мою тайну не разгласят. Потому что Тарюша была настоящим человеком, одним из немногих, кто никоим образом не станет добывать попавшего в беду. Хотя по рождению она была не гуманоидом, а поросей, но сути дела это нисколько не меняло. Чувствуя, как успокаивается мое сердцебиение, я сидел на земле, наблюдая за ее приближением. Тарюша у нас даже среди своих сородичей слыла дородной. Меня таких, как она, трое будет. При всем при том, что парень я далеко не хрупкого телосложения.

- Тройкин, дорогой! Какими судьбами? - двигалась эта дама на редкость грациозно. Подошла ко мне вплотную, гремя своими многочисленными цепочками, кулонами и браслетиками, протянула мне свою надушенную, благоухающую розами пухлую ручку. - Поднимайся, давай!

Но вместо того, чтобы принять Тарюшину помощь, я, не вставая с земли, галантно приложился к ее ручке губами. Тарюша везде, где бы ни появлялась, становилась душой компании. Ну а уж те, кто ее знал, бесспорно ее обожали, и я в том числе. Так что, сделав над собой усилие и самостоятельно поднявшись на ноги, я от ручки перебрался к напудренной-надушенной щечке. Чмокнул ее, попутно шепнув:

- Как я рад тебя видеть! - а потом, словно кто меня за язык тянул, не удержался и ляпнул: - Но ты, кажется, снова поправилась, моя радость! - после чего мне свой дурной язык захотелось не просто прикусить, а вообще проглотить, чтобы даже с бодуна всяких гадостей не болтал! Ну поправилась, ну и что?!

Но Тарюша не была бы сама собой, если бы обиделась на треп похмельного дурака. Я еще не успел принести ей извинения с сопутствующим изложением причин своей бестактности, как она расхохоталась:

- Тройкин! Женщина считается толстой тогда, когда ее живот начинает выступать за линию груди! А у меня сиськи - во! - она раскинула руки, демонстрируя мне весь объем своего шикарного бюста. Да, за такой ни один живот не выбьется! Потому что это в принципе невозможно! Как и невозможно любому мужику, глядящему на всю эту роскошь, временно рассудок не потерять. Я, во всяком случае, на время утратил способность соображать, даже про свою страшную жажду как-то забыл. Тарюша, хитро подмигнув, сама мне о ней напомнила:

- Ну, пойдем, Тройкин! Пойдем в дом. А то выглядишь ты в высшей степени пересохшим. И вообще таким, как будто тобой печную трубу прочищали.

- Хуже! - буркнул я, входя за хозяйкой в прихожую. - Мало того, что я с бодуна, так мы еще с бабкиной избой опять характерами не сошлись... Ох, мать моя!!! - это восклицание вырвалось у меня прежде, чем я осознал, что за порогом передо мной внезапно возник не какой-то пригретый Тарюшей монстр, а всего-навсего большое, во всю стену зеркало. В котором отражался всего-навсего я, но зато во всей своей красе, к которой, помимо давешней сажки, добавились еще разбитая при избушечных скачках физиономия и прическа, сотворившаяся во время моего чудо-полета. Когда я все это осмыслил и оценил, у меня остался к Тарюше единственный вопрос: - Радость моя, а ты как меня вообще сегодня сумела узнать?

- Сердцем, Тройкин! Сердцем! - проникновенно шепнула она мне на ушко, нежно щекотнув его своим шелковистым пяточком и одновременно подталкивая меня в сторону ванной. - Веще оно у меня.

Вещее или нет, но золотое, это точно. Получаса не прошло, как эта прелестная женщина привела меня в относительный порядок. Причем как снаружи, так и изнутри.

- Пиво?! - ахнул я, сделав хороший глоток из поданного мне запотевшего ковшика.

- А ты что думал, я дорогих гостей водой встречать буду? - почти обиделась Тарюша.

- Нда... - я с сожалением посмотрел на плещущуюся в ковше пенную, почти ледяную жидкость, до невозможности аппетитную, особенно в моем состоянии. - Только, видишь ли, дело у меня сейчас. Расследование я веду.

- Веди! - позволила эта мудрая женщина. - Допивай пиво и вперед! Потому что лучше быть чуть поддатым, но живым, чем трезвым, но умирающим. Поверь, что толку от тебя похмелившегося будет гораздо больше.

Аргумент был более чем разумный, другого мне и не требовалось. Получив такое напутствие, я снова приложился к ковшу и уже не отрывался от него до тех пор, пока там не осталось ни капли. Вернул золотой женщине ее посуду и снова чмокнул в нежно-розовую щечку, пока не зная о том, что Тарюша мне еще и свою машину собираетс одолжить. Поддатому. Но совершенно секретно. Поскольку нарушать закон в этот злополучный день мне было уже не впервой, пешком я за прошедшие сутки натопался на неделю вперед, а для того, чтобы повторить свой полет на метле, был еще слишком трезвым, я с благодарностью принял Тарюшино великодушное предложение.

Уже садясь за руль ее внедорожника на воздушных колесах, наудачу поинтересовался:

- А скажи, моя радость, спасительница моя, ты сегодня волков, случайно, не видела? А то, пока я тут маюсь в их поисках, может, они давно уже дома дрыхнут, зубастые сволочи?

- Тройчик, вынуждена тебя огорчить. Хлойка с подругами только недавно мимо моего забора проходила и ругала всю вашу компанию на чем свет стоит. Так что нет дома до сих пор твоих сволочей, а ты волчицам на глаза пока что даже не попадайся. Да, слушай, я тут вспомнила! А вчера ведь, когда вы из поселка уже двинулись дальше, вразнос, здесь всех четверых волков мужик какой-то искал. Не наш, не местный, явился из-за Елового поворота, отчего первым делом и вышел на мой двор. Мне он сразу не понравился. Гуманоид, сутулый, на голове капюшон, спадает на пол-лица, только губы его узкие выступают из-под края, едва разжимаясь при разговоре. А когда я ему сказала, что волки загуляли в компании с участковым, он сразу как-то резко погрузтел, что мне тоже совсем не понравилось, и не стал заходить в наш поселок. Так что вот, не знаю, насколько это может быть важно, но ты имей ввиду этого мужика. И Яге при встрече вопросик закинь, пусть погадает на него на блюдечке. Кстати, привет ей от меня с котом. А избе передай, если будет себя плохо вести, то я в гости к Яге заверну и просижу у нее в светелке часа два, не меньше. У избушки после таких моих визитов курьи ножки до-о-олго дрожат от пережитого напряжения, так что на какое-то время присмирееет после этой угрозы.

- Вот за этот совет самое большое спасибо! - просветлел я и, простившись с моей радостью, на ее машине тронулся в путь. Естественно, на заднее сидение закинув метелку.

Несмотря на то, что у Тарюши был очень крутой внедорожник, проехать мне на нем удалось лишь полпути. Дальше пошла совсем уж непроглядная чаща с такими узкими просветами между деревьями, что мне пришлось отправить внушительных размеров машину обратно к хозяйке, на автопилоте пустив ее по старому следу, и продолжить свои странствия уже пешком, с метелкой через плечо. Впрочем, на мое счастье, идти мне пришлось недолго. Избу я повстречал на полпути от Жажилиного сада. Она с мрачным видом брела мне навстречу, и по виду ее правой ставни я сразу понял, что досталось ей на этот раз от бабки оптом за все проделки. Может, даже и авансом, за еще не совершенные. Увидев меня, вредное жилище остановилось, словно раздумывая, то ли впустить меня, то ли из вредности развернуться в обратном направлении и удрать, пока Яга меня из уцелевших окон не заприметила.

- Тарюшу приведу к тебе в гости! - выпалил я, не дожидаясь ее решения.

Подействовало! Изба сразу стала как шелковая. Даже легкий полуоборот совершила, чтобы мне к крылечку было ближе идти! Я и пошел, прямо вместе с метлой - пусть Яга сама решает, куда ее теперь вешать. И уже в самых дверях столкнулся с разгневанной бабкой, спешащей наружу с увесистым дрынком. У меня, честно сказать, при виде такой встречи душа ушла в пятки: думал, бабка на меня за метлу разозлилась и несется по мою душу. А я с женщинами воевать, да еще с пожилыми, совсем не приучен. Но оказалось, что еще не остывшая бабка, ощутив несанкционированную остановку избы, просто спешила на улицу, чтобы там продолжить с ней воспитательную работу. Увидев меня, она резко остановилась и просияла так, что от золотого клыка солнечные зайчики по всему крыльцу разбежались. А потом с воплем: «Тройчик, живой!» - кинулась обниматься, при этом уронив мне свой дрын прямо на ногу. Я с трудом сдержался, чтобы от этого не заорать. На ногах у меня были мягкие мокасины, так что пальцам досталось по полной программе! Но уж очень теплую встречу мне оказывали, так что совестно было ее портить своими воплями. Вот я и не стал. Молча приставил метлу к стене и раскрыл бабке ответные объятия, приплюсывая тайком от нее, чтобы хоть капельку унять боль. Она эти мои телодвижения все-таки заметила, истолковала их по-своему и чуть было меня насильно в сортире не заперла, вопя с воплями: «Не надо стесняться!»! чуть было меня насильно в сортире не заперев! Пришлось все-таки рассказать ей про ногу, но приврать, что отбил себе пальцы в пути, потому что правды моя сердобольная бабка могла бы просто не вынести! И так она, выслушав меня, сразу развила бурную деятельность. Загасила меня в светелку, усадила в лучшее кресло, супчика налила - Жажил, оказывается, угостил, потому что бабке самой варить было некогда. Она ж меня, оказывается, почти похоронила! Заметив, как я успел уцепиться за убегающую избу, а потом, остановив дурную, но уже не обнаружив меня на месте, она думала, что изба меня в пути к какой-нибудь коряге успела приложить, после чего из меня и дух вышел вон.

- Если только похмельный, - пробормотал я, наворачивая супчик.

Рассказывать бабке о моих полетах на ее метле совсем не хотелось, равно как и признаваться, что меня уже успели качественно опохмелить. Чего дразнить бабку попусту, да еще и вместе с котом? И потом, она ведь после этого обо всем остальном сама бы уже догадалась. Хорошо хоть, что при помощи своего блюдечка не додумалась меня поискать, за что отдельное спасибо ее похмельному духу и нездоровой панике. Так что я поспешил перевести разговор на другое:

- Ну как Жажил, яблочек дал?

- Конечно! Тройчик! Да разве ж он нам с тобой отказал бы?

- Тогда давай-ка приступим уже к расследованию.

Бесценная моя «дама Яга, работающая пенсионерка»! Если бы не она, на сколько верст больше мне пришлось бы проходить каждый день? В какие дебри залазить, сколько всякой пыли на себя собирать? Сколько пришлось бы опросить лишних и порой не самых приятных свидетелей? Сколько лживых подозреваемых отпустить из-за отсутствия доказательной базы? Подумать страшно! Когда я только начинал работать, меня все это в отчаяние приводило. При всем при том, что, как вы, наверное, уже поняли, шалопай я изрядный и лишней суеты вообще не люблю. Но, на мое счастье, еще на заре моей карьеры мне повстречалась ОНА, моя «дама»! Обратилась она ко мне не с жалобой - ну кто, даже самый крутой в лесу, осмелится Ягу зацепить?! Она же убить не убьет, но такую порчу найдет, что самому потом жить не захочется! Пришла ко мне бабка с юридическим вопросом насчет официальной регистрации своей бродячей избы. С весьма сложным, надо сказать, вопросом. Но я, тогда еще совсем молодой, зеленый и очень уважающий старшее поколение, перелопатил кучу законов не за страх, а за совесть, поднял тьму всяких сводов и подпараграфов и все-таки смог найти достойное и грамотное решение. После чего Яга заявила ко мне домой с котом и жбаном, чтобы отблагодарить за хлопоты, и я под черпаки отменного мухоморового вина изливал ей душу до самой зари. Все рассказал, уж не поленился! И про батю своего в генеральском чине, отчаявшегося сделать из меня супермена всех времен и народов, а потому просто сославшего меня сюда на неопределенный срок, на исправительные работы. И про маму... ну, про эту святую женщину, умеющую нас с батей обоих как-то терпеть, не надо много рассказывать, это просто прочувствовать надо. И про свою запретную любовь к

прелестной рыси с янтарными глазами, ответившей мне пылкой взаимностью, рассказал. И о том, как все родственники, узнав о наших чувствах, дружно на нас ополчились... это, кстати, тоже повлияло на батино решение о моей ссылке, в то время как Лагугу отправили в какой-то крутой универ за кордоном. Слушая последнюю часть моей ночной исповеди, Яга даже прослезилась – она обожает все романтическое, так что эта любовная история проняла ее до самых душевных недр. Я, находясь под гнетом оживших воспоминаний, тоже был настроен на лирический лад. И вот уже на рассвете, под храп давно отрубившегося кота, мы с Ягой сидели в обнимочку и утешали друг друга, обмениваясь заверениями в вечном уважении и любви. А она меня еще и в том уверяла, что непременно будет в моей будущей жизни большая любовь, которая принесет мне настоящее счастье. Это, типа, она по моей руке нагадала. Я же возьми тогда да и ляпни: «Вот раз ты гадать умеешь, так взялась бы мне делать подсказки в самых сложных моих расследованиях». Просто сказал, без всякой задней мысли. А она... Надо было видеть, как она вся загорелась! Как же! Интересная работа, официальная должность, престиж, и, опять же, какая женщина откажется держать руку на пульсе всех сплетен в поселке? Ну, может, не совсем всех – кое-что, особо сокровенное для отдельно взятых личностей, я все же до нее не доносил, – но практически, причем, с официальной доставкой на дом. Однако кому с нашим обоюдным рабочим договором больше повезло, так это мне, не Яге. Только осознал я это не сразу, а через несколько дней после его вступления в силу. Когда Яга со своими колдовскими штучками, в которые я в то время не верил, избавила меня от множества лишних хлопот. Именно это и заставило меня в конце концов проникнуться всей важностью нашего сотрудничества, научиться верить Яге с ее антинаучными методами и не хвататься за новые дела самому, а вначале нести их «даме» на предварительное обсуждение. После которого на мою долю выпадала хорошо если только половина той работы, которую я был бы вынужден проделывать без своей бесценной помощницы.

Но в этот раз обычно безотказная система впервые за прошедшие годы вдруг дала сбой.

– Это что ж такое? – изумленно ахнула бабка, в то время как я уже рассчитывал услышать от нее, в каком месте я буду вытбивать пыль из шкур своих так называемых друзей за все, что мне сегодня пришлось из-за них пережить. Или нет, лучше задержу всю свору и сразу их сдам волчицам, а те уж с такой задачей справятся куда успешней меня. И пусть потом зубастые только попробуют заикнуться мне о мужской солидарности! Весло им, видишь ли, мое в нюх не убралось!.. Тут только до меня, наконец, дошло, что сегодня что-то идет не так, как обычно.

– Ну что там? – поторопил я Ягу, продолжающую изумленно тарашиться в свою магическую посудину.

– Тройчик... ума не приложу! Сам погляди!

Туман! По всему немаленькому блюдцу с трудолюбиво катающимся вдоль каемки яблочком клубился густой-прегустой туман, какого летом даже на рассвете в самых мрачных оврагах не сыщется. А учитывая, что бабкино блюдце передает информацию по запросу в режиме онлайн, а часы давно перевалили за полдень, такого и вовсе быть не могло.

– Может, с яблочком что не так? – озадаченный, я машинально дал щелчка особенно наглому и мрачному туманному завитку, пытающемуся выползти уже за пределы блюдца.

– Да что с ним может быть не так? Товар – высший сорт! Жажил сам выбрал мне три штучки, такие, чтоб вообще придраться не к чему было. Знает ведь, для чего...

Чтобы убедиться, что с яблочками леший-садовод и в самом деле нас не подвел, мы с Ягой попробовали второе, данное про запас, золотое-наливное, отменного качества. И с тем же результатом! Туман по всему посудному доньшку! Серый, зловещий! Да еще и на стол пытающийся выползти – явление, которого в принципе быть не должно! Потому что бабка гонит изображение в 3D-качестве, однако строго в пределах блюдца! По сути, его каемочка является защитной границей как раз от таких вот вторжений.

– Так... – заметив это непотребство, Яга резво поймала яблочко, прекращая трансляцию. Безжалостно прихлопнула несколько завитков, все-таки успевших перебраться на столешницу, и даже зажженной свечой обошла это место. Потом помолчала, явно о чем-

то думая. Я не мешал – мне до ее мудрости и ума хоть к старости бы дожить, потому что в универсах такому не учат. И хитрости тоже! Потому что бабка вдруг затянула свою старую и самую любимую песню:

– Тройчик, а давай-ка мы на тебя сейчас попробуем погадать!

– Ты опять за свое?! – спросил я грозно, уже подозревая, что все технические неполадки в сегодняшнем расследовании были самой же бабкой именно ради этого и спровоцированы.

Но оказалось – нет! Просто, переключившись на что-то совершенно другое, Яга хотела проверить исправность своего оборудования. В котором она была уверена, да. Но... чем черт не шутит? Блюдечки, знаете ли, тоже могут иногда зависать!

– Ладно, давай, валяй, только по-быстрому, – сдался я после таких объяснений.

По необходимости или нет, но Яга взялась за процесс с удовольствием. Правда, вначале мы с ней чуть поспорили, когда она третье яблочко захотела использовать, а я для чистоты эксперимента настаивал на двух предыдущих. Потом сдался, решив, что Яга в этом вопросе разбирается все-таки лучше меня. Она взяла новое яблочко, пошептала со своим блюдечком, потом надо мной там что-то поколдовала, я в эти ее хитрости уже и не пытаюсь вникать. А потом мы оба склонились к блюдцу, ожидая, как оно будет работать на этот раз.

Заработало отменно! Так что я снова чуть было не заподозрил Ягу в гадательных махинациях. Но она сама так при этом обрадовалась, что развеяла мои сомнения на корню.

– Работает, Тройчик! Работает!!!

– Ладно, давай тогда, это выключай, и возвращаемся к поискам.

– Нет, погоди! – Яга в блюдце разве что своим любопытным носом не уперлась, пользуясь случаем и пытаясь что-то там рассмотреть. Для меня эти все ее гадания выглядели всегда как мое отражение в зеркале, она же вечно ухитрялась выудить из этой картинки кучу дополнительной информации. Вот и сейчас, не успел я на нее рывкнуть, как собирался, чтобы время зря не тянула, как она мне вдруг заявила: – Тройчик, а ведь на тебе приворот!

– Надо же, с каким удивлением ты мне это сообщаем! – скептически усмехнулся я. – Скажи еще, что не сама его стряпала! И, кстати, опять?!?! Мы же договорились!!! – было уже несколько раз, когда Яга таким вот нехитрым способом пыталась наладить мою личную жизнь, подмешивая мне какие-то приворотные зелья, чтобы я обратил пристальное внимание на очередную «серьезную и достойную девушку. А уж хозяйку и умницу! А уж мастерицу-то! И, наконец, просто красавицу!». И я действительно обращал, поначалу не понимая, в чем дело. Но каждый раз соскакивал с крючка, потому что Яга меня не присушивала, а так, придавала импульс в нужную сторону. А мне почему-то «серьезные мастерицы» были как-то не по нутру. Да и насчет «красавиц» наши с Ягой понятия немного разнились. В общем, ни к чему бабкины усилия не приводили, кроме того, что я на этих девчонок свое личное время тратил впустую и так же впустую отнимал это время у них, отсрочивая серьезные поиски настоящего жениха. А потом кот, когда мы с ним под свеженькие комочки речных плодов пива перебрали на бережку, мне и проговорился насчет подпольной бабкиной деятельности. Мол, он меня уважает и все такое, и вовсе здесь ни при чем. И вообще он, как кот, не понимает гуманоидного стремления к браку, предпочитая вольные отношения. Ну, про его «вольные отношения» я знаю не понаслышке, в качестве участкового слежу за выплатой многочисленных алиментов, которых с каждым годом лишь прибавляется. А вот информация про бабку взял на вооружение. И не сразу, а чуть попозже, чтобы не выдавать своего осведомителя, устроил бабке хорошую взбучку. Много ей чего рассказал про таких вот свах из подполья! Пришученная мною бабка во время этой нашей беседы металась так, что, наверное, не один новый угол в своей избушке нашла – и пятый, и шестой, и десятый! После чего, заламывая руки, торжественно зареклась ставить на мне свои любовные эксперименты. И вот теперь сообщает мне про очередной приворот с честными глазами вчерашней школьницы! Вынуждая меня в конце концов грозно взреветь:

- Это как понимать?!!!

- Не я, Тройчик! Честно, это не я! - Яга так убедительно замахала руками, что пришлось ей поверить. И озадачиться: неужели в нашем поселке нашлась столь серьезная охотница за женихом, что даже постороннюю колдунью где-то отыскала для этих целей? Раз так, то я боялся даже предположить, что же представляет собой эта охотница. Но тут бабка озадачила меня еще больше, вдруг заявив:

- И не на женщину приворот!

- Чтооо?! - я аж подскочил от подобной новости. Не стал спрашивать, в своем ли бабка уме, потому что про меня такое даже умалишенный никогда не подумает. Так что вырвавшийся из меня рык состоял всего из двух слов:

- Кто он?!!!

Дальше, обретая способность говорить, я быстро и последовательно изложил, что и как я сделаю с этим извращенцем при встрече, наверняка в процессе этого доклада обогатив парой-тройкой новых словечек даже словарный запас выдавшей вида Яги. Она меня, надо сказать, не прерывала, с неподдельным интересом выслушала всю мою речь до конца. И лишь когда я, выдохнувшись, остановился, мягко заметила:

- Это не то, что ты подумал, Тройчик! Нет! Приворот был странный: очень сильный, хотя и недолгий, и сделан он был вообще не на человека, а на вещь.

- Уж не на весло ли?! - ахнул я, приходя в чувство. И сразу вспомнил свою необъяснимую тягу к этому предмету, с которым промучился всю ночь, не одну версту в обнимку с ним отмахал. - Это кто ж надумал со мной так изощренненько пошутить, отправляя в подобное путешествие? Не помню, чтобы я кому-то так насолил, напросившись на подобную муть.

- Сейчас попробуем все выяснить, - пообещала Яга, снова нагибаясь над блюдцем. Я терпеливо ждал, наблюдая за всеми ее пассажами и привычно стараясь не оказаться у нее за левым плечом, за которое периодически летели плевки. Сегодня - особенно часто. И вообще, не нравился мне внешний вид Яги. Слишком уж она выглядела серьезной, если не сказать - озадаченной. Лишь раз ее лицо просветлело, когда она вдруг выдала мне: - Скоро, Тройчик, скоро! Ты встретишь свою судьбу!

Я хотел ответить на это, что гораздо скорее я все-таки впаяю кому-то выговор, которого этот кто-то по непонятной причине очень боится. Но бабка уже и сама, без моих угроз помрачнела, снова погрузившись взглядом в блюдце. Закончив на меня ворожить, закрыла это окошко и опять попыталась узнать что-нибудь про волков. В ответ на ее попытку туман, еще чернее и гуще прежнего, сразу попер из блюда с новой силой, на этот раз заставив Ягу даже вскочить, зажечь одним взглядом целую связку свечей, а потом фехтовать ими над столом до тех пор, пока в пламени вокруг погасшего блюда не был уничтожен последний туманный завиток.

- Дрянь дело, Тройчик, - выдала Яга после долгой паузы, которую я даже не пытался прервать своими вопросами, так и вертящимися на языке.

- Это я и сам уже понял. Ты мне детали лучше сообщи. В каком хоть направлении мне искать этих четверых сволочей? Где они сейчас, валяются в подпольном борделе? Или в одном из вытрезвителей? Только не говори, что еще где-нибудь в соседнем районе, где у меня нет знакомств, а значит, они там напрочь портят мне всю квартальную статистику!

- Да если бы так, то в нашей ситуации это можно было бы счастьем считать! - огорошила меня бабка. - Бывают такие случаи, Тройчик, когда даже испорченная статистика - не самое страшное, что может произойти! В общем, так: волков я на сей раз найти не могу. А все потому, что они не сами собой исчезли. Нет, к этому процессу мой коллега рученьку свою приложил. Маг. Мужчина. Не местный, да еще как бы и не выходец из другого мира, потому что есть признаки параллельного пересечения.

Пересечения? Параллельного?! Мне невольно пришла на ум «квадратура круга» и прочая дребедень, но бабку прерывать я не стал. А она вещала дальше:

- Маг он очень сильный! Черный и злой! А еще очень самоуверенный, - тут бабка

гаденько усмехнулась, вселяя в меня надежду, что нам он все же окажется по зубам. Если только удастся его найти! Потому что с этим вопросом как раз было плохо, о чем бабка мне и поведала: – Маскировка у него очень качественная! Ты сам это видел! Я сквозь его туман даже одним глазком заглянуть не смогла! А будь я самоучкой, а не потомственной колдуньей в бессчётном поколении, этот туман и вовсе мог бы нас с тобой сегодня убить. Он, собственно, для этой цели и был создан хозяином – чтобы уничтожать все его следы вместе с теми, кто начнет ими интересоваться. Вот так-то, Тройчик! Хотелось бы тебя новостями порадовать, да не судьба! – тут Яга вздохнула и снова о чем-то задумалась. Я же, предоставленный сам себе, обвел комнату мрачным взглядом.

Хорошенькое дело получается, если моя помощница, при всей ее силе, при средствах и атрибутах, развешанных по стенам, сознается в своем провале. Ну что ж! Значит, придется мне вспомнить прежние времена, когда мы с ней еще не спелись дуэтом, потрянуть своей врожденной ленью и приступить к расследованию старым дедовским способом: по шажку, по крупиночке, по словечку, выуженному у каждого с трудом найденного свидетеля. А Яга, насколько я ее знаю, еще попытается реабилитироваться, так что ее не стоит скидывать со счетов. Только бы осторожнее была, раз тут такой противник!

Тут мой взгляд упал на стол, на два первых яблочка. И я, в который раз за день, не удержался от очередного словечка из тех, за которые в общественных местах обычно даже штрафую.

– Что, Тройчик? – оторвалась от размышлений Яга.

– Во! Смотри! Оба яблока почернели! Словно обуглились! – я попытался взять одно яблочко в руки, но в последний миг Яга меня резво и крайне невежливо перехватила, только что по затылку не треснула за мое легкомыслие. После чего велела мне в сторону отойти, а сама поколдовала над яблочками и смахнула их в хрустальный короб. Эти два, а после, подумав, и третье следом, тоже начавшее темнеть. И постановила:

– Надо к Жажиле опять разворачиваться, пока далеко не ушли! И не только за новыми яблочками! Он как эксперт-садовод должен поучаствовать в совещании насчет этих. Ты уж прости меня, Тройчик, за грубость, но сам виноват: нельзя к таким вещам руки тянуть!

– Да ладно, – отмахнулся я. – Давай уже избу поворачивать.

Избу долго уговаривать не пришлось, Яга просто вышла и показала ей свой дрын, после чего произнесла почти ласково:

– Снова к Жажилушке! В нормальном темпе и без фокусов!

Вредная изба закачалась на ножках, и в легком скрипе ее деревянных стропил прямо слышалось: «Как же так? Я? И без фокусов?» Но хотел бы я видеть, долго ли она пробежит, если вздумает пуститься в галоп, оставив снаружи не меня, а Ягу! Яга в ярости такими заклинаниями способна швыряться, что потом только сама удивляется полету своей фантазии. И никогда не знает, что ей может прийти на ум при следующей вспышке гнева. У одного городского деляги, например, после ее «благословения» детородный орган вырос на лбу, и этот несчастный долго потом ходил за Ягой, умоляя избавить его от подобного «украшения». К счастью, я бабку в ярости видел всего пару раз. Избушка – наверняка больше, учитывая продолжительность их совместной жизни. Поэтому предпочла все же не напрашиваться на неприятности, особенно после того, как Яга выразительно хлопала дрыном по раскрытой ладошке. Наоборот, присела, чтобы Яге было удобнее подниматься на крыльцо, потом плавно развернулась и ходко затопала по тропинке. Я, глядя в окно, только гадал, во что эта сегодняшняя покладистость выльется в будущем. И как долго нам за нее придется расплачиваться потом, когда на злопамятную избу уже перестанут действовать сегодняшние воспитательные меры, а бабка еще не соберется их повторить? Под эти мысли и под монотонное, очень тихое избушкино «топ-топ-топ» я незаметно для себя и заснул прямо на лавочке. А чему тут было удивляться? Хоть и дело вырисовалось сложное, хоть и за друзей мне было теперь тревожнее прежнего, но толком не спал-то я почти двое суток! И был, опять же, не просто так, а с тяжелого бодуна.

Разбудил меня упавший на лицо солнечный луч. Утренний, в чем я смог убедиться, услышав донесшийся через форточку сигнал точного времени, ежечасно издаваемый дежурной кукушкой. Одна такая «дежурная точка» располагалась как раз недалеко от Жажилиного сада, так что нетрудно было догадаться, что мы до него добрались. Но, мама моя дорогая, это сколько же я проспал?! И почему меня разбудить не удосужились?

Потому что пожалели, понял я, в поисках Яги выходя на крыльцо. Они с Жажиллой уже совещались вовсю недалеко от избушки, но тихонько, почти шепотом, чтобы через открытое окошко не потревожить мой сон.

- А вот и он! Проснулся, касатик! - переходя да полную громкость, констатировала Яга, когда я появился в поле их зрения.

- Что ж ты, мой агент, дрыхнуть мне позволяешь в служебное время? - укорил я, спускаясь с крыльца на землю. - Привет, Жажила! Рад тебя видеть!

- Взаимно! - леший протянул мне для пожатия свою мохнатую лапу. Голос у него, несмотря на маленький рост, звучал солидно, как у медведя. Да и сам он весь был каким-то солидным, упитанным, с тщательно причесанной на теле густой растительностью, после которой про голову и бороду вовсе не следовало говорить - волосок к волоску! В отличие от большинства рядовых лешаков, тощих, лохматых, да еще и репьев наловивших в бороду. Я слышал, что это сейчас у них мода такая пошла, на репьи. Но Жажила ей не следовал. Как я, опять же, слышал - из-за одной лесной кикиморы редкостного обаяния. Поздоровавшись со мной, он сразу приступил к делу:

- Ну что, рассказала мне твоя агентша про возникшие неприятности. С яблочками не будет проблем, я дам еще, сколько надо будет, - леший тут же протянул мне одно, словно материализовавшееся у него в лапе: - Вот, кушай пока на здоровье, - и, пока я, поблагодарив за угощение, вгрызлся в сочный фрукт, он продолжил свою мысль: - Важнее другое: отчего же они чернеют? С этим вопросом мы с Ягой с утра разбираемся, уже несколько анализов провели.

- И каков ваш вердикт? - спросил я, встречаю в сделанную для солидности паузу.

- Не гниль, не изъятие соков и жизненных сил - нет, просто черная порча на полное уничтожение, - с возмущением выдал Жажила, никогда не одобрявший бессмысленного перевода продуктов. - Эх, такие яблочки! Если они ему чем-то мешали, то лучше б он их с той стороны магиоканала вытащил и сожрал, чтоб попусту не губить!

- И подавился бы ими, треклятый! - с очаровательной улыбкой мечтательно досказала Яга. А потом нахмурилась и произнесла уже совсем другим тоном: - Тройчик, он еще опаснее, чем я вчера про него подумала. Если бы я вчера не успела тебя перехватить и ты б за яблоки за эти черные ухватился, то и сам бы уже сейчас чернел, как они! И уж не знаю, как бы я тебя от этой хвори спасала! Так что не ты этим чернокнижником заниматься должен, и не мы вместе, а только я! Он из тех черных магов, у которых трава под ногами жухнет! И с ним, как с отравой, долго рядом даже находиться нельзя!

- Ну, в этом случае я не откажусь, если ты дашь мне пару-тройку своих охранных амулетиков. А искать все равно буду, если не его, то хотя бы волков. Ума не приложу, зачем они ему понадобятся могли! И что он только мог с ними сделать?!

- Будем надеяться, что живые они ему оказались полезнее мертвых. Хотя от этакого-то злодея можно много чего ожидать. Маг - он и есть маг.

- Помнится, однажды такому я, не дожидаясь, пока он там наколудится, просто морду набил, словно обычному смертному! И ничего, помогло! Когда оба дурные глаза подбиты, а колдовские ручонки за спину выкручены, то и маг вполне становится на человека похож!

- Тройчик, и думать об этом забудь! - всполошилась Яга. - До этого типа ты вряд ли успеешь кулак донести. Да что там, даже замахнуться не сможешь! Он первым тебя так припечатает, что мне только и останется отскрести, - последние слова бабка

произнесла писклявым голосом, готовым сорваться на слезы, как будто я уже растекался по стенке.

Я никогда ее не видел такой. Но пасовать перед опасностями не привык. Так что решил, более не озвучивая Яге своих планов, чтобы попусту ее не тревожить, действовать сразу, как только вернусь в поселок. Возвращаться же я постановил сразу, не мешкая, потому что тут магически образованные специалисты и без меня найдут, чем заняться. А я, если тут задержусь, буду им только мешать.

Отправили меня, по мнению Яги, очень оперативно, а вот на мой взгляд – с проволочками, без которых вполне можно было и обойтись. Но нет, мои возражения и слышать никто не хотел! И после того, как я умылся-набрлся в дорогу, чтобы в поселке население не пугать, меня обвешали амулетами, среди которых чего только не было, совсем уж лишнего, включая амулет от поноса, а потом еще и за стол усадили. А потом Яга взялась на скорую руку латать мою рубашку под Жажилин бубнеж: он был уверен, что для меня перед дорогой непременно нужно было еще и баньку организовать. Я еле отнекался от этой затеи, с боем вырвал у Яги недочиненную одежду, а вот от мешка с фруктами, собранного Жажилой в подарок, отделаться уже не сумел: он бы очень сильно на это обиделся. Но зато на мой вопрос: как я, по его мнению, должен все это тащить? – он мне великодушно одолжил свой ковер-самолет из опавших листьев. На мой взгляд, выглядело это творение не надежнее соломенной лодки, и, забираясь на него, я несколько раз порывался спросить у Жажилы, а сам-то он летал *на этом* хотя бы разок? Или, пользуясь случаем, решил свой ковер вначале на мне протестировать? Однако время поджимало, а отказаться от лешевского чудо-транспорта означало идти пешком. И я, поелозив на кое-как сметенном опаде, с замиранием сердца все-таки дал команду на взлет.

Надо ли говорить, что до самого поселка я сидел на ковре, не смея даже шелохнуться? Листья подозрительно шуршали подо мной и будто бы даже перемещались, постоянно то раздуваясь по сторонам потоками воздуха, то снова смешиваясь в кучу, а я только и ждал, что в самом центре ковра вот-вот образуется дырка, в которую я вывалюсь вместе с Жажилушкиным мешком. И полечу все вниз да вниз, дополнительно ускоряемый его весом. Но на самой мрачной из представленных мною картин – как Яга скорбно собирает мои косточки, разбросанные по земле вперемешку с битыми фруктами, – ковер пошел на снижение. На удивление плавно, не то что метла. А главное, сел он у меня во дворе, уже за воротами, так что мое возвращение мог заметить разве что Баруза, наш местный дворник из гуманоидов. Он мрачно покосился на спикировавшую за мой забор кучу листьев, вяло шаркая по улице веником. Но этот тип, насколько я его знал, был ленив еще больше, чем жуликоват, так что он точно не кинется сейчас по дворам с рассказами о моем прибытии. Тем более, что сам знает, сельчане его не слишком-то жалуют, одновременно и какого-то ущербного с виду, и надменного по характеру, будто он царь, а не дворник. В общем, можно было считать, что вернулся я домой практически незаметно. Мне это было очень даже на руку, потому что просто необходимо было посидеть в тишине и уединении, чтобы меня никто не тревожил со всякими там расспросами, дабы я мог обдумать всю свалившуюся на меня информацию – только после этого я мог бы наметить хоть какой-то план предстоящего мне расследования. Но еще того прежде... Весело! Оно так и стояло представленным к крыльцу. Я подошел к нему. К тяжелой раскоряке на длинной ручке, которую мне, природному лентяю, вдруг с чего-то вздумалось тащить на себе столько верст! И даже не датому, а пьяному в хлам: состояние, в котором обычно мое нежелание совершать всякие лишние телодвижения достигает своего апогея! Вот посидеть в спокойной обстановочке, пообщаться с народом, даря всем свою косую, но искреннюю улыбочку, это да! Это в моем стиле. Но что-то куда-то тащить, взвалив на себя это добровольно, без всякого принуждения... Нет, это был словно не я! Но если, как сказала Яга, кто-то сделал мне на эту вещь приворот, то это все объясняло и кардинально меняло дело! Ведь что получалось-то?... Пытаясь составить связную картину, я оторвался от весла все еще с каким-то смутным сожалением, но уже без видимого усилия, и пошел в дом.

Когда я принял душ, окончательно оттерев с себя избытую сажу, переоделся и зашел к себе на кухню, то обнаружил, что, выгнав меня из дома на поиски своих половин, волчицы зачем-то перемыли мне всю посуду. О, женщины! А ведь в кофейнике вчера плескались остатки сваренного Хлойкой кофе, который я и сегодня вполне еще мог допить. Теперь же мне придется варить его заново. Не такой вкусный, как у Хлойки. Но сейчас мне было куда важнее, чтобы он был достаточно крепок для активизации моих мыслительных функций. Я привычно пошарил в буфете в поисках молотых зерен. Но вместо давно выброшенной пустой пачки нашел на полке лишь записку, оставленную себе самому в порыве отчаяния, потому что так вот шарился я уже не единожды. Записка гласила: «Кофе купи, debil!». А ниже уже не моим, а Хлойкиным почерком была сделана ехидненная приписочка: «Или женись наконец!» Ага! Вот уж спасибо за совет! Лучше бы вместо него мне немного сухого кофе, когда варили, из своей упаковки отсыпали, на развод! Но раз уж нет – так нет. Еще раз оглядев свою блещущую чистотой, но пустую кухню, я решил наплевать на тайну своего возвращения в поселок и дойти до кабака. Он был ближе магазин. А главное, его владелец, старый медведь Аким, тоже умел варить бодрящий напиток выше всяких похвал. Прихватив ему фруктиков от Жажилы в качестве гостинца, я вышел со двора. И, двигаясь по хорошо знакомому маршруту почти машинально, в это же самое время пытался собрать разрозненные факты в более или менее единое целое, пусть даже пока и с прорехами.

Без принятого кофе думалось, конечно, хуже, чем с ним. Тем не менее, конец ниточки я, кажется, отыскал. И это было не весло, а Тарюшино упоминание о странном типе, который интересовался волками в тот день. Этого незнакомца, как сказала Тарюша, вроде бы чем-то не устроило то, что нас тем вечером было пятеро, включая меня. Вот отсюда я и провел параллель до весла! Если этот незнакомец выследил нас и захотел отсеять меня от волков, то как он мог это сделать? Учитывая заявление Яги о том, что в исчезновении моих зубастых дружков был повинен маг? Да очень просто! Ему для этого нужно было всего лишь незаметно пробраться вместе с нами в последний кабак, затесаться в толпе, подобраться поближе к нашей компании, и наплести на меня свой приворот! Чтобы я потом, выйдя на улицу, вцепился в попавшееся мне на глаза весло так, как будто вся моя жизнь от него зависит! И потащился бы с ним, по полной программе испытывая в дороге волчье терпение. А когда волчары, не выдержав моих выражений, поймали такси... Стоп! Поймали ли?! Или его появление тоже было организовано? Потому что свободные такси на том участке дороги вообще-то довольно большая редкость. А тут, можно сказать, подали карету почти к самому носу! Волкам, но не мне! Поскольку тот, кто все это затевал, должен был предвидеть мою реакцию. Я в тот момент со своим веслом ни за какие сокровища бы не расстался! А в машину его захватить даже трезвому было не под силу, потому что это задача вообще нереальная. Вот я и остался на дороге, а волки уехали. Только уехали ли?! Или их в этом такси увезли?! Куда, зачем?! На эти вопросы я пока и не пытался найти ответ, для начала попробовав вспомнить номера машины и хотя бы общий облик таксиста. Обычно я такие детали машинально подмечаю, это уже профессиональное качество. Но сейчас – о, чудо! – всю мою память как будто протерли тряпочкой. Словно Хлойка там похозяйничала вместе с подругами, так же старательно, как и у меня на кухне потом. И поскольку я в своей наблюдательности был уверен, то сразу понял, что это тоже неспроста. Придется в ближайшее время снова отправляться к Яге. И не одному, а снова с веслом. Пусть моя дама-эксперт с ним поработает, попробует найти остатки чужеродной магии и через них попытается установить личность мага, если по блюдечку не удалось. Кроме того, если мне память стерли магически, то, может, Яга сможет хоть что-то восстановить? А пока оставался еще один шанс нарисовать хотя бы нижнюю часть лица незнакомого злодея – Тарюша! Она его видела в капюшоне, но ведь видела! Губы, овал лица. Рост и вес, наконец. Я сразу ее подробно не расспросил, надеясь, что Яга мне без проблем сумеет фоторобот этого подозрительного типа нарисовать. Но раз уж дело так обернулось, то теперь радость моя, Тарюша, становится в этом деле важным свидетелем. И мне надо бы еще сегодня с ней успеть побеседовать. Вот, кстати, в кабаке не только кофе выпью, а еще и ее поищу, она там тоже частенько бывает. Порой заходит туда не выпить, как это систематически делают некоторые шалопаи вроде меня, а просто с населением пообщаться. Ведь кабак в нашей местности – это не только питейное заведение, а еще и столовая, и что-то вроде клуба, где завсегдатаи собираются, чтобы обменяться новостями (а так же сплетнями, рецептами, выкройками, журналами и т. д.). Так что стоит туда поспешить, решил я, выходя из раздумья и прибавляя шагу.

Снова натолкнулся в своем пути на Барузу, то ли пытавшегося уличить мести, то ли стачивающего общественный веник о сельский тротуар просто забавы ради. Сойдя с тротуара, я обошел Барузу, как столб, зная, что этот заносчивый тип никогда и никому не уступит дороги, и, не особо при этом задержавшись, вскоре уже был у дверей кабака.

В кабаке в это время дня обычно посетителей бывает немного. Но сегодня, вопреки ожиданиям, в главном зале оказалось весьма многолюдно. Странно! Вроде бы сегодня не выходной. Да и вчера был не праздник, чтобы народ еще до наступления вечера потянуло сюда для поправки подорванного здоровья.

- Всем привет! - обратился я к дружно повернувшимся в мою сторону лицам. Трезвым и невеселым каким-то... Ну да, волки пропали! Но все равно, я выгляжу оптимистичнее этой публики, хотя у меня поводов для расстройства побольше имеется. Во-первых, зубастые - мои кореша! А во-вторых, никто в этом поселке, кроме меня, еще не может знать, насколько все серьезно. Или еще что-то случилось, пока меня не было?

Я кивнул сидящему за стойкой хозяину:

- Аким, сделай, пожалуйста, кофе! Двойной!

- Один момент! - ответил Аким, но тоже как-то без огонька и без своей фирменной улыбочки. Это уже не просто настораживало, это заставляло задуматься. Но вначале, пользуясь случаем, я решил снять со всех собравшихся нужные мне свидетельские показания. По опыту знаю, что все остальные новости и сами всплывут в процессе основного опроса. Так что я привычно - уж сколько раз свидетелей собирать приходилось! - встал в центре зала. Просить «минуточку внимания» не пришлось, оно и так все было направлено на меня. Поэтому я перешел сразу к делу:

- В связи с расследованием исчезновения волков мне нужны малейшие сведения о... - и я четко выложил скупые подробности про подозрительного Тарюшиного мужика. - Если кто видел подобного субъекта даже издали, мне это очень важно знать. Время и место встречи, а так же какие-то дополнительные приметы, если кто успел их рассмотреть.

- Ламадьяй видел похожего фрукта, - после недолгих раздумий выложил Тим, тоже вполне себе мирный сохатый, только, в отличие от Ламадая, не бомжующий по идеологическим соображениям. - Он мне еще рассказывал, что этот мужик мимо него проходил, когда он грустил под забором, и поэтому смог ему с земли под капюшон заглянуть. Так вот, мужик, по словам Ламадая, вроде бы гуманоид, но глаза из-под капюшона красным светятся. Тут я этого горе-рассказчика на смех поднял: он порой такую гадость употребляет, что к нему глюки приходят уже не в первый раз. Глаза у гуманоида - и вдруг красным!

- Конкретно с этим типом в капюшоне все может быть, - я оглядел помещение на тот случай, если и Ламадьяй незаметно пребывает сейчас где-то поблизости в надежде на халявную выпивку: а ну как у кого-то душа разгуляется и начнут угощать? Но, вопреки обыкновению, ни вдоль стенок, ни в темных углах я на этот раз не увидел знакомого тощего лица с обломанным рогом и с неизменными синяками, залегшими под сенью больших и печальных глаз. Поэтому снова пришлось обратиться к электорату: - Кто и где видел Ламадая в последний раз? Мне необходимо лично его опросить. Попутно делаю всем официальное заявление: если кто встретит неизвестного в капюшоне, ни в какие контакты с ним не вступать! Он опасен и, скорее всего, вооружен! Поэтому о его появлении просьба срочно сообщать лично мне! Мне будут ценны все подробности, какие только сумеете рассмотреть на расстоянии, не подходя к нему близко! Уяснили? Так, а теперь вернемся к вопросу про Ламадая.

- А я его не только сегодня с утра, но и вчера вечером тут не видел, - с удивлением вспомнил Аким, обычно вынужденный выгонять сохатого бомжа каждый раз, когда закрывал заведение.

- Так... - новость мне не понравилась, из-за чего я как-то бездумно взял только что поставленную передо мной на стойку чашечку с кофе и машинально опрокинул в себя ее содержимое, прежде чем Аким успел крикнуть мне:

- Трой, горячо!

- Спасибо, уже понял, - прохрипел я доброй минутой позже, четко ощутив разницу между горячительным и просто горячим. Выпустил пар из ушей и огонь изо рта - ну, по крайней мере, впечатление у меня было именно такое. И, вернув пустую чашку обратно, обвел взглядом всех, кто стал свидетелем моей попытки самосварения. Как ни странно, я не увидел ни единого ухмыляющегося лица. Так что даже удивился вслух, с трудом ворочая обожженным языком: - А что это мы все такие серьезные? Что, моя шутка не удалась?

- Какие тут шутки, Трой? - ответил мне за всех тот же Тим. - Выходит, зря я Ламадя на смех поднял? Он еще таким испуганным выглядел, что я подумал: точно, глюки у него опять! А вот теперь, если его тоже не отыщут...

- Но-но, что за настрой? - одернул я этого пессимиста. - Всех отыщу! Мне для этого нужно лишь время! Ну и ваша помощь, разумеется, тоже.

- Помочь-то поможем, и сороки сейчас весь поселок про красноглазого оповестят, - протрещала мне одна из них, бойкая Стеша. - Но ты не в курсе еще, что и в других поселках жители начали пропадать? А из Веселовки даже не взрослые, а дети пропали.

Дети! Это уж вообще никуда не годилось! Я сделал себе мысленную пометку связаться с Раром, коллегой из Веселовки, на предмет дополнительной информации от него и моей возможной помощи. А пока надо было на своей территории деятельность развивать. Я покосился на Акима и махнул ему рукой, чтобы подал еще чашечку кофе. И, на этот раз выпив ее с максимальной осторожностью, в последний раз обратился к своему электорату, перед тем, как уйти из кабака:

- Я иду на поиски Ламадя, но если кто-то что-то узнает о нем прежде меня, просьба срочно отыскать меня и поставить в известность. Если сокол меня сверху не увидит в поселке, то, возможно, я буду дома у Тарюши. У меня к ней тоже есть несколько вопросов.

- А то соколы не знают, по каким ты обычно маршрутам болтаешься, - вздернув свой загнутый нос, насмешливо фыркнул сокол Ким, один из поселковых воздушных разведчиков. Отвечающих, в основном, за пожарный контроль, но и закону иногда послужить не отказывающихся. За что я их, бесспорно, ценю. Хотя ценил бы гораздо больше, если бы эта крейсирующая в небе братия умела бы вовремя отворачиваться и не совать свои клювы туда, куда их не просят. Хорошо, что хоть много не болтают о том, что иногда умудряются сверху высмотреть. Вот и сейчас эта клювастая морда не стала уточнять, на что намекает, а я не стал напрашиваться на подробности - кто его знает, что ему там сверху привиделось. Сказал только Киму:

- Был бы благодарен тебе и всем твоим, если бы и вы поучаствовали в поисках Ламадя, - на что, как всегда, получил четкий ответ, что чем смогут - помогут. Это означало, что облет местности будет совершен в ближайшее же время. Так что я, обнадеженный, двинулся к выходу, когда меня остановила фраза, долетевшая уже мне в спину:

- Куда ты? К Тарюше? А ведь ее со вчерашнего дня тоже никто не видел!

- Вот это новость! - я снова развернулся лицом к залу. Не стал рассказывать о том, что вчера лично общался с Тарюшей, явившись к ней прямо с небес. Просто уточнил у сообщившего мне это лиса Мележи: - А ты с чего за всех-то заговорил?

- Потому что не только я к ней вчера во двор заглядывал. Еще Ивор к ней бегал по делу, и Флора тоже. Так вот, двери у Тарюши нараспашку были, я их лично прикрыл. И все брошено. Даже машина стоит у ворот, а во двор ее закатить некому.

- Ясно. Ну, тогда я тем более к Тарюше. Буду сразу выяснять, что там могло случиться.

Больше меня задержать никто не пытался, и я почти галопом через улицу пропустил. Надеюсь, что ничего серьезного не произошло, но подсознанием уже чувствуя: не к добру я собрал местные новости, и ничего хорошего они мне не сулят. Вначале волки, потом Ламадяй... ну, этот, может, где-нибудь еще валяется под кустом и найдется самостоятельно, только чуть позже. А теперь Тарюша. Пропавшая уже после того, как одолжила мне свой внедорожник, но еще до того, как он по своим старым следам успел

вернуться назад, раз остановился перед воротами. Тарюша-то, кажется, пропала по-настоящему, потому что, по словам Мележи, даже дверь за собой не закрыла. Чего с ней, как с аккуратной хозяйкой, просто быть не могло. Да что же это за напасть такая на наше село?! Не говоря про соседние. Пока мне ясно было только одно: во всех исчезновениях виноват тот проклятый красноглазый колдун, с которым даже Яга до сих пор не смогла разобраться. И орудует он не только в нашем поселке, потому что как-то непохоже было, чтобы сразу в нескольких местах в одно и то же время завелось несколько маньяков-похитителей.

Два вопроса в этом деле мучали меня сильнее всего: куда и зачем? Иными словами, где и как может пригодиться колдуну столь разношерстная публика? Конечно, я еще выясню, кто пропал в соседних поселках, но у нас... Как-то никак между собой не вязались четверо разгульных волчар, изыскано ухоженная поросля и бомжеватый лось. А между тем внутреннее чутье настойчиво твердило мне, что все шестеро исчезли в одном направлении.

Стоп! Одна мысль вдруг так поразила меня, что я резко остановился, словно наткнувшись в пути на стену. Волки... да, на них, судя по тому, что мне сообщила Тарюша, планомерную охоту вели! А вот дальше... Это же была просто подчистка свидетелей! Ламадя, случайно увидевшего, как красноглазый проходил мимо. И Тарюши! По каким-то причинам колдуны не смог или отчаялся отыскать нашу компанию самостоятельно, вот и обратился к Тарюшеньке, всегда прямо-таки излучающей приветливость и готовность помочь ближнему своему. Как она там, смеясь, про себя говорила: «Моя телесная оболочка должна быть большой, потому что ее всю душа занимает». Вот, даже не понравившемуся ей магу она не смогла в помощи отказать. За что, похоже, и поплатилась. Интересно, стал бы похищать ее этот злодей, если бы узнал, что перед тем она уже успела побеседовать со мной, так удачно прилетевшим на метле именно в ее двор? Совсем ненадолго и так, что больше никто этого, кажется, не заметил.

Машина действительно стояла на улице, сиротливо уткнувшись носом в закрытые ворота. Так как у меня еще не истек доступ к управлению, то я открыл их и загнал бедняжку в гараж. Проверил навигационную запись: да, я был последним, кто на ней ездил, после чего машинка мирно вернулась домой, где, как выяснилось, ее уже никто не ждал. Оставив ее под прозрачной крышей дозаряжаться на солнышке, я направился в потерявший хозяйку дом. И сразу увидел, что Мележа был прав: все в доме говорило о том, что Тарюша покинула его внезапно и очень поспешно.

Как такое могло произойти? Я даже не пытался ответить на этот вопрос, хорошо помня, какую шутку колдуны провернул лично со мной, всю ночь заставив переть на себе весло. Так что, с его-то возможностями, он вполне мог и на Тарюшу накинуть какой-нибудь приворот, принудивший ее выбежать за ворота. Или, что в ее случае было бы еще эффективнее, подослать к ней из-за забора слуховой морок с призывом о помощи. Едва заслышав такой, Тарюша с ее добрым сердцем кинулась бы на улицу без раздумий. А дальше... дальше... дальше... Ну куда они могли потом деться?

Уверенный в том, что искать что-либо в доме бесполезно, я направился к воротам. Вышел за них, огляделся по сторонам, словно в надежде, что Тарюша по пути мне сигнальных флажков понавешает, как обычно делала во время своих загулов енотиха Льяша. Просто шла, куда пьяные ножки несут, и время от времени оставляла на кустах по лоскутику яркой ткани, обрывая их с очередного нового платья. По ним Лерож, ее муж, в конце концов и находил свою благоверную. После чего ему оставалось, отложив на следующий день разнос и покупку нового платья, только на тележку ее погрузить и доставить домой. Но, к сожалению, от Тарюши я такой весточки не приметил. Зато меня другое заинтересовало: по газону вдоль тротуара, начиная почти от Тарюшиных ворот, тянулась полоса пожухлой травы. Это что ж тут такое было? Кто-то нес канистру, из которой какая-то гадость подтекала? Так что ж это могло вытекать? Я это себе даже представить боялся. Отменная должна быть отравка! Но главное, что ее, похоже, сперли с Тарюшиного двора, бессовестно пользуясь отсутствием хозяйки. Тут мне очень захотелось взглянуть в ту бесстыжую рожу, у которой хватило наглости обворовать эту золотую женщину! Движимый праведным гневом, я стал высматривать свежие следы в траве, а потом и двинулся по ним уже с четкой целью: оперативно найти того подлеца! Поставить его перед выбором: протокол или пару раз в морду, в воспитательных целях, без составления онога. А потом отобрать канистру, ну, а уж заодно и расспросить:

может, видел что подозрительное?

Вначале пожелтевшая дорожка в зеленом ковре травы тянулась почти ровно. Потом начала петлять: через тротуар, мимо бордюрных кустов и к лесу, который, за редким исключением, окружает все наши поселки плотным кольцом. Здесь лес, на мое счастье, оказался лиственным: в хвойном только игольный опад под ногами, по которому я вряд ли что-то смог бы отследить. А здесь капающая из канистры отравы продолжала свое черное дело, заставляя никнуть оказавшуюся на пути траву да цветочки. Мне оставалось только смотреть и идти. Я и шел, внимательно глядя себе под ноги, пока не остановился в довольно глухом местечке, хоть и недалеко от поселка. Таинственный след здесь обрывался, но не просто так, а в центре какого-то черного круга, оцетинившегося схематично набросанными лучами. Весьма зловонного, надо сказать. Причем, запах был скорее не противным, а крайне тяжелым. Даже ядовитым каким-то. Это что, здесь остатки из спертой канистры вылили? Или...

Я застыл в раздумье, разглядывая черные каляки-маляки на земле. Сами ли они получились, или были начерчены здесь чьей-то рукой? Яга при мне как-то изображала нечто подобное, но всего лишь раз, да и то по острой необходимости. Потому что, по ее утверждениям, ни к чему хорошему такие вот фокусы не ведут. Но то, что сейчас было передо мной на земле, тоже вполне могло оказаться вспыхнувшей и выгоревшей пентаграммой. Сделанной, разумеется, не Ягой. А кроме нее здесь никто этим больше не занимался, если только не брать в расчет красноглазого, которому такое вполне могло оказаться по силам. Да и по вкусу тоже, учитывая его дурные наклонности. А ведущий к этому месту след... Тут мне живо вспомнились слова Яги: «...он из тех черных магов, у которых трава под ногами жухнет». Так была ли это в самом деле пролитая отравы, следов которой я на пожелтевшей дорожке так и не обнаружил? Или Яга не преувеличивала, говоря про траву? И она поникла всего лишь потому, что по ней прогулялся колдунья? Маршрут был как раз подходящим, от дома Тарюши и до этого я-не-знаю-чего, с которым пусть теперь Яга разбирается.

Я отошел от черного пятна на земле, стараясь не оставлять тут лишних следов. Огляделся. И быстро нашел то, что искал, а именно дятла, хозяйничающего на крупной старой березе. Изложил пернатому суть дела, и он добросовестно застучал клювом по самой звонкой части ствола, морзянкой передавая мое сообщение всей округе. Теперь я был уверен, что еще до наступления вечера оно достигнет ушей Яги. Она, мой эксперт, нужна мне здесь как можно скорее! Так что в своем сообщении я даже попросил ее прилететь на метле, бросив избу на Ваську. А пока что огородил подозрительное место специальной лентой, которую Яга выдавала мне как раз для подобных случаев, и направился обратно в поселок. По пути на всякий случай еще посматривая под кусты в надежде обнаружить Ламадя под одним из них. Хотя всем своим нутром чуял, что не обнаружу.

Подтверждая это мое предчувствие, ко мне, как только я вышел из леса, спикировал с неба Ким. Повел плечами, тряхнул крыльями, поправил криво лежащее перышко, после чего соизволил, наконец, доложить о том, что облет территории никакого результата не дал, а Ламадяй как сквозь землю провалился. Я мрачно поблагодарил его за невеселые новости, еще больше уверившись в том, что недавно видел именно то место, откуда наш бомжующий идеалист стартовал в далекую неизвестность. Да еще и не он один.

- И вот еще, Стеша просила передать, - Ким протянул мне исписанный сверточек. - Она решила инициативу проявить, разослать самых шустрых сорок по окрестностям, чтобы они собрали тебе имена тех, кто пропал в соседних поселках.

- Вот за это спасибо! - обрадовался я. Как только сам не догадался ее об этом попросить? Наверное, первая чашка кофе не только рот мне обожгла, но и мозги чуть-чуть зацепила, на время лишив способности ясно мыслить.

- Пожалуйста. Если только появятся новости, тут же будем тебе сообщать, - заверил Ким. И, не тратя лишних слов на прощанье, сразу резко взмыл в небо. Я проводил его завистливым взглядом: везет же некоторым! Летают себе без всяких метелок и сомнительных горе-ковров, на которых даже дышать полной грудью не смеешь, чтобы вниз не свалиться. Потом развернул списки и пробежал по ним глазами. Из каждого поселка исчезло в среднем по четыре-шесть жителей. Причем, из двух поселков (а не из одного!) пропали действительно дети, что совсем уж ни в какие ворота не лезло! Я со злостью сунул списки в карман, словно они в чем-то передо мной провинились. Постоял

посреди дороги, спрашивая себя, могу ли я еще хоть что-то сделать сейчас, до прибытия моей «дамы Яги». Но опыт, выработанный за многие годы общения с нею, подсказывал мне, что лучше сейчас не соваться туда, где специально обученные люди лучше меня ориентируются. Я выяснил, что случилось. Установил, как и где именно. Теперь оставалось только ждать. Надеюсь, недолго. Потому что тревога за пропавший народ не давала мне покоя. Особенно за детей и за моих односельчан... чтоб зубастым пусто было! Были бы настоящими друзьями и не бросили бы меня с веслом посреди дороги, несмотря ни на что, так и неизвестно еще, как бы все обернулось. Но им, видишь ли, приспичило к девочкам! Как будто колдунья успел им в кабаке афродизиака в рюмки подлить. А может, и в самом деле успел! Такое ощущение, что у этого гада красноглазого все и везде было загодя схвачено! И лишь цепочка случайных совпадений до сих пор не позволила мне потерять его след, наоборот, даже обогатила меня некоторыми новыми сведениями.

По мере того, как я их получал, у меня все четче прорезывался следующий вопрос: а я-то чем ему не угодил? В том смысле, что он не захотел прихватить меня куда-то там заодно с волками, а вместо этого затеял сложную комбинацию, чтобы избавиться от моей персоны. И свидетелей-то, если подумать, он тоже убирал из-за меня: кто ж их, кроме участкового, опрашивать будет? Так, наверное, он и с бабкиным блюдцем неспроста пытался кренделей наvertеть, если откуда-то знал, что она у меня подрабатывает экспертом? Надо будет над всем этим подумать как следует! Такое ощущение, что я его чем-то здорово не устраиваю, если он вообще меня не опасается по какой-то причине. Узнать бы еще, по какой! А после, вооружившись этим знанием, сдобрить мерзавцу монотонные будни по полной программе! Я еще какое-то время задумчиво стоял на дороге, машинально перебирая те амулеты, которые Яга навешала мне на шею (а были еще и на запястье, а один амулет даже обхватывал плечо!). Потом спохватился: а нафига она на меня все это накрутила?! За годы сотрудничества с Ягой я худо-бедно в ее амулетах разбираться научился. И теперь, перебирая цепочки со шнурочками и бусинками, чего тут только не обнаружил! Ладно, боевые амулеты и защита от присухи с мороком! После моего романа с веслом это вполне можно было понять. Но от почесухи? И от поноса??? Ну, старая!!! Я ведь еще в избе заметил, как она его мне вешает, но в суете про него забыл. Теперь моим первым порывом было и его, и вообще все лишнее с себя содрать да в кусты зашвырнуть. Но, немного пораскинув мозгами, я передумал. Нет, и в самом деле, может же такое быть, что враг на пороге, а боец в сортире со спущенными штанами, и никак ему оттуда не отползти? Получится весьма позорно проигранный бой! Так пусть лучше висит на мне все это лишнее, на много оно не тянет. В этом случае если вдруг и опозорюсь, так все ж не перед всем народом, а разве что перед кем-нибудь, кто в амулетах сведущ. Ну, пусть этот специалист похихикает, изучая навешенный на меня разношерстный комплект от всех случаев жизни, мне не жалко. Мне сегодня, если уж об этом говорить, просто паршиво. И очень тревожно на душе. И... как-то почти незаметно ноги принесли меня не к дому, а опять к кабаку, а я не стал им сопротивляться. Во-первых, в кабаке можно послушать свежие новости, если такие вдруг еще появятся. Ну, а во-вторых, при таком раскладе, как у меня, вполне допустимо было пропустить стаканчик для поднятия духа. Один, максимум два: без волков мне не пьется, подходящего настроения нет. А самое главное, с утра я ждал появления Яги, а потому должен был быть бодр и полностью готов к предстоящей работе.

Новостей мне в кабаке не сообщили, разве что рассказали про Хлою с подругами, которые от брани и праведного гнева на загулявших муженьков перешли к тревоге и опасениям за них же. Говорят, искали меня, чтобы узнать, как ведутся поиски.

– Делаю все, что могу. Теперь Ягу на подмогу ждем, – ответил я внимающим мне ушам, зная, что в скором времени все будет передано волчицам. Потом принял от Акима заказанную кружку пива и продолжил: – А пока наша главная задача заключается в том, чтобы не допустить новых исчезновений, поэтому большая просьба к населению.... – не отходя от барной стойки, я прочитал краткую лекцию на тему того, что все сейчас обязаны быть бдительны и не должны болтаться черт знает где, особенно поодиночке. Я понимаю, что в некоторых особях эта потребность сидит хуже болезни, но пока придется обуздать свою жажду странствий, если нет желания допутешествоваться до полной потери обратного адреса.

Я как раз закончил свою лекцию, с чистой совестью приступив к употреблению пива, как в бар зашла новая посетительница. Вот так раз! Незнакомая мне девушка-гуманойд, да еще объявившаяся в поселке в это-то смутное время! Непорядок! Надо к ней подойти, официально представиться и выяснить, кто она такая, откуда и к кому приехала. Но я решил, что, минуточку назад выполнив свои обязанности участкового по разъяснительной работе с населением, теперь имею право на небольшой перерыв. Потому что пиво очень холодное и вкусное, а девушка, похоже, отсюда не торопится уходить. Наоборот, судя по объему заказанной выпивки, намерена здесь обосноваться очень надолго. Так что я продолжил употребление живительного хмельного зелья, пока просто присматриваясь к незнакомке, тоже расположившейся у стойки неподалеку от меня. Лет двадцати с небольшим, невысокая и ладненькая, но явно не красотка. Хотя виной тому, возможно, были не природные данные, а чрезмерное увлечение алкоголем в последние дни. Уж я-то мог судить об этом, как специалист, потому что сам не раз по утрам после перепоя мужественно подходил к зеркалу, решаясь в него взглянуть. И видел там примерно то же самое, что и сейчас предстало передо мной, только по соседству: опухшее и хмурое лицо да синяки под глазами. Только, в отличие от меня, довольно коротко стриженного волосы, девушка могла похвастаться прической, смахивающей на разметенную ветром копну соломы. Что ее, разумеется, тоже не украшало, как и остатки косметики, размазанной по лицу. Хорошо еще, что хоть подкрашивалась девушка не густо, и этих остатков было немного. В общем, мое впечатление о незнакомке очень точно выразил уже изрядно набравшийся барсук Табарум, когда из своего угла протянул на весь зал:

– О, гляньте, какое чучело к нам пожаловало!

Я привычно напрягся: ох уж эти мне пьяные правдорубы! Ну разве обязательно высказывать свои мысли, пусть и правдивые, вслух? И создавать скандальную ситуацию, разруливать которую входит в почетные обязанности участкового? Хотя тут я и просто как мужчина посчитал бы нужным вмешаться. Но только я поставил свою кружку на стойку и рот открыл, чтобы призвать Табарума к порядку, как девица взялась ему ответить сама. Сделала от стойки пару шагов в его сторону, окинула его взглядом сверху донизу, а потом ткнула в него пальцем и мстительно изрекла:

– Да ты завтра с утра таким же будешь, если не хуже!

Табарума этот аргумент сразил наповал! Он так и замер с раскрытым ртом, словно уже ощутил на себе первые раскаты грядущего наутро похмелья. А девица в полной тишине невозмутимо вернулась обратно, на свое место и к своей кружке. Почувствовав на себе мой взгляд, встретилась со мной глазами. Я молча приподнял свою кружку с пивом, предлагая ей чокнуться. Она приняла приглашение. Наши кружки звякнули, после чего мы сделали по глотку.

– Что, проблемы в жизни? – сочувственно спросил я, нарушая молчание. Не то чтобы сам этого не видел, а просто надо было как-то начать разговор.

– Ой, не то слово! – отхлебнув пива, девица подперла голову облокоченной о стойку рукой, запустив пальцы в свои всколоченные кудряшки. – Но ты этого не поймешь.

– Я? Не пойму? – странно было такое слышать! Обычно, наоборот, все несли свои

проблемы прямо ко мне, считая, что я должен не только понять с полуслова, но и быстренько во всем разобраться. – Это ты с чего так решила?

– С того, что ты мужчина. Тебя, кстати, как зовут?

– Трой. А тебя?

– Аланая. Так вот, мужчине моего горя понять не дано.

– Ого! Даже горя? А давай попробуем, вдруг у меня все-таки получится? – я вместе со своей кружкой подошел к ней поближе.

Она вначале поколебалась, но потом махнула рукой – чего уж там! – и выдала:

– Меня принудили приехать сюда, к маминим дальним родственникам, потому что замуж хотят отдать!

– Вот уж засада! – посочувствовал я вполне искренне, вспомнив, как и моя родня меня пыталась женить после того, как разлучила с Лагутой. Типа, чтоб я так быстрее ее забыл! – Мои тебе соблезновения! Когда со мной пытались повернуть тот же фокус, я торжественно поклялся, что вместо этого либо запишусь в Иностраннный легион, либо уйду в монастырь – в зависимости от того, что мне в тот момент к душе будет ближе.

– Да? – еще раз оторвавшись от кружки, Аланая взглянула на меня с проснувшимся интересом. Потом вздохнула: – Девушек в легион не берут. А в монастырь как-то саму не тянет. Да и ты, я уверена, тоже бы туда не пошел. Не та у тебя харизма.

– Насчет харизмы не знаю, давно ее под этим углом не разглядывал, – усмехнулся я. – Но что касается монастыря, то ты права, не пошел бы. Разве что совсем бы меня перемкнуло, и я бы сделал это бате назло. Но потом быстро бы об этом пожалел и сбежал бы при первой возможности.

– Вам, мужчинам, проще живется, – Аланая печально повертела кружку в руках, что-то обдумывая. – Никто за вами так не следит, как за девушками, никто к вам такого внимания не проявляет, в случае побега организовывая погоню, никто вопросов столько не задает, куда бы вы ни пошли. Одним словом, за вами тотального контроля нет, а свободы выбора все-таки больше.

– В каждой шкуре есть свои колючки, – ответил я ей известной поговоркой. Проще нам живется! Как же! Когда, например, у волчиц пропали мужья, эти женщины не кинулись на их поиски! Нет, они вместо этого дали пинка мне, мужчине, и пошли по домам дожидаться результатов! И таких примеров я еще десятки могу привести! Ну, и кому из нас после этого проще живется? Про свободу выбора я и вовсе молчу.

– В вашей шкуре их точно меньше! – безапелляционно заявила мне девушка, так как я, разумеется, не стал ничего говорить ей вслух. – У вас, у мужчин, шире поле деятельности, больше возможностей! Ты вот, к примеру, мог бы в крайнем случае все-таки записаться в свой легион. А я?

– А у тебя просто нет возможности совершить такую глупость, на твое же счастье. Странное у тебя понятие о свободе, если ты считаешь, что она у тебя в армии может быть. Да это контракт почище супружеского! С той только разницей, что ты точно знаешь, на сколько лет он заключен. И после его окончания можешь со спокойной душой свалить отсюда. Но пока он действует... милая моя, да если твои командиры потребуют, то ты даже дышать по приказу будешь! Или вообще не дышать, если только прикажут! Я уж не говорю обо всем остальном.

Наверное, отвращение ко всему этому «остальному» так явно проступило у меня на лице, что, глядя на меня, Аланая спросила:

– Ты военный?

– По настоянию папаши заканчивал военную академию. Мне хватило. Так что я вскоре после этого свою военную карьеру решил завершить. Не люблю ни сам на кого-то давить, ни беспрекословно подчиняться жесткому руководству.

- Понимаю. Я тоже такая, - наверное, решив, что мне все-таки можно доверять, Аланая пододвинулась еще поближе, почти голова к голове, и, понизив голос, поинтересовалась: - Скажи, а ты такого Павла, местного участкового, случайно, не знаешь?

- Случайно знаю, - ответил я, удивленный резкой сменой темы разговора. - А тебе он зачем так внезапно потребовался?

- Мне он вообще не нужен! А спрашиваю только потому, что он, говорят, тоже когда-то учился в твоей академии, а еще это именно за него меня выдать хотят.

- Вот это да! - услышав такое, я чуть пивной кружкой не подавился от неожиданности! Значит, батя опять подсутился! Мечтающий о внуках с тех пор, как не смог сделать бравого вояку из сына. Потому что без его ведома никто бы такие вопросы решать не стал! А девушка квасит с горя именно по той причине, что уже поставлена перед фактом своего скорого замужества...

- Что «вот это да»? Говори уже конкретнее, - нетерпеливо потребовали от меня.

- Не повезло тебе, девонька, - я вздохнул и принялся резать правду: - Этот Павлик раздолбай, каких мало, а еще лентяй, бабник и пьянь. Да что там! Его сюда, в эту глухомань, просто выперли из столицы, потому что он ни на что другое вообще не способен, кроме как болтаться по кабакам да сплетни всякие собирать, - тут я, конечно, уже привирал, но у меня после кружки пива вдохновение разыгралось. - Ну, разве что еще может мирить местных кумушек, когда им надумается разодраться из-за прошлогодней кадушки с капустой или из-за того, что муж одной из них к другой на порог похаживает.

- Короче, полный дебил! - подытожила Аланая.

- Именно так, - согласился я, вспомнив оставленную самому себе дома записку. Ту, что про кофе.

- Я его уже ненавижу! - девушка припечатала кружку доньшком к стойке, а в голосе у нее послышались слезы.

- Погоди, рано еще отчаиваться, - я легонько, по-дружески приобнял ее за плечи. - Время еще есть, раз даже о помолвке пока не объявили. Может быть, нам с тобой совместными усилиями еще удастся избавить тебя от этого сомнительного счастья.

(«И меня заодно!»)

- А ты что, мне pomoжешь? - спросила она, основанием ладошки вытирая глаза.

- Конечно, помогу! - заверил я под ее шмыганье носом. Дотянулся до барной салфетницы, достал одну салфетку и сунул ей в руку, чтоб уж оптом все вытерла, а не размазывала по лицу. - Разве я могу не помочь, видя такое искреннее горе?

Я не стал уточнять, что имею в этом деле свой собственный интерес. Помочь это ничем бы не помогло, а навредить было вполне способно, потому что, узнай она, кто я такой, наши с ней отношения наверняка бы резко испортились. Нам же для исполнения задуманного нужен был на ближайшее время прочный дружественный союз. Так что, надеюсь, в будущем, когда моя недомолвка все-таки вскроется, Аланая сумеет меня понять и простить. А пока... Пока что я придержал ее руку, когда она, опустошив предыдущую кружку, собрала новую ко рту поднести. Жениться-то я, может, и не хотел, и девушка мне, предположим, не нравилась внешне, но это был не повод желать ей зла. Тем более что на характер она была, по-моему, как раз вполне себе ничего, хорошая девчонка. Поэтому из гуманных соображений я решил остановить ее на пути к завтрашней жестокой расплате за перепой. Но поздновато за это взялся. Потому что Аланая сюда уже не в трезвом виде пришла, здесь успела изрядно добавить, а закалка у нее в этом деле была явно не такой, как у меня с волчарами. Если вообще имелась. Одним словом, она поспорила со мной, поупиралась и назло мне все-таки несколько раз щедро отхлебнула из кружки. И все это словно специально ради того, чтобы посреди жарко произносимого лозунга о женской эмансипации и равноправии полов вдруг умолкнуть без всякого постороннего вмешательства. А потом обмякнуть и со сведенными

в кучу глазами начать оседать на пол.

– Эмансипация, равноправие... – проворчал я, успев ее подхватить. И продолжил, закидывая бесчувственное тело себе на плечо: – Не дай боги дожить до того, чтобы на ком-то из женщин вот так вот болтаться! А вы ж и за это боретесь в том числе? Или я не прав?

Проворчавшись и загрузившись, я выпрямился. Оглядел заинтересованно притихший зал. И спросил у общества, для наглядности шлепнув чуть повыше упругой попки, свисавшей теперь мне на грудь:

– Кто-нибудь из вас знает, куда мне *это* нести?

– Да неси уже сразу к себе в койку, всего и делов! – подсказал какой-то умник с задних столиков.

Я очень вежливо поблагодарил за добрый совет, потом сообщил шутнику, что бесчувственные бревна меня в постели не прельщают. И повторил свой вопрос, попросив отнестись к нему серьезнее, потому что им хаханьки, а мне тяжелый физический труд. Которого я в принципе не люблю. После этого моего опрометчиво сделанного уточнения некоторые глумливые рожи стали диктовать мне адреса в самых дальних концах поселка, причем, в противоположных, с уточнениями типа «А вот если и там не признают...». И слушая весь этот стеб, я понял лишь одно: если сейчас среди этих поганцев найдется хоть один порядочный человек, который знает и сообщит мне настоящий Аланаин адрес, я все равно ему уже не поверю. Так что выход оставался всего один. Точнее, два, но второй – бросить девушку на произвол судьбы – был для меня в принципе неприемлем. Поэтому я под свистки и шуточки направился с ней к дверям, собираясь действительно отнести ее к себе. В койку. Но только совсем не с теми целями, которые мне тут расписывали. И, естественно, афишировать я этого вовсе не собирался, чтобы не подрывать репутацию девушки. Поэтому перед тем, как выйти за дверь, я развернулся к гогочущей публике и, одарив ее мрачным взглядом, заявил:

– Если сдохну к утру посреди очередной пройденной улицы, это будет на вашей совести. И чтоб вам потом на моих поминках икалось так, что рюмку было не выпить.

– Уцелеешь, Тройчик! С веслом же не сдох! – подбодрили меня перед выходом.

И уже из-за закрывающейся двери, сквозь поднявшийся ржач, донеслось:

– И вообще грех сдохнуть, имея такую попку возле щеки!

Ну, не поганцы ли, в самом деле? Ладно, вот встречусь я еще с каждым из вас, когда между нами будет лежать заполняемый протокол! Мне для этого только подождать остается, сами по очереди прибежите искать защиты и правды у участкового, когда обстоятельства в очередном оскале вас цапнут за хвост. А что так и будет, я даже не сомневался, потому что хорошо знал эту публику и весь ее образ жизни. То ли здесь творилось, когда я сюда только пришел работать! Тогда тут вообще дым стоял коромыслом, этот поселок считался одним из самых неблагополучных во всем уезде! Воровство, грабежи и пьяные драки с увечьями были повседневной приправой нормального быта. Но я, даром что сам не ангел, с течением времени все-таки сумел ввести этот неуправляемый поток в мирное русло. А может, мне как раз поэтому все удалось? Потому, что я сам в своих дурных наклонностях недалеко ушел от этого контингента. Кому морду набил, доказав, что мастер этого дела, а с кем просто вовремя выпил, завязав хорошие отношения. А кому в ходе небольшой силовой операции помог вернуть злополучную кадушку с капустой. В общем, вскоре меня в поселке начали уважать. И пусть не упустили случая поржать надо мной в неофициальной обстановке, зато, когда я был при исполнении, вели себя тише воды, ниже травы.

Сделав полуоборот с Аланай на плече, я оглянулся назад, проверяя, не надумал ли кто от кабака проследить, куда я пойду. Но на кабацком крыльце не было ни души. Значит, сидят все в зале и продолжают ржать, в очередной раз перемывая мне косточки. Ну вот и чудненько! Я снова вернулся на нужный курс. Скосил глаза на Аланаину попку, действительно обосновавшуюся не так уж далеко от моей щеки. И в самом деле, очень аппетитную. Если бы мне показали такую, не демонстрируя при этом лица ее хозяйки, я бы, может, даже подумал о том, чтобы все-таки жениться. Хотя, разумеется, дальше

мыслей дело все равно бы не пошло. Потому что Лагута осталась в прошлом, и никому меня больше так не зажечь. А еще потому, что я стал убежденным холостяком после того, как посмотрелся на семейные жизни других. Знаете, как я с волками познакомился? Думаете, в кабаке? Ошибаетесь! С первым из них, с Дафнисом, я познакомился, когда по зову дежурной сороки прибыл на квартирный вызов в высокий и добротный терем, тем же Дафнисом и построенный. Вызвали меня туда на семейный скандал, Хлойка с ее мамой. Типа, Даф их пьяный терроризирует и почти что готов убить! Я на этот вызов летом летел, боясь, что не успею спасти двух несчастных слабых женщин от жестокой расправы матерого пьяного мужика. И что же я увидел, сориентировавшись по шуму и вбежав в светлицу на четвертом этаже терема? Я увидел, как разъяренные жена с тещей выбрасывают Дафа в окно! Он был уже по ту сторону подоконника и отчаянно цеплялся за него и за свою жизнь, потому что полет из терема, с четвертого-то этажа, оставил бы ему мало шансов на спасение. А тем временем Хлойка пыталась разжать его судорожно сведенные пальцы, тогда как теща, «вторая мама», перегнувшись через подоконник, чем-то его колотила по голове. Думаю, не надо уточнять, кого я бросился спасать, увидев такую картину? О том, что и мне тогда перепало, тоже, наверное, не стоит говорить? Ощущая на себе ярко выражаемый бабский протест, я кое-как втянул чуть живого Дафа обратно в светлицу. А потом мы с ним просто удрали на лестницу, успев запереть обеих фурий в комнате до полного их остывания. Вот там, сидя на ступеньках, мы и познакомились под грохот выламываемой двери. Дверь, к счастью, выстояла. Фурии, к счастью, остыли. Хлойка потом еще долго меня благодарила за то, что не дал ей стать убийцей и, по совместительству, вдовой. Но мне эта сцена, понятное дело, не прибавила желания изменить свой семейный статус. А ведь были еще и другие сценки, порой и похлеще... И у кого-то после этого еще рука поднимается в моих хозяйственных записочках приписки всякие делать про женитьбу!.. Кофе, кстати, так и не купил. И не куплю уже, поздно сегодня. Значит, завтра снова встречать рассвет без него.

Знал бы я только, как вообще его встречу, рассвет этот, который все никак не желал появляться, растягивая мои муки! Дело в том, что раньше Аланая, похоже, вообще не пила! Поэтому где-то с середины ночи ей стало так плохо, что я вообще не смел уснуть, опасаясь по пробуждении обнаружить в гостиной остывший труп. То ее жестоко тошнило, то сердце было готово остановиться, то бросало в такую дрожь, что диван ходил ходуном. Я в таких переплетах не новичок, еще в академии много на что посмотрелся и сам немало чего пережил, так что знал, что делать. И шокировать меня уже вряд ли кому-то чем-то удастся, поэтому я без проблем заставлял ее, пардон, блевать над горшком, воздерживаясь от всяких комментариев на тему злоупотреблений – сейчас они все равно не помогли бы. Честно говоря, временами мне ее было даже жалко, эту дуреху. Но потом жалость отступала, и оставалось только одно страстное желание – спать! Тем более, что с утра мне надо было быть огурцом! А я чувствовал, что по мере всего происходящего превращаюсь в замороженный и вялый огурчик. Тут, на фоне вынужденной бессонницы, у меня начали появляться и более яркие ассоциации, о которых в приличном обществе не рассказывают. Вились они, понятное дело, уже не вокруг огурца, но вокруг похожего предмета, тоже способного конкретно завянуть в невыносимых условиях. И мне оставалось только тяжело вздыхать, вспоминая, под какие задорные комментарии я покидал кабак со своей ношей на плече. Сюда бы всех этих насмешников, выстроить их в ряд и в качестве наказания просто заставить, чтобы они на все на это смотрели. Не задремывая! Под утро у меня и вовсе начали мелькать крамольные для участкового мысли: а не прикончить ли мне эту мученицу, исключительно из гуманных соображений? Заодно и вопрос о своей предстоящей женитьбе улажу. Но когда я, в очередной раз обтирая влажной салфеткой измученную мордашу, уже начал красочно представлять себе, как буду избавляться от тела, Аланая, наконец, утихла. Свернулась калачиком и засопела почти неслышно. Так что мне, желающему убедиться, что она еще жива, пришлось даже прислушаться, вглядываясь в ее бледное и осунувшееся лицо. Она так изменилась, что я бы ее даже и не узнал, если бы сам, своими руками сюда не принес. Мужиков жизненные условия, бесспорно, тоже меняют, но женщин – в разы того больше. На этой мысли, не став ее развивать, я и упал на кровать в соседней комнате, на всякий случай открыв межкомнатную дверь во всю ширь. Но разбудила меня не Аланая, а явившаяся на мой зов Ягуся, возмутительно свежая и бодрая после утренней воздушной прогулки на метле. Приставив метелку к крыльцу, она со своим чемоданом эксперта по-свойски прошла мимо меня, открывшего ей дверь, прямо в гостиную. Увидела спящую девушку, оценила мой мятый вид и осветила мне все помещение блеском своего золотого клыка в улыбочке.

– Сейчас в этом доме будут два трупа, и оба женские, – пообещал я мрачно и веско.

– Да что ты, Тройчик! – всплеснула руками Яга. – Ничего я такого и не подумала... а почему два?

– Потому что начну я с нее, а тобой закончу. Я с этой юной дивой возился всю ночь, пытаюсь привести ее в чувство. Так что теперь тебе меня в него придется приводить, если хочешь сотрудничать с адекватным и бодрствующим работником. А ее, – я покосился на Аланую, – надо бы напоить твоей абракадабровкой да сплавить отсюда подальше так, чтобы никто не заподозрил, где она ночь провела. Иначе всякие слухи поползут, а ей они ни к чему. Ей репутацию надо беречь. Для будущего жениха.

– Нет у меня никакого жениха! И не будет! – донеслось от дивана. Надо же! Пробудилась! И даже воевать пытается, выдыхая из организма последние искры жизни. – Ты же обещал мне помочь! Вот и пусть будет... репутация. Тогда этот дебил сам от меня откажется, и все будет в порядке.

– В этом случае заодно с ним от тебя и вся твоя родня отвернется, – вернул я ее с небес на землю. – Ты к этому готова? Нет? Тогда выпей сейчас то, что тебе бабушка даст, и назови ей свой адрес. А все остальное будем после улаживать, при следующей встрече.

– Вот, девонька, – я даже и не сомневался, что вне избы и в любом чемодане именно это зелье у Яги всегда окажется под рукой. И, не разочаровав меня, сейчас она поднесла его Алане: – Выпей, лапочка.

Я замер, с повышенным интересом наблюдая, что сейчас будет. Но девчонка опрокинула

в себя замшелую кружку, даже не морщась. Мне аж завидно стало! То ли ей все еще было так плохо, что никакой бодягой не испугать, то ли терпеливая попалась на удивление. Наверное, так, потому что я и ночью от нее ни одной жалобы не услышал. Хотя, может, она в тот момент просто неспособна была говорить, а следовательно, и жаловаться? Только молчала так выразительно, тяжело дышала и глядела глазами бездонными... Ладно, сейчас это неважно! Сейчас главное – это под покровом бабкиного заговора незаметно спровадить девчонку домой, так, чтобы все ее родные были уверены, что она всю ночь провела под собственной крышей. А потом...

– Давай уже быстрее, – поторопил я Ягу. – Нас с тобой ждет куча важных дел, а тебя – еще и дурные новости не личного свойства.

– О людях исчезающих? Это я уже знаю, Тройчик. Знаю. У меня для тебя тоже новости есть. Только чуток погоди.

Я погодил, пока бабка шептала над Аланай свой заговор. Потом мы с ней быстренько попрощались. Я намеревался быть при этом как можно любезнее, мужественно сдержав в себе все накопившиеся за ночь эмоции, но она меня совсем обезоружила, когда заявила:

– Прости, Трой. Я понимаю, что тебе пришлось из-за меня вытерпеть. Прости!

– Да ладно. Лети уже, скоро увидимся, – пробормотал я, зная теперь, что, если она снова когда-нибудь так надерется, то я и еще одну такую ночь безропотно выдержу.

Скрытые завесой заговора от всех, кроме меня, присутствовавшего при его наложении, Аланая с бабкой оседлали метлу, и та понесла их по указанному адресу. Мне же осталось только удивляться, глядя им вслед! Сколько я, физически весьма-таки развитый хлопец, продержался на этой вертящейся палке? Три минуты? Максимум пять? А эти... Без всяких видимых усилий сидят, как влитые. Обе! Выводов напрашивалось два: то ли Аланая тоже ведьма, только пока молодая и ничего об этом не подозревающая, но уже владеющая искусством летать на метле. То ли у женщин центр тяжести куда-то смещен не туда, отчего им это искусство всем от рожденья дано! То ли... Я задумчиво почесал затылок... То ли и вовсе не стоило два этих вывода разделять, потому что они по сути единое целое. Но будет лучше, если я никому не стану об этом говорить, женщинам в первую очередь. А то ведь в ответ мне по этому самому затылку, который я сейчас так мирно почесываю, и прилетит.

Бабка вернулась быстро. Отчиталась мне о благополучной доставке клиента, потом завела было свою старую песню: «Ах, Тройчик, а какая девушка-то хорошая...» – но быстро осеклась под моим мрачным взглядом.

– Так-то лучше, – одобрил я замолчавшую бабку, решив пока не рассказывать ей, что эта самая «хорошая девушка» предназначалась мне в жены. Дальше, по обстоятельствам, видно будет, выдать этот факт или вовсе его никогда не озвучивать. А пока у нас с Ягой были куда более важные дела. Так что я спросил у нее, потеряв свои ноющие виски: – Кофе... то есть, чай будешь?

– А что, кофе до сих пор так и не купил? – бабка сразу же поняла причину моей оговорки. – Ты ж за ним еще в прошлый раз собирался, когда я у тебя тут командировалась.

Аж в прошлый раз?! Это когда ж, интересно, было? Да, долгие и тернистый мой путь за этим продуктом к сельскому магазину! Потому что забегаю я в магазин, как правило, вечером, когда жрать хочется – спасу нет! И нахватываю там по-быстрому того, во что вгрызусь прямо сейчас, не думая в тот момент про далекое утро. Кофе-то я пью... пил... по утрам. Так что и вспоминаю о нем только тогда, когда это времечко настает. Чтобы потом снова про него благополучно забыть на весь день.

– Ничего, Тройчик, сейчас это дело исправим, – бабка приосанилась и уже официальным тоном спросила: – Товарищ участковый, разрешите совершить противоправное действие временного характера с последующим устранением?

– Во как ты эту казенную фразу заучила, аж от золотого клыка отскакивает! – восхитился я. Потом догадливо спросил: – Кофе, что ли, хочешь телепортировать из магазина?

- Ну а как с тобой еще быть? - развела руками Яга. - Денежку в магазин потом занесем, когда из дома выйдем.

- Валяй! - одобрил я. И - чего уж там, гулять так гулять! - добавил: - И телепортируй тогда уж сразу несколько пачек, чтобы было с запасом.

Подбодренная мною Яга выбрала у меня на кухне мисочку пошире, налила туда водички, пошептала над ней и наклонилась, высматривая в появившемся изображении магазинный ассортимент и ворча по мере его изучения:

- Да такой кофе надо бесплатно по улицам раздавать! А потом еще и благодарить за то, что добрые люди его взять не побрезговали! Но Бирс, старый мошенник, вместо этого еще и цены над своим суррогатом рисует! Вот уж одно слово - елот!

- Не переходи на видовые уточнения, - одернул я Ягу, нередко грешившую подобными расовыми предрассудками, которые я себе позволить не мог... хотя порой и очень хотелось. - Товар у него не просроченный, никто пока не отравился. Ну, а большего в нашей глубинке требовать трудно.

- Да и незачем было бы, кабы у всех в нашей глубинке совесть была, - ворчливо ответила мне Яга. Потом, все-таки что-то высмотрев на прилавках, макнула в миску палец, закрутила маленький водоворот и... я не знаю, как это у нее получается! Остается только радоваться, что она потомственная колдунья, одна такая в своем роде, а рядовые жулики этой техникой не владеют. Потому что... ну что бы я иначе с ними мог поделаться?! Если бы и они вот так... Раз! Два! - и пять пачек кофе стоят у меня на столе! Краем глаза я вижу, что Бирс заметил исчезновение товара, метнулся к опустевшему месту. Яга не без удовольствия скручивает кукиш и сует его в миску поглубже, при этом озорно мне подмигивая.

- Не хулигань! - одергиваю я ее, наблюдая за тем, как Бирс буквально тыкается носом в возникшее над прилавком трехмерное изображение бабкиной дули. Я, все-таки не сдержавшись, сдавленно прыскаю, а Бирс отшатывается назад и, уже сообразив, чьих рук это дело, сердито грозит пальцем куда-то в пространство. Яга словно бы в ответ трясет мокрой рукой, стряхивая капли со своих сухоньких шаловливых пальчиков. Потом с невинным видом выплескивает воду из мисочки и тянется к кофеварке.

- И мне бы еще какого-нибудь тоника твоего, - прошу я, сомневаясь в том, что одного только кофе будет достаточно, дабы взбодрить меня после прошедшей ночки. Хотя на Аланаю за это зла не держу. Милая она девчонка, хорошая, хотя не в том смысле, в каком Яга была бы от меня это рада услышать. Опять же, моя подружка по несчастью. Тоже невинная и свободолюбивая жертва родительского деспотизма, процветающего в нашей стране.

Тоник Яга мне капнула прямо в свежий кофе, ровно три капли и ни единой больше, хотя я и просил добавить еще. Но она заявила, что свой организм я и без ее помощи успею износить, поскольку весьма энергично этим занимаюсь почти каждый день. Я в ответ не стал распыляться на мелкие дрызги и начал, попивая кофе, выкладывать бабке свежие новости. Точнее, начал-то я комментировать тот видеорепортаж, который она, в дополнение к моему звучащему рассказу, запустила на своем блюдечке с золотым яблочком. Но как только речь зашла про колдуняру, с блюдцем снова стали твориться всякие туманные непотребства. Так что Яга быстро оборвала этот процесс, и дальше я досказывал все уже одними только словами. Так даже лучше получилось, потому что я сразу и факты изложил, и сделанные выводы, что блюдечку было бы не по силам. А завершил свой рассказ тем, что предложил Яге покопаться в моей памяти на предмет восстановления номера того такси, на котором уехали волки. Но только без всякого там дополнительного сования своего носа в мои извилины!

- Ну что ты, Тройчик, у меня и в мыслях такого не было! - заверила бабка так поспешно и горячо, что тут сразу стоило бы заподозрить неладное. Однако ради пользы в расследовании я на многое был сейчас готов. Учитывая, что мои друзья до сих пор не были найдены, да еще и Тарюша умудрилась пропасть, не говоря обо всех остальных.

Номер мне бабка выдала, не подкачала! И мы по блюдечку даже владельца машины смогли сразу установить. Воинственно настроенная Яга уже готова была отправиться в соседний поселок на разборки с владельцем машины-похитительницы, но я быстро

остудил ее пыл: просто достал из кармана списки пропавших, переданные мне Кимом, и показал ей, что хозяин пресловутого такси тоже среди них числится, он пропал даже раньше волков. Так что за рулем в роковой вечер сидел уже не он, наверняка это был сам колдуняра. Я даже ухитрился смутно вспомнить этого водителя. Точнее, его темный силуэт с выраженными признаками сутулости и накрытую капюшоном голову, что лишь подтверждало мои выводы насчет его личности.

- Ладно, - чувствуя, что с этой стороны мы зашли в тупик, я понял, что пора переключиться на что-то другое: - Озадачу Кима с товарищами, чтобы они эту машину с воздуха поискали, брошенную или спрятанную. А ты проверила бы весло на скорую руку, да двинули уже к пентаграмме. По дороге мне свои новости выложишь... ты, вроде, говорила, что они у тебя есть.

- Весло я сразу проверила, как только прилетела да в калитку зашла, - сообщила Яга, не задерживаясь во дворе, а сразу направляясь на улицу. И уже там, на ходу, уточнила: - Он, колдун, постарался! Ты, Тройчик, правильно догадался: ему во что бы то ни стало надо было тебя от волков оторвать, вот он и нашел способ.

- Только зачем? - высказал я свое недоумение. - Почему бы ему было не упереть нас всех вместе, впятером? Чем я мог ему помешать, пьянящий почти до неменяемости? Я же в таком состоянии, даже если еще способен двигаться, становлюсь покладистым до приторного.

- Ну, во-первых, с тобой ему была бы лишняя трата сил при переходе через пентаграмму. А во-вторых... Тройчик, глянь на свои списки пропавших! И попробуй найти среди них хотя бы одного гуманоида! Хотя я тебе и так скажу: ни единого не отыщешь! Он крадет всех, кого угодно: енотов, медвежат, волков, лис, котов все рангов, птиц всех мастей. Тарюшеньку нашу свел и даже Ламадьяем, горьким пьяницей, не побрезговал. Но гуманоидов - нет! Любыми путями старается этого избежать. Я справлялась, в Копытовке тоже был случай, похожий на твой, только с гражданским лицом. Так вот он и там изворачивался, как мог, чтобы только избавиться от нежелательного гуманоидного элемента. Поэтому можешь не думать, что дело было в твоём звании участкового.

- Кстати, о звании... - я хотел было предупредить Ягу, чтобы в присутствии Аланаи она не очень о моем звании пока что распространялась. Но тут меня кое-кто резко перебил: Бирс, спешащий по улице нам навстречу.

- А, Трой! - начал он уже издали и пошел с нами на сближение с весьма хищным видом. - Ну, раз вы оба тут, так и прекрасно! Я жалобу хочу на эту гражданку подать, - он враждебно ткнул пальцем в Ягу.

- Бирс, прости! - я полез за кошельком. И решил приврать: - Как раз к тебе шли, чтобы деньги отдать. Кофе срочно был нужен, в интересах следствия.

- Да и на здоровье! - Бирс шмыгнул носом, почесал свою седеющую морду. - Я не возражаю против торговли на вынос, лишь бы платили. Но вот что касается всенародного оскорбления работников торговли прямо на рабочем месте, то у меня к этой гражданке имеются очень серьезные претензии!

- Гражданин Бирс! - я протянул ему деньги, которые тут же исчезли в прыткой лапе. Оставалось только надеяться, что и мои официальные извинения за хулиганку-Ягу этот старый проходимец примет сейчас с такой же охотой. Но не успел я еще начать, как меня непреклонно отстранили:

- Ну-ка, Тройчик, можно мне уважаемого Бирса на пару слов? Наедине?

Мне пришлось удалиться на несколько шагов, чтобы не вступать в споры с Ягой прямо посреди улицы. Хотя, может, зря я пошел ей на уступку? Потому что, отходя, успел краем уха уловить ее вступление, обращенное к Бирсу:

- Слышь, ты, старый хрыч...

По этим словам оставалось только гадать о содержании дальнейшего разговора. Но возвращаться было поздно, и я, малодушно сделав вид, что вообще ничего не слышал, отошел еще на несколько шагов. Если что, я заявление об оскорблении и позже смогу

принять, раз это уже неизбежно. А пока я даже отвернулся от этих двоих, прилежно глядя в другую сторону. И, кажется, все-таки не зря это сделал, потому что к тому моменту, когда меня окликнули, Яга уже светилась ласковой и кроткой улыбкой, а с Бирса все его возмущение как рукой кто стер.

- Что ты ему наболтала? - вполголоса грозно спросил я у бабки, когда мы, душевно распрощавшись с притихшим работником торговли, направились дальше. - Ты хоть понимаешь, что ты творишь? Используя служебное положение, подрывая мой авторитет...

- Успокойся, Тройчик! Я всего лишь рассказала ему немного за его товар. А потом пообещала, что наложу на него такой заговор, что он до конца своих дней будет лопать исключительно то, что у него в магазине лежит, все свои приобретенные за полцены подделки и суррогаты. И все, клянусь! Но, как видишь, большего и не потребовалось.

- Куда уж больше-то? Этого ему более чем достаточно! - Я только вздохнул, зная, что Бирс и в самом деле грешит нелегальными закупками в погоне за прибылью. Но это было уже не в моей компетенции, а как он договаривался с сотрудниками леспотребнадзора, оставалось только гадать. Однако точно не сейчас. Сейчас у нас с Ягой были куда более неотложные вопросы.

- Вот она! - я довел свою экспертизу до обнаруженного мною местечка по памяти, потому что вчерашняя тропинка из пожухлой травы сегодня была уже едва заметна. И тут же выругался, обнаружив, что натянутая мною оградительная лента была за ночь кем-то повреждена. Причем, не простая ведь лента, а магическая! Обычные хулиганы к такой даже не подойдут, их откинет! Я машинально подался вперед, чтобы ее поправить, когда меня резко осадили:

- Трой, замри! - а потом еще и укорили: - Ты словно дитя малое, честное слово!

Возразить было нечего, ведь в данном случае именно Яга была ведущим специалистом. Поэтому я послушно застыл там, где меня застал ее окрик, и принялся наблюдать за ее действиями. От которых, как всегда, очень попахивало шарлатанством. Но которые, вопреки всей науке, снова возымели положительный результат: возле оборванных концов ленты возникло, проявляясь, петлеобразное свечение, словно кто-то там силки разложил. Есть у меня в поселке умельцы, которые таким вот нехитрым способом огородных жуликов ловят. Пару раз мне доводилось и самих хозяев доставать из их же ловушек, так что в подобных устройствах я знаю толк. Но эти силки, по воле Яги заявившие о себе свечением, были куда совершеннее всего, виденного мною ранее. Сомневаюсь, что кто-то вообще сумел бы из них выбраться. Я все еще продолжал внимательно их изучать, когда Яга с гаденькой усмешечкой хлюпнула в центр петли что-то из очередной своей баночки. Что-то густое, похуже на сдохшую от обжорства пиявку в желе. И тут же все вокруг заволочла такая вонь, от которой даже у меня, с юных лет закаленного в академии армейскими портянками и сортирами, слезы выступили на глазах!

- Хоть бы предупредила! - укорил я бабушку, отбегая от силков на приличное расстояние, против ветра. Хотя, честно говоря, и это не сильно мне помогло.

- А толку? - философски пожала плечами Яга, при этом даже не сморщившая лица: видать, нюхивала в жизни кое-что и похуже портянок. - От этого зловония, Тройчик, не убежишь. Но ничего, сейчас оно само все втянется куда надо, а там еще и сконцентрируется, если только хозяин не успеет вовремя свою ловушку захлопнуть с той стороны. Ловушка-то, надо сказать, очень серьезная! Кто в нее ступил, тот, считай, пропал. Распылит попавшегося, и уже только прах перенесет в исходное измерение. К колдуну, то есть, в его родной мир.

- Так он все-таки не из нашего? - уточнил я.

- Нет, Тройчик. К сожалению, нет. Я тебе уже говорила, что есть признаки пересечения. А теперь вот точно знаю, что он не наших кровей. Не удастся только вычислить уровень параллельных миров, он эту информацию надежно зашифровал, - выдала она, прищурив один глаз, наклонив голову и внимательно разглядывая светящуюся петлю.

Что она там могла высмотреть?! И на основании чего делала такие выводы?! Я даже

спрашивать не стал, зная: если она возьмется это мне объяснять, я все равно ни шиша не пойму. Оставалось только верить бабке на слово. И надеяться, что она сумеет уточнить «адресок», по которому уже исчезло столько народу. Но тут от сгоревшей пентаграммы, словно из глубокого колодца, донесся сдавленный, явно нецензурный возглас, а потом послышался мощный звук чьего-то опорожняющегося желудка. Я таких звуков прошедшей ночью от Аланаи наслушался, но чтобы так... При таких конвульсиях, глядишь, как бы задница у колдуныры вместе с обеими ягодицами внутрь не втянулась да через рот бы не выпала, подумал я, глядя на стремительно гаснущую ловушку.

- Эх, хорошо получилось! - произнесла Яга с придыханием и томной полуулыбочкой. Ну чисто воспитанница пансиона благородных девиц, собирающая комплименты за красиво написанный стих или милый рисунок!

- Замечательно! - одобрил я, понимая, что от меня этого ждут. - Только не поторопилась ли ты, мой эксперт? Как теперь ты собираешься установить, из какого именно мира здесь этот злодейский субъект появляется?

- Да уж точно не по ловушке! - заявила Яга, в очередной раз ставя меня в тупик своими методами работы. Потом скомандовала мне: - Стой здесь! - и пошла за ленточное ограждение.

Возилась она там очень долго, я уж и посидеть успел на траве, устав топтаться без толку, и даже слегка придремал, вполглаза наблюдая за ее действиями. Яга неспешно собрала в разноцветные баночки образцы земли с пентаграммы, взяв понемногу с каждого из сгоревших лучей. Пошептала над каждым из них, поплевала вокруг себя не раз и не два, еще много чего сделала. В конечном итоге выгоревший участок земли вначале каким-то маревом заволочло, а потом он начал стремительно зарастать травой. На этом этапе бабка убрала тщательно закупоренные баночки в свой чемоданчик и сообщила: - Все, здесь он больше не сунется. Все бы ориентированные на него транспереходные зоны так запечатать, так ведь их надо знать!

- Транспереходные - это где можно из мира в мир перейти? - уточнил я.

- Именно, - подтвердила Яга, застегивая на чемодане замочки. - А теперь пойдём. Васечка должен мне избушку сюда подогнать, на твой двор. Но пока ее еще нет, отдашь мне снова свою кладовку для проведения экспертиз?

- Бери, конечно, - щедро согласился я. А чего жалеть-то? Я, в отличие от семейных людей, в этой кладовке только пустые бутылки храню. Кстати, давно я уж их оттуда не выгребал... Но Яге с ее чемоданчиком должно еще там места хватить, пусть работает, укрепив штабеля стеклотары заклинанием. - Ты мне, кстати, по прилету еще какие-то новости обещала! - вспомнил я.

- Да там, собственно, все так, как я и предполагала, ничего неожиданного. Мы с Жажилушкой, каждый своим методом, эти факты проверили. Колдун действительно появляется из параллельного мира, причем, из очень несимпатичного. Голодного и пустого. Точнее, старательно опустошенного его собственными жителями. Трудно в это поверить, но у них там даже леса не растут! Одно только стелкло кругом, бетон и железо! К счастью, таких миров вообще немного, так что все-таки есть шансы вычислить более точный адрес, как бы он его ни скрывал. После чего обрубить ему доступ к нам, вычленив из транспереходных зон именно те, которые соединяют наши два измерения. Это было бы гораздо проще, чем все транспереходные зоны глушить, без разбора. Тем более, что из некоторых миров к нам приходят с добром! Но не из этого, точно! В нашем мире колдун похищает местное население, утаскивая его к себе. Мор там, что ли, у них? А наши покрепче будут, вот он и переправляет работников? Похищенные проходят через портал всего только раз, в том направлении, а колдуныра уже не единожды крейсировал туда и обратно за новыми группами граждан. А это значит, Тройчик, что помощники тут у него должны быть! Как минимум один негодяй, который поддерживает с этой стороны в рабочем состоянии несколько транспереходных зон в тот зловещный мир. Не бескорыстно, я так полагаю.

- А это-то с чего ты взяла? - полюбопытствовал я, по-джентельменски подхватывая заметно отяжелевший бабкин чемоданчик. Запоздало испугался: а не шархнет ли он сейчас меня чем-нибудь? Не превратится ли моя рука снова в какую-нибудь другую конечность, как уже было однажды? Но Яга только вздохнула, все прочитав у меня на

лице:

- Не бойся, чемодан тебя знает! Хотя... так и не научишься ты не хвататься без нужды за сомнительные предметы! А еще серьезный человек, участковый!

- Просто я в твоём присутствии чувствую себя в безопасности, - вывернулся я, заставив бабушку широко улыбнуться и пустить по траве золотых зайчиков от клыка. - Ты ж у меня просто суперличность... - тут я призадумался, вспомнив, что бабушка, при всех её сверхвозможностях, все-таки имеет свои фобии. Панически боится в этой жизни строгих выговоров, а еще чертей, что колдунье её ранга совсем не пристало. Пользуясь случаем, я счел возможным поинтересоваться у неё: а с чего бы ей бояться этих, последних? Признаться, в ответ на свой вопрос я ожидал услышать сейчас какую-то великую тайну, хотя бы намек на её существование уловить. Но, разочаровывая меня в моих ожиданиях, Яга капризно передернула плечиками:

- Да ни с чего! Просто боюсь! Девки на селе, вон, какими только страхами не страдают! И встречи с пестрыми пауками боится, и оброненного воронова пера, и блуждающих огоньков! Может же и у меня быть маленькая женская слабость?

- Ну ты даешь! - изумился я. И хотел уже снова вернуться к нашему делу, как Яга застенчиво спросила:

- Тройчик, а теперь ты мне скажи... Выговор-то... Его как, в служебное удостоверение заносят или нет?

Ах, вон ты чего, оказывается, все это время опасалась, голубушка! Что, объявляя тебе выговор, я наделаю некрасивых помарок в твоей золочено-красной книжице, которой ты так гордишься! Честно говоря, эту книжицу нельзя было считать строго официальным документом, особенно после того, как Яга там свое служебное фото не по разу подретушировала да щедро добавила золота во всех уголках. Но она с таким удовольствием совала эту ксиву под нос каждому, кто к ней теперь обращался! Как же! Не просто колдунья, а официально признанный эксперт!.. Тут я ненадолго замаялся: что делать? Правду сказать? Но тогда я лишусь своего единственного способа воздействовать на подчиненную, которой любые другие мои угрозы до лампочки! А соврать? Непорядочно как-то. Особенно с моей стороны - со стороны шалопая, который сам этих выговоров лишь чудом до сих пор избегал. Ну, и еще благодаря лояльности (или лени?) нашего населения, которое не спешило бежать и жаловаться на меня в вышестоящие инстанции. Так что, вздохнув, я все-таки выдал правду:

- Нет, в удостоверение не заносят. Только в личное дело, - добавил я, чтобы бабушка слишком сильно не расслаблялась.

- Ну, это ладно, - беспечно отмахнулась она, снова сияя клыком и оглаживая свою кофтенку где-то в районе сердца: надо думать, кармашек с удостоверением был где-то там.

Я вздохнул, мысленно прощаясь с единственным весомым аргументом в своих спорах с Ягой, а потом попросил:

- Давай, ты мне все-таки дорисуешь картину про колдуна. Точнее, мы с тобой в нашей беседе уже на местном негодяе остановились, взявшемся колдуну помогать.

- Есть такой, без его помощи колдун не смог бы так свободно между мирами крейсировать. Минимум один, но, сдаётся мне, что на самом деле их больше. По моим прикидкам, пять или шесть. И нам вычислить их надо! - резко заявила Яга. - Это особенно важно сделать потому, что этим-то негодьям должно быть известно, из какого измерения к нам приходит колдун! Без этого никак, эти сведения встроены в пространственный ключ. Тебе, Тройчик, придется для начала одним из этих негодяев заняться, а потом через него мы и до остальных доберемся, сколько бы их там ни было. Ни одного нельзя упустить, потому что они, войдя во вкус, могут продолжить и по своему почину связь между мирами поддерживать, призывая не этого колдуна, так другого, способного им за услуги платить. Ну а я пока, не дожидаясь твоих результатов, по свежим пробам из пентаграммы сама попробую установить точные координаты того мира. Это будет непросто, но тут такая ситуация: если я это все-таки установлю, то мы сможем не только все двери закрыть, но и вернуть всех похищенных. Так что - ты ж меня

понимаешь? – кардинально нужно этот вопрос решать! Всеми доступными способами, какими быстрее получится.

– Без проблем! – воскликнул я, даже не допуская мысли о том, что похищенных можно не вернуть домой. – Я, если надо, в лепешку ради этого разобьюсь! Ты мне только подсказывай, что нужно делать.

– На твою долю выпадает задача отыскать и притащить мне хотя бы одного засранца, который теплит энергию в порталах с нашей стороны, не позволяя им окончательно сомкнуться. А уж я сумею его допросить! Все мне выдаст, пусть только попробует упереться! И адресочек колдуна, и его имя, которое тоже должен знать, призывая его в наш мир, и всех своих сообщников, и все карты интересующих нас транспереходных зон!

– А сколько времени займет у нас это обезвреживание и закрытие? – печально поинтересовался я, думая не столько о том, что волчицы меня живьем успеют сожрать, ожидая возвращения блудных мужей, сколько о том, что в плену, наряду с волчарами и старым алкашом Ламадьяем, томится и радость моя, Тарюшенька.

– Пока не знаю, – честно ответила бабка. – Но мы с тобой будем очень, очень стараться! Колдуняра нам дня три точно не будет в этом мешать.

– Это с чего ты так оптимистично решила?

– А ты сам подумай: пока он проблюется после моего привета да хоть что-то сможет ко рту поднести – это как минимум день пройдет. И еще не меньше пары дней уйдет на то, чтобы он выветрился до приемлемого состояния. Ты-то от концентрата нос воротил, а ему все в распыленном виде досталось, во всей, так сказать, красе. Так что сидеть ему дома, потому что сейчас даже собственные сообщники погонят его взащей! А мы так и вовсе по одному только запаху его сможем вычислить издалека, если он здесь объявится в ближайшие дни, – Яга вдруг очаровательно улыбнулась, стрельнув в небеса невинными глазками.

Вот что меня в ней восхищает, помимо прочих достоинств, так это ее умение рассказывать про учиненные пакости! Таким ласковым голоском и с таким милым видом, как будто и не напакостила вовсе, а наоборот, благодетельствовала несчастного, попавшегося ей под раздачу, лет так на десять вперед. А теперь еще стесняется признаваться в благодеянии, чтобы не напрашиваться на слишком горячую благодарность.

– Значит, надо поторопиться, – сделал я выводы.

– Надо. Только не очень, – как-то нелогично согласилась со мной Яга. И, видя мое недоумение, пояснила: – Я постараюсь отследить, если колдун в ближайшие часы вдруг попытается связаться с кем-то из помощников, чтобы сообщить об изменении некоторых своих планов. Ну, и чтобы ценные указания там подкорректировать. Разговор я прослушать не смогу, но сумею определить ту зону, куда будет сигнал поступать. Вроде как время теряем на ожидании, но если все выйдет так, как я предполагаю, то в итоге сэкономим его, в разы больше. Ведь тогда из десятков поселений, что нас окружают, я смогу указать тебе одно, максимум два, где точно есть негодяй, и там тебе нужно будет провести его поиски.

– Это было бы неплохо! – я даже обрадовался, потому что уже представлял себе, как буду ходить от двора к двору в поисках того-не-знаю-кого. Не хулиганов и жуликов искать, не похищенные вещи или возможных свидетелей, а тайного колдовского пособника, которого знать бы еще, по каким приметам определять! А если учесть, что в этих поисках мне наверняка придется выйти за пределы вверенной мне территории и заступить на участки моих коллег, то картина и вовсе получалась грустной. Потому что далеко не каждый участковый готов в своей работе стать коллеге другом и братом. Нет! Есть среди нас такие, которым дух соперничества не чужд. А некоторым еще и душок, смрадненький такой, от нелегальных сделок с криминальными элементами. И уж эти-то на свою территорию постороннего участкового точно добром не впустят! Между тем, что-то подсказывало мне, что колдун выбирал себе пособников именно в таких неблагополучных районах, где и негодяев больше, и скрыться среди них легче.

– Не дрейфь, Тройчик! – подбодрила меня Яга, словно прочитав мои мысли. – Бабушка

тебя научит, что делать. И поможет, чем сможет. На тебе останется только активная часть операции. Но очень ответственная!

У меня при этих словах как камень с души свалился! Все стало выглядеть доступнее и проще в разы! Активная фаза операции – это как раз по моей части, справлюсь! А для Яги, если все благополучно закончится, надо будет насчет хоть какой-нибудь медальки похлопотать! Она же любит всякие побрякушки! В крайнем случае, сам закажу отчеканить, в столичной мастерской, как уже удостоверение ей напечатать заказывал... Ну, не признают у нас в министерстве таких вот помощников! И мне пришлось прибегнуть к целой куче уловок, чтобы выбить должность эксперта, не выдавая, для кого именно это делаю. Впрочем, насколько я знаю, в других районах колдуньи и сами не очень-то с властями спешат сотрудничать. Это мы с моей «дамой Ягой» как-то сумели спеться дуэтом, с Васькой на подпевках. Уж даже и не знаю, почему мне так повезло.

Сразу оговорюсь, что повезло мне с Ягой по-крупному, но не в мелочах, раскрасить которыми жизнь бабка была большой мастерицей. Взять хотя бы этот аромат, которым она сдобрила колдуна! У меня он до сих пор стоял в носу, никак не желая выветриваться. Если только я жестоко не заблуждался на этот счет, на самом деле тоже успев им провоняться насквозь, хотя и слабее врага. В любом случае, едва оказавшись дома, я заявил Яге:

- Раз я тебе пока не нужен, то ты что хочешь делай, а я пошел в душ! Если не твои волшебные ароматы, то хотя бы ночную усталость попытаюсь с себя смыть. Потом попытаюсь что-нибудь нам приготовить поесть. Но не раньше, чем вылезу! Потому что с таким амбре я на кухню даже заходить опасуюсь: рискую навечно потерять аппетит.

- Издержки профессии, Тройчик! - пожалала плечиками Яга. - Иди, иди, ни о чем не беспокойся!

Мне бы задуматься и вспомнить, сколько раз после бабкиного предложения ни о чем не беспокоиться я, можно сказать, лопатой последствия разгребал! И пару раз даже имел не слишком приятную беседу с районным начальством. Но душа моя рвалась под очистительные потоки воды, а в моем доме для бабкиной разрушительной деятельности простора было немного. Так что я кинулся в ванную, прихватив полотенце.

В этот раз оставленная без присмотра бабка ничего-таки, кажется, не натворила, но зато напомнила о себе, когда я не успел еще выйти из душа. Просто бесцеремонно ввалилась в кабинку, где я намыливался в третий раз, пытаюсь убедить себя, что теперь-то все запахи уже смыл.

- Слушай, ну ты хоть какие-никакие приличия-то соблюдай! - возмутился я, быстро прикрывшись мочалкой от озорного и точно нацеленного взгляда Яги.

- Ой, Тройчик, да сколько уж я такого видела-то! - она усмехнулась, картинно закатывая глаза.

- Ты, может, и видела, да я показы устраивать не привык! Так что... что у тебя там, что-то срочное?

- Ну а то! Стала бы я иначе к начальству без стука входить, - Яга с упреком покосилась на мочалку, как будто та закрывала ей обзор не по моей, а по своей собственной воле. Потом выдала: - Сеанс связи только что состоялся. Внеплановый, естественно, так что сигнал неизбежно пошел на домашний адрес негодяя. Болтают они между собой долго, до сих пор еще, так что очень бы хотелось знать, о чем...

- Где?! - рявкнул я, поскольку бабка не торопилась сообщить мне самое главное.

- Граница между Погудовкой и Веселовкой, - выдала невежливо перебитая мною Яга, наконец-то переведя глазки повыше и соизволив заметить, что я полощусь без ее нашейных амулетов, которые всей связкой снял и повесил на крючок, под полотенце. - По всем данным, это все еще Веселовский район, - тут она сняла с крючка брякнувшую связку, протянула мне и строго приказала: - Надень! И даже в душе больше никогда не снимай!

- Размокнут, - проворчал я, поскольку наряду с костями-камешками в связке проглядывали и более нежные составляющие, типа перьев и сушеных цветков. - Или колдовство твое смоется.

- Мое колдовство так просто не смоешь, - фыркнула Яга. - Да и не мое, а еще прабабкино. Уж если эти амулеты лет за пятьсот все еще не размокли, то, будь уверен, на твой душ их точно хватит. Я ж тебе самые лучшие выдавала!

- Семейные реликвии, - проворчал я, с запоздалым испугом вспомнив, как в порыве раздражения хотел их всей кучей закинуть в кусты. Осторожнее надо быть с бабкиными подношениями! А то, вон, лишил бы ее лучшей части полученного наследства! Поскольку унаследованная избушка под понятие «лучшее» точно не попадает.

Мрачно вздохнув, я свободной рукой под строгим бабкиным взором водрузил всю связку обратно на шею. А потом, продолжая прижимать мочалку к причинному месту, шагнул из кабинки, так как льющаяся вода уже сама за меня проделала всю работу по смыванию мыла. Оказавшись снаружи, я ловко заменил мочало на полотенце, принялся к себе. Вроде бы отмылся... Интересно, а какие амулеты сама бабка носит, что с нее все ее проказы, как с гуся вода? Вон, благоухает какими-то травками! И даже намека нет на ту дрянь, которую она собственноручно выплеснула в ловушку.

- Пойдем! - позвал я ее, поскольку она продолжала стоять и чему-то загадочно так улыбаться. - Торопиться надо!

- Куда, Тройчик?

- Как «куда»? В Веселовку, сама же сказала! Навалить там найденному негодюю по первое число, а потом кидаться к нашим на выручку. Чем скорее, тем лучше. Волчары-то с Ламадеем под любую ситуацию адаптируются, но там же дети еще! И Тарюшенька! - не удержавшись, добавил я: она, такая вся ароматно-шелковисто-нежная, точно не была приспособлена для жизни в плену... да еще и в рабстве, если окажутся верны бабкины предположения.

- Тройчик... - Яга лукаво сверкнула клыком. - А признайся бабушке, у тебя с Тарюшей точно того... ничего не было?

- Да ты в своем уме?! - рявкнул я, так как ее взгляд на мое полотенце не дал мне истолковать ее вопрос как-то иначе. - Межвидовые союзы, знаешь ли, законом караются! И родственниками еще, - помрачнел я, снова вспоминая Лагуту.

- Так то союзы, - усмехнулась бабка. - Но ведь есть же еще общение без обязательств!

- Слушай, ты откуда всего этого набралась? - возмутился я. - И вообще, нечего тут отвлекаться на посторонние темы, надо о деле думать! - я гордо прошествовал к выходу из ванной. Было-не было... Ну, обжимались мы с Тарюшей в порыве вскипающей взаимной симпатии, да только бабке точно в эти дела нечего нос совать. С чего это она вообще сегодня оживленная такая? Явно не к добру!

- Твою ж... петельку да развязать! - ахнул я, оказавшись в комнате. В последний момент сумел удержаться от матюга, как примерный пай-мальчик, и даже полотенце не уронил. Зато челюсть отвисла: - Когда ж ты это успела?!

Было, от чего офонареть: теперь в моем суровом холостяцком жилище там и сям стояли комнатные цветы! В горшочках! Цветущие буйным цветом! Да нахре... то есть, зачем они мне?! Все равно передохнут, если кому-нибудь не успею отдать. Я уж не говорю о том, что смотрятся они здесь, как конфетки, поданные - о, ужас! - к пиву.

- Иди уже, одевайся! - не торопясь отвечать, бабка подтолкнула меня, замершего на пороге, в спину. - Да поедим, наконец.

- Ой... пельмени, - вспомнил я. - Может, поставишь пока воду греться, чтобы хоть несколько минут сэкономить?

- Не беспокойся, Тройчик, все готово. Давай, я на кухне тебя буду ждать, - Яга наконец-то избавила меня от своего пристального внимания, дав мне возможность спокойно одеться в чистое и даже за это время немного подумать. Веселовка слыла более спокойным поселком, чем Погудовка, но жили в ней тоже далеко не ангелы. И с Раром, местным участковым, мы тоже как-то общего языка не нашли. Точнее, мы его не слишком искали, общаясь лишь по мере официальной необходимости. Возьмется ли он теперь мне помочь? Должен бы, особенно учитывая, что его поселок был одним из тех двух, откуда оказались похищены даже дети. Но все же мне не хотелось испытывать судьбу, задавая ему этот вопрос: а вдруг да откажется от предлагаемого сотрудничества? И тогда получится, что я буду - все равно ведь буду! - действовать на его территории уже вдвойне нелегально, при этом наверняка еще и отслеживаемый местной властью, которую сам же своим вопросом предупрежу о моем вторжении. Нет, лучше начинать поиски молча, посвящая в них вообще как можно меньшее количество населения. А там уж как повезет.

С этими мыслями я зашел на кухню, к Яге, и снова дрогнул душой, увидев изобилие на столе. Он был заставлен так, как будто волчицы опять ко мне навевались!

- Кого на этот раз обчистила? - спросил я строго, разворачиваясь к хитро улыбающейся хулиганке. - Во что ты меня втягиваешь?! В разбой среди бела дня?!

Я еще много чего хотел ей сказать о нарушении закона и подрыве моего авторитета среди населения. И о том, что с последней задачей я порой и без ее помощи неплохо справляюсь, одними своими силами. Но тут услышал, как открывается входная дверь, и звонкий веселый голосок сообщил с порога, явно не мне:

- Ну вот, теперь точно все готово!

- Ай, умница! - засветилась бабка. - Ну иди, иди сюда, он уже вышел.

- Ты не забыла, что у нас на сегодня важные дела запланированы? - строго спросил я у Яги, решившей, похоже, меня в этот день со свету сжить всякими своими сюрпризами! - Или ты заботаешься о том, чтобы я не печалился, покидая свой дом и отправляясь на поиски? Так еще немного твоих усилий, и мне уже захочется отсюда не просто уйти, а сбежать, быстро и безвозвратно... Здравствуйте, девушка, - машинально кивнул я появившейся гостье. - Вы, я так понимаю, ко мне? По какому вопросу?

- Глаза пошире раскрой, - посоветовала мне бабка. - Сам все сразу поймешь.

Это бабкино замечание стоило ей еще одного моего неласкового взгляда. Потом я переключил свое внимание на гостью. Ну и что я тут должен понять? Даже если бы у меня глаза, как у наших водяных, не просто раскрывались, а еще и выдвигались бы из глазниц на ножках? А эти, уже две проблемы ходячие вместо одной, стоят и явно чего-то ждут от меня. Вот терпеть я не могу этой женской привычки намеками да загадками говорить! Особенно при опросе свидетелей с потерпевшими, но и в домашних условиях тоже! Ну, приезжая девушка, не наша. Однако Яга меня на это счет уже успокоила, заявив, что гуманоидам нечего опасаться колдуна. Так дальше-то что тогда?

- Трой, - девушка виновато взглянула на меня, так и не дождавшись ни слова. - Ты прости, конечно. Вижу, что я не вовремя. Но я тебя долго не задержу. Просто хотела поблагодарить за то, что ты со мной ночью нянчился.

- Аланая?! - вот теперь глаза у меня распахнулись точно так, как бабка хотела! Хорошо еще, что не выпали из орбит! Нет, я всегда знал, что жизненные обстоятельства сильно влияют на женскую внешность. Но чтобы *вот так*?! Чтобы из опухшей пьяной бунтарки с гнездом на голове, переродившейся потом вообще в замученное бледнолицее нечто, да вылупилась бы такая вот пташка? Не красавица, честно скажу, но настолько миленькая, что рука прямо сама тянется на правах знакомого по щечке ее потрепать. Я, конечно, не стал этого делать, а свое изумление поспешил объяснить другими причинами: - Вот уж не думал, что ты так быстро оклемаешься! Даже с бабулиным зельем!

Бабка отчетливо хмыкнула, давая мне понять, что ее-то уж я этими словами не смог обмануть. Потом засуетилась:

- Ну, давайте уже к столу! Аланачка сегодня постаралась! Цветы в дом, пироги на стол... Умница и хозяйюшка!

- Да просто Трою хотелось хоть что-то приятное сделать, - смутилась девушка, выкладывая на стол последний принесенный пирог, пока я тайком от нее показывал бабке кулак: слишком уж хорошо мне были знакомы такие наборы комплиментов, с которых у бабки обычно начиналась очередная попытка сватовства. Но здесь кандидатура снова была не та! А самое главное, Ягуся как будто забыла, чем мы тут с ней вообще собрались заниматься! Что мне, вообще-то, уже в путь собираться пора! Но, здраво рассудив, что в дальнюю дорогу не стоит отправляться на голодный желудок, я все-таки сел за стол, предварительно пододвинув стулья обеим дамам.

Не знаю, сама ли Аланая пекла пироги, но они оказались на редкость вкусными. Я даже подумывал выклянчить один из оставшихся, чтобы взять с собой в путь, если бабуся сама не сообразит обо мне позаботиться. Потому что не такая она сегодня какая-то вся, как обычно! А уж за первым моим куском пирога следила, как будто я наживку заглатывал!

На что я только усмехнулся: Яга словно запомнила, что собственноручно навешала на меня своих оберегов от всех случаев жизни! И от приворотов в том числе, так что если старалась сейчас очередную аферу с моим подсознанием проверить, то совершенно зря. Впрочем, раньше она такое проделывала только в том случае, если видела, что девушка сама ко мне расположена. Что же касается Аланаи, то здесь бы случай иной, и я не думаю, чтобы она смотрела на меня как-то иначе, чем на союзника в нашей общей проблеме.

- Кстати, Павлик, официальный ваш участковый, как сквозь землю провалился, - пожаловалась мне тем временем девушка, больше налегающая на чай, чем на пироги. - Я сегодня пыталась хоть что-то о нем узнать, чтобы хоть просто взглянуть на него вживую, но все только хохочут в ответ!

Я спрятал в кружке с чаем нос, сам едва не подавившись вырвавшимся смешком. Еще бы не хохотали, особенно если ты спрашивала во вчерашнем кабаке или поблизости от него! У всех тех, кто видел, как вчера этот самый Павлик на плече тебя уносил, и запомнил твою попку, которая, в отличие от лица, осталась прежней. По ней, наверное, и опознали сегодня...

- Павлик? - оживилась Яга, вспомнив-таки мое настоящее имя. - Так ведь...

Я предупреждающе оббил под столом пальцы своей ноги об костлявую бабкину лодыжку, и она быстро сориентировалась:

- А что его искать-то? Он вообще зачем тебе нужен?

- Да дело у меня к нему, - Аланаа вздохнула. Видимо, размышляя, стоит ли посвящать добрую бабулю во все свои беды.

- Вот потому над тобой и хохочут, - пояснил я. - Кто ж к этому недоумку хоть с каким-то делом сунется? Ты лучше о нем больше не спрашивай, чтобы народ не смешить.

Аланаа совсем загрустила, так что я поспешил ее приободрить, напомнив:

- Мы ж с тобой союзники! Так что положишься на меня. Вот вернусь из краткосрочной командировочки, и займемся с тобой этим вопросом вплотную. А пока живи себе спокойно да занимайся любимым делами. Не тревожься попусту!

- Я постараюсь, - она мне улыбнулась. И поинтересовалась: - А что за командировка? Тебе, наверное, собираться надо, а я тут торчу?

- Ничего-ничего, - встряла бабка. - У меня все равно информация пока скачивается на накопительный амулет. Это еще как минимум полчаса.

Вот вам! Пока в других мирах, как говорят, люд со своих компов пытается что-то скачивать, у бабки все идет прямо из атмосферы да в амулет! В очередной раз пораженный ее раскрывающимися талантами, я спросил:

- Что именно скачиваем-то? Ты ж вроде все уже выяснила?

- Все да не все! С накопителем у нас и круг поисков еще немного сузится, и если у негодая какая-то магическая защита стоит, то мы тоже о ней узнаем. Еще у меня теперь есть подозрение, что колдунья не только население, а еще и потоки энергии из нашего мира ворует в свой отощавший мир, при этом используя переправляемых граждан как направляющие движение маячки. Ну и так мне еще, всякие сведения по мелочи могут потом пригодиться. Так что... Аланаечка, а ты откуда к нам приехала-то?

Сведения да по мелочи? Нет, Яга себя этой фразой определенно оговорила! Потому что если она берет какую-то информацию извлекать, то о малых долях и речи уже быть не может. До чего бы она ни добралась, не по крупинке выковыривать будет, а сразу наизнанку вывернет, да еще и встряхнет на всякий случай: не осталось ли чего? Вот и Аланаа под чутким бабкиным руководством, иногда застенчиво косясь на меня, уложила ей в полчаса все свои двадцать три года жизни. Честно сказать, я слушал ответы допрашиваемой не слишком внимательно, больше налегая на пироги и на составление планов на ближайшее будущее. Но общее впечатление у меня осталось такое, что девчонка молодец! Спортсменка, умница, хорошо разбирается в технике. За словом в

карман не лезет... ну, это я еще вчера в баре смог наблюдать. Так что надо, надо такой помочь! Избавить разом и от дебила Павлика, и от прочного застревания в этой глуши: девочка вполне достойна блистать в столице, в которой ее нареченному психологический климат оказался неподходящим.

Девушка и после трапезы не ушла домой, осталась меня проводить. Скромно сидела у стенок, пока бабка надо мной там что-то еще шептала, изучив данные с амулета, и давала последние наставления. Меня, честно говоря, напрягало, что я оставляю этих двух особ наедине и без моего присмотра: в какие дебри бабку тут еще понесет с ее расспросами? Не выдаст ли она меня девушке раньше времени, сорвав мне всю операцию по внесению корректив в нашу с Аланаей личную жизнь? Точнее, по отстаиванию прав на оную. Но тут я ничего уже поделать не мог, поэтому решил, что все возникшие вопросы буду решать по возвращении. А сейчас главным было найти хотя бы одного мерзавца, который в наших краях надумал затевать похищения честных граждан! Взять его за грудки, врезать по морде и к бабушке приволоочь! А там она уж будет с ним разбираться. Я вмешиваться не стану, разве что она меня попросит его поддержать. А если уж совсем противозаконными методами действовать начнет, то зажмуруюсь. Пусть она его и воспитает, и разузнает про все транспереходные зоны, используемые колдуном, и прочие детали уточнит, включая имена сообщников. И посмотрел бы я на этого фрукта, вздумай он заартачиться хотя бы на одном из этих этапов! Нет, спорить с бабкой только мне да Ваське дано, потому что мы с ней никогда всерьез не ругаемся. Остальным же такая попытка быстро выходит боком.

- Ну все! - в последний раз бабка задержала меня уже на выходе, заставила вытянуться по струнке и снова какие-то пассы выписала вокруг моей головы, после чего заботливо поправила мне воротничок. - Рюкзачок я тебе собрала. Помнишь, где что лежит? Это хорошо! Пути для негодяя в правом отделении, пирожки в левом, там же тоник и фляжка с чайком. Маячок в твоём левом кармане. Поисковый компас... тоже с собой, - удостоверилась Яга, когда я показал ей нечто, очень напоминающее бутылек обычных чернил и меньше всего наводящее на мысль о компасе. Но, если верить Яге, то на любой плоскости раскрученный и остановившийся бутылек будет всегда мне указывать крышечкой верное направление. Что ж, проверим!

С этой мыслью я и шагнул за порог, оставляя в своем холостяцком доме сразу двух женщин, не говоря про все их цветы. Но что поделать, в моей работе невозможно было обходиться без риска!

До Веселовки я добрался где-то к полуночи. Зная местность, быстро пересек наиболее коротким путем почти весь поселок. Это, конечно, тоже отняло у меня определенную долю времени, но я все равно ни разу не пожалел о том, что отказался, когда мне бабка свою метлу предлагала. Пешком оно, конечно, дольше, зато надежнее. И незаметнее, потому что в вечернее время окончивший дневные заботы народ точно мой пролет не оставил бы без внимания. После чего я стал бы не только темой для анекдотов, теперь уже во всех кабаках уезда, но и у Рара вызвал бы вполне оправданный интерес. Это была причина, по которой я и служебным транспортом не воспользовался, потому что его на чужой территории прятать бы пришлось. А так... Я поправил рюкзачный ремень на плече, огляделся. По бабкиным выводам, негодяй жил где-то на этой улице, так что пора было доставать ее бутылек и уточнять дальнейший маршрут.

Сработал бутылек на совесть, даже крутиться долго не стал. И, бросив взгляд в указанном крышечкой направлении, в приукрашенную редкими ночными огоньками низину, я вдруг каким-то потаенным чувством узнал нужный дом. То ли интуиция сама у меня развилась, то ли Яга подсуетилась ее активизировать. Конечно, я еще собирался все уточнить, достигнув цели, хотя бы потому, что не стал бы без проверки врываться в чужой дом среди ночи, все-таки рискуя оставить зайками совершенно невинных граждан. Но пока что просто устремился к дому, по сбегающему вниз тротуарчику.

Внизу я оказался быстро, ноги под горку сами несли. Но почти у самой цели вдруг понял, что моим прямым обязанностям даже пребывание на чужой территории не помеха. Ляшша!!! Увидев навешанные на кустах лоскутики платья, я с трудом удержался, чтобы не помянуть вслух всю родню блудливой енотихи. Нет, в нашем поселке это было даже удобно, когда неадекватное загулявшее тело заявляло о себе такими вот метками, чтобы его потом было легче искать. Но здесь?! Да зачем ее сюда вообще понесло, в чужой-то поселок?! Уж не любовника ли она себе завела в Веселовке?! Я замер на пару секунд, просматривая услужливо показанный мне воображением фильм. Вот Ляшша продолжит сюда шастать, вот Лерож ее однажды вычислит, это неизбежно при таких-то сигнальных флажках, о которых и за пределами нашего поселка многие знают. Потом даже ему откажет его могучее терпение, и он, вскипев, разом за все выходки свою благоверную пристукнет (я бы, честно скажу, на его месте не удержался!). В итоге среди вверенного мне населения будут одна убитая баба и один весьма неплохой мужик, который отправится за решетку только потому, что в свое время неудачно женился. Так что... Шагнув к кусту, я рассмотрел повешенный там лоскутик. Точно, с нового Ляшкиного платья, я буквально на днях видел ее в таком! Ну, и что же мне теперь делать? Нет, как ни крути, а надо ненадолго отвлечься от основной цели! На каких-нибудь полчаса, чтобы отыскать эту паршивку, наподдать ей по заднице крапивой в воспитательных и протрезвительных целях, а потом развернуть в нужном направлении, к дому. И предупредить, что плохо ей будет, если я еще раз ее тут увижу. Пусть потом на меня жалобы строчит, если захочет, предъявляя медэкспертам свою пострадавшую задницу! Потому что любые карательные меры, примененные ко мне начальством, будут все-таки лучше, чем одна убитая и один осужденный в том случае, если я сейчас это безобразие не пресеку на корню.

С этими мыслями я быстренько свернул со своего основного пути и торопливо пошел по Ляшшиному, обозначенному яркими лоскутиками. Заодно снимая их, чтобы до Лерожа даже слухов никаких не дошло – хватит с него и того, что эта разгульная бабенка в собственном поселке отмачивает.

На семнадцатом лоскутике я обнаружил, что Лерож все-таки пришелся бы кстати, с его-то тележкой: Ляшша была как раз готова к транспортировке, дойдя до бессознательной стадии дров. Но даже если бы тележка была, все равно, мне некогда было с этим возиться. Поэтому я довольно бесцеремонно тряхнул енотиху за плечо:

– Ляшшка, а ну вставай! Живо! Иначе таких сейчас трюндюлей огребешь, что навечно пить-блудить заречешься!

Лежащая на боку Ляшша качнулась. Завалилась на спину. И я сразу понял, что пить она и так уже никогда не будет: Ляшины стекленеющие глаза невидяще уставились в небо, отражая свет висящего над нами лунного диска, а из груди у нее торчал нож, воткнутый туда по самую рукоятку. Я так и застыл над ней, даже не разогнулся. Ну что за напасть?!

Именно здесь, на чужой территории! И именно сейчас, ни раньше, ни позже! Я даже как-то и жалости к Ляше не испытал, целиком захваченный только одним вопросом: что мне сейчас делать? Смыться по-тихому, чтобы проверить основное дело, а сюда вернуться уже попозже? Или все-таки обратиться к Рару, прямо сейчас? Уж не знаю, как я при этом буду с ним объясняться. И как еще...

Додумать я не успел. Помешали искры, посыпавшиеся из глаз. А сразу за ними – и налетевшая темнота, явившаяся следствием крепкого удара мне по затылку.

Очнулся я на том же самом месте, под мирные, приглушенные сигналы ночной дежурной кукушки. Кроме нее, сверчки еще пели в кустах... или нет, пели они, кажется, в моей голове. Даже еще не успев шевельнуться, я уже подсознанием своим (так как сознание еще не очень включилось) понял, что наша с Ягой операция пошла не по плану. Ощувив пустоту под левым плечом, догадался, что с меня сняли рюкзак. Тут же сунул руку в карман и обнаружил пропажу бутылка-компас. Так вот о чем негодяй с колдуном так долго болтали! О том, что я наверняка двинусь на поиски! И что надо бы меня встретить да обезвредить. Причем, желательно навсегда! И нам бы с Ягой такое предусмотреть, учитывая, что при похищении волков нам колдуняра уже продемонстрировал, как он может просчитывать комбинации на много ходов вперед! Но раз уж не предусмотрели, то теперь кулаками после драки махать было бессмысленно. Теперь мне остается как-то выбираться из той дурацкой ситуации, в которую я влип. Стараясь сдержать болезненный стон, я сел. Попытался коснуться головы, чтобы оценить размер полученной мною шишки. Но еще руку донести не успел, как голова очередным, очень резким болевым импульсом дала мне понять, что лучше ее сейчас не трогать. Я послушался. Усмехнулся через силу: вот ведь всегда говорил Яге, что в любом противостоянии нет ничего действеннее хорошей затрешины! А она мне еще доказывала, что магия даже в этом случае эффективнее. Дудки! Вон, каких она мне только амулетов не понавешала, а от старой доброй дубинки вся ее связка не помогла!

Связка... Я схватился рукой за грудь, подозревая, что негодяй и ее тоже снял. Особенно досадно было осознать, что снял наверняка ради того, чтобы передать колдуняре, значительно обогатив того раритетным Ягусиным наследством. Но, к моей радости, все амулеты-обереги оказались на месте! И я даже быстро понял, почему, когда обнаружил на своей шее и пальцах следы черной копоты. Значит, не каждому дано так легко с меня связку снять, как я сам это в душе сделал! И покусившемуся на нее негодяю изрядно досталось по его воровским ручонкам: теперь я обратил внимание еще и на запах паленого, витающий в воздухе. А начиная окончательно приходить в себя, вспомнил теперь и про Ляшу! Осторожно повернул голову, пытаюсь найти ее взглядом. Она по-прежнему лежала здесь, недалеко от меня, оттащенного в сторонку в процессе проводимого обыска. Бездыханная, неподвижная, и нож торчал из груди. Начиная соображать все яснее, я догадался, что теперь, после того, как меня так качественно вырубил дубинкой, именно мои отпечатки пальцев окажутся на его рукоятке. И первым моим порывом было быстренько их стереть! Но не успел я даже еще приподняться ради этой цели, как услышал быстро приближающиеся шаги и перенес весь свой вес обратно, на пятую точку: хуже отпечатков на оружии убийства может быть только попытка уничтожить их при свидетелях. Сразу при четверых. С трудом повернув голову в нужную сторону, я увидел, как из-за кустов выскочил Рар, местный участковый собственной персоной, с двумя своими корешами-медведями, Сидом и Ластом, в особых случаях исполнявших роль его помощников. На фоне этих трех могучих фигур суетящийся у них под ногами щупленький гуманоид выглядел особенно смешно. Я бы, наверное, даже хихикнул, если бы голова так не болела, и если бы лично для меня его появление не носило столь зловещего оттенка.

– Вот они! Вот! – заорал мужичонка, тыча пальцем в меня и в Ляшу. – Я ж вам говорил! А вы мне не верили! Это он ее! Он!

– Трой? – отмахнувшись от мужичонки, Рар уставился мне в лицо.

– Это не я! – выдавил я из себя излюбленную фразу всех преступников. – То есть, перед тобой-то, конечно, я нахожусь, но Ляшку не убивал. Меня самого тут чуть не прикончили, – я покосился на мужичонку. – Даже не представляю, как этому дрыщу удалось мне так по голове засветить. Наверное, потому, что я в этот момент наклонился.

– Да ты только послушай его, Рар! – заголосил негодяй (в том, что это был именно он, у

меня даже сомнения не возникло!). – Сейчас он тебе расскажет, что и енотику эту я замочил!

Именно это мне и хотелось сказать! Но вместо того я резко бросил:

– Руки свои покажи!

От неожиданности мужичонка повиновался. Протянул вперед свои ладони. Покрасневшие, опухшие от ожога, покрытые сажей. Правда, тут же опомнился и спрятал их за спину. Но что я хотел, то уже успел увидеть: знатно его по ручонкам шарахнуло, когда он амулеты с меня попытался снять. Я снова перевел взгляд на Рара.

– Трой, так что...? – спросил он, игнорируя негодяйские вопли о том, что надо срочно меня вязать, как особо опасного.

– Давай, я свою версию тебе расскажу? – предложил я. – Только не здесь, желательно. А ты потом сам уж решай, *что*. Это дело очень запутанное. Ляшка в нем просто как случайная жертва под раздачу попала.

– Ладно! – Рар развернулся к негодю, продолжавшему исполнять свои пляски мстителя, и рявкнул на него: – Стен, или ты сейчас сам заткнешься, или я тебе помогу! – потом перевел взгляд на медведей: – Ребята, проводите Троя в участок. Я за вами следом, только огорожу сейчас место преступления, чтобы никто не смог сюда больше сунуться до приезда экспертов.

Рар мог на вполне законном основании придраться ко мне за то, что я без спроса сунулся на его участок. Мог меня оборвать на середине моего подробного рассказа, начинающегося с пропажи волков, заявив о бабкиной некомпетентности (я-то знал, что это не так, но уже упоминал об отношении официальных властей к вольным колдуньям! И сам был когда-то грешен, подвергая сомнениям бабкины выводы!). Мог, в конце концов, просто мне не поверить! И сразу отконвоировать меня в район, где бы мною занялись спецы по внутренним расследованиям. Но ничего из вышеперечисленного он делать не стал. Бесстрастно запротоколировал мои показания, в процессе их получения сунув мне пузырь со льдом, чтобы я его к голове приложил. Потом налил нам по чашке чая. И лишь после того, как мы его выпили, Рар наконец-то заговорил:

– Я в курсе, что ты в этом деле что-то нащупал. Понял, еще когда ко мне Стеша прилетала от твоего имени, чтобы списки пропавших попросить. И ждал, что ты новостями поделиться. Да только при других обстоятельствах!

– Прости, – теперь мне оставалось только раскаиваться в том, что я решил действовать тайком от него: нас двоих этому Стену вряд ли удалось бы заманить в расставленную ловушку. – Хотелось, чтобы эти новости были максимально проверенные.

– Допроверялся! – с сарказмом фыркнул Рар. Помолчал, явно что-то обдумывая, потом спросил: – И что мне теперь с тобой делать? По-хорошему, дать бы тебе фору, чтобы ты успел как можно больше веских доказательств по этому делу собрать. Но, сам понимаешь, что я тебя под подписку отпустить не могу, так как речь идет о тяжком преступлении.

– Спасибо, что хотя бы подумал об этом. Значит, ты веришь, что я Ляшку не убивал?

– Ну, по голове тебе явно кто-то третий врезал, не Ляшка и не ты сам. Этот факт тебе косвенное алиби обеспечивает. Так что... Решено! – Рар поднялся из-за стола. – Если есть алиби, пусть даже косвенное, то будем арбитраж созывать. Ты отдохни пока, я этим займусь. К рассвету все будет готово.

В камеру он меня запирать не стал, оставил тут же, в кабинете. Дверь, правда, замкнул, уходя, но при желании я и через окно мог шутя ускользнуть. Однако даже пытаться не стал, вместо этого вытянувшись на жесткой служебной кушетке. Голова была тяжелой, как от предыдущей бессонной ночи, так и от встречи с дубинкой. И я вполне здраво рассудил, что ничего существенно уже не изменится, если я позволю себе пару часов просто полежать неподвижно. Может быть, даже и вздремнуть. Как раз успею, пока там Рар отправит курьера в Погудовку, в ближайшее село, да пока оттуда приедет тамошний участковый Лакнаф, вызванный быть арбитром. Арбитраж... Если у двух участковых возникали какие-то спорные вопросы с законом, то они в таком случае вызывали третьего, призванного их рассудить. Так что в нашем случае Рар, наверное, нашел удачное решение проблемы: откровенно не нарушая законодательство в присутствии сопровождавших его свидетелей моего задержания, все-таки добиться для меня временного освобождения под давлением косвенного алиби. Давлением, надо заметить, весьма-таки слабым. Да и чтобы арбитра вызывали в случае особо тяжкого преступления, я тоже раньше не слышал. Но если Лакнаф окажется ко мне столь же лоялен, как и его коллега Рар, то на рассвете я буду свободен на вполне законных основаниях. И, не шарахаясь от каждого прохожего, смогу попытаться выяснить, не было ли других сообщников у колдуна. Потому что если мои первоначальные предположения насчет Ляшки и заведенного ею любовника оказались неверны, то кто-то же заманил ее в Веселовку, чтобы убить! Зная, что я тоже скоро здесь окажусь и не смогу пройти мимо развешенных лоскутков. Где она начала свой сегодняшний запой, откуда ее сманили? И кто, наконец? Точно не Стен, потому что на такого дерганого замухрышку она бы даже очень пьяная не взглянула. То есть, даже уже в таком состоянии, когда бы уже и ходить не могла, а до этой стадии она сегодня не дотянула. Не успела, своими ногами добравшись до места своей погибели. Значит, либо Стен кого-то нанял, чтобы подстроить мне эту ловушку, либо кто-то по доброй воле ему помогал. Это был вопрос, которым стоило заняться вплотную и не откладывая. А потом, уже при содействии Рара, припереть к стенке самого Стена. Пусть-ка он для начала докажет свое алиби на момент Ляшкиного убийства и вообще объяснит, зачем его среди ночи в те кусты понесло. А через все это мы уже плавно выйдем и на изначальный вопрос о его содействии

иномирскому колдуну, и не в чем-нибудь, а в похищении людей! Дальше мне, возможно, снова предстоит выйти за рамки закона, чтобы каким-то образом организовать встречу этого Стена с Ягой. Но так далеко я пока в своих мыслях не забежал, потому что моя голова все еще продолжала мне высказывать разными способами, как она дубинку не любит. Поэтому пока что оставалось только лежать и ждать, отложив все переживания на потом.

Рар справился даже чуть раньше обещанного: кукушки еще не объявили рассветный час, как я уже услышал шаги на крыльце. Вместе с тихими голосами: похоже Рар, не теряя времени, уже все излагал прибывшему коллеге Лакнафу, участковому из Погудовки. И излагал весьма подробно, поскольку они оба задержались в приемной, не торопясь на меня взглянуть. Но я, тем не менее, решил, что хватит уже мне разлеживаться. Сел. Осторожно коснулся своей головы. И сразу понял, что Яга меня не иначе как и от таких нападений сзади заговорила. Ну или, по крайней мере, от их последствий, потому что и голова уже так не болела, и длинная рубленая рана на затылке уже прочно сомкнула свои края. Судя по ней, этот замухрышка Стен меня вовсе не оглушить, а убить собирался! И не дубинкой совсем, а каким-то более серьезным оружием, вроде топора. Но ему помешали амулеты, которые он не смог с меня снять. А судя по скорости заживления раны, через пару часов мне уже и предъявить будет нечего своим коллегам в подтверждение того самого косвенного алиби, которое мне сейчас так нужно! Так что я решил ускорить нашу встречу и направился к двери.

Заседание нашего арбитража больше напоминало дружескую посиделку. Мужики не поверили бы мне, что рана нанесена несколько часов назад, если бы Рар сам ее не видел до этого и если бы не потеки крови у меня на спине. Поудивлялись такой ускоренной регенерации. Посокрушались, что наше стертство, которое почему-то мини, не желает официально (а не втихую!) сотрудничать хотя бы с маститыми потомственными колдунами, от которых может быть огромная польза, если только перед ними свой чиновничий гонор не выказывать. Заверили меня, что Стен крепко заперт в камере (вот почему и меня туда же не отослали!), где ждет своего звездного часа, чтобы сказки начать рассказывать. Ну, а пока мы все это обговаривали, Рар еще чаем нас угощал. С магазинными печенюшками, не иначе, как из торговой сети Бирса. Заставившими меня с тоской вспомнить об Аланаином пироге.

- Кстати, а рюкзак-то вы мой нашли? - поинтересовался я у Рара. - Ведь если Стен его утащил и спрятал, то это еще одно доказательство его виновности в нападении на меня.

- Не переживай, что спер, то сам все выдаст, - веско пообещал мне Рар. - Займусь им сразу, как с тобой вопрос завершим. Дело, конечно, мутное, но...

- Рар, а не распорядился бы ты сразу этого сморчка сюда привести? - вмешался Лакнаф. - Сразу бы его и послушали. А пока твои помощники за ним ходят, можно еще чайку? Воздух сегодня какой-то сухой, аж в горле першит.

Я с удивлением покосился на него: странно, но и у меня, несмотря на уже выпитый чай, были те же самые ощущения! Хотя большой сухости воздуха я что-то не замечал. Наоборот, со своего места видел, как в чьем-то саду предрассветный туман крадется между деревьями несмелыми такими завитками.

- Трой! - сразу после того, как Рар согласно поднялся и вышел из кабинета, Лакнаф отвлек меня от этого зрелища. - Рар уже успел мне все рассказать, так что, сам понимаешь, сейчас мы только видимость арбитража создаем, для подчиненных. Все уже ясно! Но только пока ничего не доказано. А следовательно, официально мы все-таки не имеем права тебя отпустить, если только не хотим проблем от начальства. Так что... ну ты ж все понимаешь, да? Нам огрести не хочется, а тебе свобода действий нужна. Поэтому, пока Раровские подчиненные за Стеном пошли, а сам он чайком занимается - самое время! - взмахом руки он указал мне на открытое окно. - Давай, вперед! Вернешься после того, как мы Стена расколем.

- Так вы что, с Раром уже все решили? - уточнил я на всякий случай, хотя, по сути, это и так уже было ясно.

- Ну конечно! - Лакнаф нервно прислушался к звону посуды за дверью и поторопил меня: - Нырять уже в окно, не тяни! Не заставляй Рара затягивать контакт с чашками. С горячими, между прочим! Да и медведи со Стеном вот-вот появятся, долго ли до кутузки

сходить и вернуться! Их-то мы в известность не ставили о нашем сговоре.

Последнее заявление мне не понравилось. Да и вообще план выглядел как-то не очень. Я бы куда охотнее положился на официальный вердикт коллег, а не на их негласную поддержку. Кстати, за мой побег им от начальства могло влететь не хуже, чем за неверно вынесенное решение арбитражной комиссии, так что меня упорно не отпускала мысль, что я подставлю обоих, если сейчас сбегу. Но голова моя была все еще не слишком здорова, Лакнаф настойчиво стрелял мне глазами в сторону улицы, не давая сосредоточиться на обдумывании последствий, а Рар со своими чайниками копошился уже где-то под дверью, давая понять, что времени на раздумье вообще не осталось. Так что я все-таки решился и сиганул в то самое окно, которое так призывно было распахнуто передо мной.

Сколько секунд мне потребовалось, чтобы понять, что я зря это сделал?! Боль, резанувшая в ране, на все еще не зажившем затылке, не дала мне этого подсчитать. Да и надо ли было? Что бы мне оно дало, точное количество мгновений, за которые я успел осознать себя идиотом? Попавшимся не иначе как в хитро расставленную ловушку того самого Стенова сообщника, которого я собирался искать. Даже не подозревая, что он только что сидел прямо передо мной, за столом. Да и не сообщник вовсе, а как раз босс, при котором этот злосчастный Стен был мелкой сошкой. Когда я все это осознал, глядя на то, как Лакнаф, крича о побеге, целится в меня из табельного оружия, у меня пара мгновений ушла еще на принятие непростого решения: что делать дальше? Поднять руки и двинуться обратно, к Рару, заявив, что я пошутил? Но вряд ли Рар теперь станет мне верить, как прежде, потому что шуточка была слишком уж подозрительной. И дурацкой даже для такого шалопака, как я. А когда возле моего виска недвусмысленно просвистела выпущенная Лакнафом первая пуля, я понял, что вернуться к окошку у меня в любом случае не получится: тот все равно пристрелит меня по пути, несмотря на все мои охранные амулеты. Не для того он меня спровоцировал на побег, чтобы позволить мне свести на нет его усилия. Так что... Словно в загустевшем вдруг времени я заглянул в чернеющий ствол, нацеленный мне теперь прямо в лоб. Краем глаза увидел кинувшихся в мою сторону медведей, бросивших конвоируемого из кутузки Стена. И понял, что сейчас у меня остается только один выход: бежать дальше, раз все равно уже начал это глупое дело. Так что я быстро развернулся спиной к окну, лицом к лесу и рванул прочь, стараясь петлять на ходу, поскольку Лакнаф не отказывался от своих попыток меня прикончить, стреляя без передышки. Вторая пущенная им пуля просвистела мимо, лишь повредив мне ткань на рубашке, третья тоже, а четвертая все-таки достала меня самого, зацепив плечо. Сильный такой удар по касательной, почти без боли, но сопровождающийся противным хлопьяющим звуком. А вслед за пулей мне в спину ударной волной врезался дикий рев Лакнафа, давший мне понять, почему он и на этот раз промахнулся (или, наоборот, сумел-таки попасть в меня, вопреки защите Ягусиных амулетов?!). Лакнаф так орал, что мне хорошо его было слышно, даже несмотря на уже разделяющее нас расстояние. И я, продолжая удаляться, с огромным удовольствием ловил ушами его матюги! Из которых следовало, что Рар, вошедший в кабинет с чайными принадлежностями на подносе, с ними сразу же кинулся и к окну. А в результате обварил Лакнафу кипятком из опрокинувшегося чайника всю его задницу. Так что (это я уже сам додумывал на бегу) детей этот мерзавец, может быть, когда-нибудь еще и заведет, но вот сидеть в ближайшем будущем точно не сможет! От этих приятных мыслей у меня даже раненое плечо не слишком болело! А может быть, просто пока было не до него? Я бежал из всех своих сил, стремясь как можно скорее попасть в лес, на территорию леших. Лакнаф мне вслед больше, естественно, не палил, Рар тоже о себе знать не давал (оставалось лишь догадываться, чем он сейчас занят!), но оставались два его кореша-медведя, числящихся помощниками участкового. Те-то уж, я точно знал, так просто от меня не отстанут. По крайней мере, до лесных границ, а дальше их действия будут зависеть от того, насколько они ладят с местным лешаком. Я сам его, честно говоря, знать не знал, но зато был в курсе того, что всем лешакам известно о моей дружбе с Жажиллой, который у них был за босса. Поэтому оставалась у меня надежда на то, что лешак меня так просто медведям не выдаст, спрячет. Если только я до леса смогу дотянуть и встретиться там с хозяином. Странно! Я, в академии отмахивавший десятки верст кросса, далеко не в спортивной обуви, да еще и в полной боевой экипировке, весившей примерно как еще один я, сейчас чувствовал, как буквально сдуваюсь уже на первой версте. И даже злорадная мысль про Лакнафов зад меня уже так не грела, как прежде. В чем дело-то? В полученной ране? Но она вообще была поверхностной. И должна была уже затягиваться, учитывая действие бабкиных амулетов. Или это я уже после академии так успел подорвать свое молодое здоровье

всякими нехорошими излишествами, что разучился нормально бегать? Ну нет, не успел бы я столько выпить! Даже если занимался бы этим каждый день, не делая перерывов на все остальное.

Мне становилось все хуже и хуже. Воздуха катастрофически не хватало, и во рту стоял вкус перца, которого я не ел. Разве что Аланая его в пирожки намешала? Но нет, я бы почувствовал. Тогда откуда?! Ладно, неважно! Потом постараюсь выяснить. А пока – дышать и бежать! Не сбиваясь с ритма и темпа, как бы ни пытался сделать это мой подлый, из-за чего-то решивший подвести меня организм! Вперед... вперед, курсант! Я словно наяву снова услышал голос моего бывшего командира, которому тут неоткуда было взяться. И слава богам! Он был последним, кого я хотел бы увидеть, даже на смертном одре... не знаю, с чего у меня вдруг появились подобные мысли. Я прислушался к топоту косолапых у меня за спиной, пытаюсь определить на слух, догоняют они меня или нет. Вроде бы пока дистанцию я держал. А вот разорвать ее, к сожалению, у меня не получалось. Никак, хотя я очень старался. Уже выбиваясь из сил, я готов был заречься, что брошу пить, вообще, если только уйду от погони, но судьба на очередном вираже не позволила, чтобы я дал небесам это опрометчивое обещание. Желая срезать поворот, я попытался проскочить через кусты. Перемахнул через первый барьер из зарослей, чувствуя, как ноги тяжелеют с каждым сделанным шагом. А на втором препятствии они у меня просто подкосились, и я со всего маху рухнул на землю. Вот прямо во весь рост, как бежал, сразу за очередным кустом, ткнувшись при этом носом даже не в траву, а в подло оказавшийся не в нужном месте булыжник! А когда я попытался встать, вдруг понял, что даже пошевелиться не могу! Вообще! Ни ногой, ни рукой, ни пальцем! Да что там! Я даже головы не мог повернуть, из-за чего подлый булыжник так и продолжал портить своим толстым боком мой гордый профиль! В таком моем состоянии косолапым оставалось только подойти, взять меня под белые ручки и оттащить обратно в участок, навалив мне по пути за то, что заставил побегать. А уж в самом участке... я сомневался, что обваренный зад помешает Лакнафу как следует размахнуться и хотя бы пару раз дать мне по ребрам. Так что ближайшая пара часов обещала быть для меня не самой приятной. Но худшее было все равно впереди – арест, расследование с подтасованными Лакнафом фактами (теперь все будут верить им, а не мне), а потом и трибунал. Да, нечего сказать, хорошо все колдуняра продумал! Подставил меня по полной программе, проведя, как сопливого младенца! И у Яги теперь не было бы неприятностей! Хоть бы она догадалась как можно быстрее из моего дома улизнуть да укрыться в лесу! Сообщив напоследок Аланая, кем на самом деле является ее суженый Павлик – пусть из всей нашей недавней компании хотя бы девчонка порадует, что свадьбы удачно удалось избежать!.. На этой мысли я вдруг осознал, что по времени мне пора было бы получать уже вторую порцию трындюлей от выдохшихся и снова отдохнувших медведей, которые давно уже должны были меня здесь найти. Но отчего-то так и не появились... Или я не прав? По моим ощущениям времени, услышал я их где-то лишь через час. Не догоняющих меня, а уже возвращающихся в поселок, совсем с другой стороны. И недоуменно обсуждающих по пути, куда же я, сволочь этакая, мог подеваться? Я, понятное дело, не стал делиться с ними этим секретом. И не только потому, что не хотелось. Меня словно парализовало, так что я пошевелиться не мог! Даже каждый вздох приходилось отвоевывать у ослабевшего тела. Неудивительно, что медведи меня не нашли! Я ведь нырнул за поворот, за кусты – и все! Перестал подавать признаки жизни! А увидеть они меня из-за зарослей не смогли. Так что на всех парах пронесли мимо, уверенные, что я сделал спринтерский рывок вперед, а не валяюсь в кювете. Где мне становилось все хуже и хуже, так что хоть медведей обратно зови. В какой-то момент я титаническим усилием все-таки сумел перевернуть себя с живота на спину, чтобы хоть нос не плющить о земную поверхность. Затылок тут же выразил мне свой протест по этому поводу, но поздно, потому что это было последнее движение, которое я смог совершить. Я еще во время забега начал подозревать, что Лакнаф меня отравил, что-то сумев подбросить мне в чай, вот откуда и эта слабость, и вкус перца во рту! Теперь подозрения переросли в уверенность, так что самое время было для того, чтобы запаниковать: так ведь тут и окочурюсь без посторонней помощи, в цвете лет! Но сил даже на панику не осталось. Вначале меня начало трясти, потом руки-ноги заглодели. А потом я начал впадать в беспамятство. Крайне подлое, скажу я вам, состояние! Когда с вами творится непонятно что, а у вас ни тело, ни голова не работают! Впрочем, из беспамятства я периодически выходил, но, кажется, лишь для того, чтобы убедиться, что в остальном мое состояние ничуть не улучшилось. Ну, и еще чтобы произвольно оценить движение солнца по небу. Странно! Оно уже из зенита вышло! Время шло, а меня больше не пытались разыскивать! Этому, на мой взгляд, могло быть только одно объяснение: мои ловцы должны были увериться в том, что я уже очень

далеко от них, так что дальнейшие поиски бесполезны. А Лакнаф, наверное, надеется, что я уже и вовсе помер, так что теперь без помех все преступления можно будет списывать на меня. Но, конечно, Рару он таких мыслей не станет озвучивать. А вот интересно все-таки, почему я до сих пор жив? Пусть даже при этом не здоров и не счастлив? Снова амулеты Яги помогают? Наверное, да. Как и в том случае, когда Стен пытался раскроить мне затылок, их мощи не хватило, чтобы меня полностью защитить. Но хотя бы от смерти спасти сумели. Пока... О том, что меня дальше ждет, я старался не думать. Оставалась надежда, что амулеты сумеют со временем нейтрализовать весь яд. Еще можно было надеяться на то, что я все-таки успел пересечь границу между поселком и лесом, и что лешак, обходя свои владения, наткнется на меня раньше поселковых граждан, среди которых я теперь вне закона. И что захочет мне как-то помочь. Хотя, возможно, сочтет за лучшее не связываться с населением и местной властью, если и до него уже слухи дошли...

На последней мысли мое сознание снова решило меня покинуть, унесясь куда-то в небывтие. Потом вернулось ненадолго, дав мне ощутить себя камнем, холодным и неподвижным, и опять улетело прочь. Солнце, согревавшее меня, упорно пытающегося остыть, двигалось к закату, и я чувствовал, что по мере его ухода мне становится все хуже. Снова впадая в беспамятство, я успел подумать о том, что после заката я, возможно, уже не очнусь.

Но я все-таки очнулся, уже не сам по себе, а от какого-то странного скрипа поблизости. Уставился в темнеющее надо мной небо, на котором уже мерцали первые звездочки – все, что мне было дано увидеть. Хотя очень бы хотелось голову повернуть на источник шума и узнать, что же там происходит. Еще сильнее мне захотелось это сделать после того, как я услышал приближающиеся шаги. Медленные и такие тяжелые, что земля подо мной от них вздрагивала. Я не знал ни одного живого существа, способного так топтать! Да что там – целая рота обутых в берцы медведей на марше не смогла бы такого эффекта произвести! Шаги звучали так зловеще, что пришлось время вспомнить про бабкин амулет от поноса и таки порадоваться тому, что он на меня тоже сейчас надет! А шаги раздавались все ближе и ближе. Вместе со скрипом и с тенью, которая уже растекалась вокруг меня, давая понять, что неведомый топтун совсем рядом. И росточек у него ого-го! В какой-то момент, томительно ожидая шаг за шагом приближающейся ко мне неизвестной опасности, я подумал, что еще немного – и меня даже Ягусин амулет уже не спасет. Но потом взял себя в руки: все равно ведь, как это ни обидно, но я, кажется, уже в свою могилу смотрю! А раз все равно конец один, от яда или от неизвестного монстра, то надо уж собраться с силами и встретить его как-то достойно! Чтобы у Лакнафа с его отварным филе не было повода на моих похоронах позлословить о том, что и еще того хуже бывает, чем у него! И чтобы Аланая этого вдруг не услышала... Мысль о девушке неожиданно придала мне сил. Духовных, разумеется, физически я так и продолжал валяться мешком на земле. Но теперь ожидал скорого финала со стоицизмом и с – надеюсь! – вполне героическим выражением на лице. А неведомый монстр был уже здесь, возле меня, приблизившись к моему неподвижному телу со стороны головы и замерев.

Я не сразу его смог увидеть, потому что смотрел совсем не туда. Мне-то было доступно лишь в небо, а он нависал надо мной со стороны макушки, куда я, пока был еще жив, при всем желании не мог глаза закатить. Но он сообразил, в чем моя проблема, и не поленился, обошел меня, легко ломая кусты и по пути обсыпая какой-то трухой. Встал у меня в ногах, в поле моего зрения, чтобы я смог его опознать. Я опознал! И сразу скажу, что после внесения ясности в дело облегчения точно не испытал! Потому что передо мной стоял не монстр – хуже! Перед мной стояла бабкина блудливая изба, ухмыляясь мне в лицо всеми ступенями своего крыльца и распахнутой входной дверью. Признаюсь честно, такой издевательской рожи, с ехидно поблескивающими окошками, я за всю свою жизнь не видел! Сразу всплыли в памяти все те пендели и нецензурные выражения, которыми я много раз награждал своенравное жилище. И та взбучка пришла на ум, которую совсем недавно бабка избе из-за меня устроила. После чего я не то чтобы понял, а уже всей нижней частью своего тела ощутил, что сейчас мне придется за все за это держать ответ. И что ни бабка мне не поможет, которая сейчас далеко, у меня дома, да как бы еще и сама не оказалась втянута в неприятности. И ни Васька, которого в избе тоже нет, иначе бы уже выбежал на крыльцо, уж не говоря о том, что не оставил бы дверь нараспашку. Оставалось лишь гадать, куда этот любвеобильный паршивец мог свинтить, бросив избушку без присмотра в самый неподходящий момент. И как сама избушка ухитрилась меня отыскать: случайно ли наткнулась, или по какому-

то роковому стечению обстоятельств? Я малодушно закрыл глаза, мечтая поскорее умереть от яда, пока изба за меня не взялась. Не получилось. Пришлось снова уставиться на курьеную мстительницу, покачивающуюся надо мной, так что все ее венцы печально поскрипывали в такт этим движениям. И входная дверь тоже скрипела на редкость плаксиво. А в довершение ко всему я услышал, как тоскливо завывает вечерний ветер в печной трубе. От всех этих звуков мне стало настолько паршиво, что хотелось уже попросить избушку, чтобы она не затягивала со своей мстью, раз уж взялась исполнять похоронный марш. Но она, похоже, и сама уже решила, что пора действовать. Балансируя на одной своей ножке, вторую протянула ко мне. В свете звезд я отчетливо увидел нависшие надо мной куриные пальчики запредельного размера, снабженные изогнутыми острейшими когтями самого что ни на есть зловещего вида, по которым еще и блики проскальзывали словно сами собой. Изба щелкнула пару раз этими когтями у меня перед носом, высекая при этом тусклые желтые искры. Потом попыталась оценить произведенный эффект. Однако ни вскочить, ни удрать я не мог. Мог только умирающим голосом послать избу напоследок, что я и сделал, описав ей маршрут коротко, но выразительно. Она аж скрипнула от такого, в два раза громче прежнего! А потом сомкнула на мне свои пальчики и оторвала от земли. Взмывая высь, я ожидал, что она меня сейчас либо зашвырнет куда подальше, либо шмякнет о землю, чтобы уже обеими лапами исполнить на мне танец мести. Но вместо этого она всунула меня в свою горницу, еще и пальчиком подпихнув, чтоб не вывалился, а потом, как могла, притворила за мной входную дверь. Я аж слегка ожил от неожиданности! Подтянул к себе руки-ноги, которые по-прежнему норовил сковать зловещий могильный холод. Потом голову повернул, осматриваясь. Увидел треснувшую скамейку и следы кошачьих когтей на полу, которые бороздили доски тем глубже, чем ближе к дверям, как будто полосатого бабкиного любимчика за хвост кто из избушки тянул. Подтверждая это впечатление, на глаза мне попались несколько клочков очень знакомой шерсти. Ох, не к добру! Оставалась надежда, что к Ваське, к неисправимому бабнику, весьма несвоевременно наведались несколько семейных котов, чтобы провести с ним воспитательную беседу. Но другое, более тягостное предчувствие, давало мне знать, чтобы я не питал напрасных надежд. Что Ваську, скорее всего, выгнали наружу кто-то из замешанных в этой истории с похищениями, в которую все мы по уши влипли. И что избу, спешащую к Яге, в наш поселок попросту не пустили! Либо выгнали, либо, наоборот, пытались захватить, а она успела удрать, кое-как отбившись. После чего и пошла, неприкаянная, бродить сама по себе, пока на меня не наткнулась. И не начала, зараза такая, запугивать меня своим нарочито тяжелым топотом, потому что в обычной жизни обладала практически неслышной походкой.

Тут избушка весьма ощутимо встряхнулась, нарушая ход моих мыслей. Обычно она ходила не только тихо, но и плавно, практически незаметно для тех, кто находился внутри нее, а такие вот пируэты проделывала, когда хотела нам с Ягой в очередной раз досадить. Когда чем-то вызвавшая ее недовольство бабка, например, тесто месила или пасьянс раскладывала. Последствия бывали весьма фееричны! Но сегодня я не видел причин для избушкиных плясок: с чего бы ей взбрыкивать, раз уж она сама меня приютила? Разве что снаружи происходило что-то неординарное! И точно! Мне удалось перевести глаза на бабкино зеркало, висящее над комодом. Большое, в ажурной рамке, оно могло использоваться и по своему прямому назначению, но вот во время движения избы выполняло, как правило, функции зеркала заднего вида, какие в машинах имеются. И в данный момент там было, на что посмотреть! Судя по обилию светящихся во тьме факелов, на нас с избушкой целая толпа сейчас перла, не меньше десятка весьма активных и решительно настроенных граждан. Мне оставалось лишь застонать при виде такой картины: нет ничего хуже, чем осознавать собственное бессилие в подобный критический момент! Когда не то что обороняться, а даже с пола подняться не можешь! Я честно попытался, но понял лишь, что уже не чувствую своих заледеневших конечностей. И что сковавший их противоестественный холод острыми осколками теперь пытается проникнуть мне в грудь. Интересно, успеют ли меня живого схватить? Впрочем, если да, то спасать все равно не бросятся. Глядя в зеркало, на приближающуюся разгневанную толпу, я в этом был теперь уверен. Такие, скорее, наоборот, добьют подручными средствами. Но пока с неведомым ядом за мою жизнь продолжали бороться Ягусины амулеты, даже светились слегка в темноте. Тут мне пришло на ум, что избушка, глупая курица, тоже могла бы кое-что предпринять, и не только для моего, но и для своего собственного спасения, ведь неизвестно еще, по чью именно душу сюда эта толпа подкатывала в первую очередь. Факела были все ближе и ближе, а изба все стояла на месте, даже не пытаясь удрать, что я бы порекомендовал ей сделать, если бы мог выйти и с ней пообщаться – изнутри это делать было бесполезно,

она отсюда не слышала. Глядя на ее невозмутимую неподвижность, я уже начал склоняться к мысли, что эта голенастая сараюха вообще разучилась пускаться в забег без предварительного пинка. Но когда до толпы осталось в буквальном смысле рукой подать, изба ожила! Пол подо мной мелко затрясся, когда огромные курьи лапы поочередно зачиркали по земле, быстро и практически непрерывно поднимая в воздух самую настоящую шрапнель! Комочки земли, камешки мелкие и не очень, всякие там сухие ветки – все это густым роем и на огромной скорости понеслось в сторону захватчиков, уже предвкушающих, как сейчас ухватят избу за венцы. Несостоявшиеся избовладельцы с дикими матюгами попадали навзничь, в один миг получив по первое число и, понятное дело, не желая получить еще и по второе. Уже на земле кашляли, отплевывались, а изба продолжала скрести лапками землю да осыпала и осыпала их новыми порциями всего того, что только могла нарыть. Остановилась лишь тогда, когда над лежащими стали образовываться небольшие холмики, которые те уже стряхивать не успевали. И когда кашель несостоявшихся захватчиков стал таким душераздирающим, что даже матюгаться сквозь него стало некогда. Только тогда избушка остановилась, презрительно-брезгливым жестом отряхнула на поверженных врагов свои лапки и тут же пустилась в забег ровной рысью. Плавной, незаметной, так что я мог оценить скорость ее движения лишь по начавшей неуверенно шевелиться толпе, стремительно исчезающей в зеркале заднего вида. И как только я немного успокоился по поводу грозившей нам опасности, так снова впал в тяжелое забытие, еще холодней и черней прежнего.

Очнулся я с четким ощущением того, что просто видел дурной сон, а на самом деле все обстоит лучше некуда. Я лежал на лавочке, в избе у Яги. В открытое окошко лился утренний солнечный свет, слышались сигналы точного времени, издаваемые дежурной кукушкой. А еще сад листвою шелестел. Все как есть повторяло мое недавнее пробуждение, когда мы с Ягой наведались к Жажиле за яблочками! Не хватало только негромких голосов этой парочки, которые я очень хотел бы услышать сразу за входной дверью. Но, может быть, я смогу увидеть этих двоих? Если мне удастся встать и выйти на крыльцо. Я пошевелил кончиками пальцев, с радостью обнаружив, что они снова мне повинуются. Так же, как и кисти рук, и ноги, и все остальное мое тело, которым я воспользовался, приведя его в движение. Встал с лавки, пошатался, потом решил на то, чтобы пройти через горницу.

Жажила встретил меня сразу возле крыльца, но, к сожалению, один, без Яги. Густая и ухоженная поросль на его лице шевельнулась, дав мне знать, что леший улыбнулся в ответ на мое «доброе утро».

- Ну что, ожил, добрый молодец? - приветствовал меня Жажила уже словами. - Вот, кушай на здоровье.

- Спасибо, - я взял у него фрукт, снова будто материализовавшийся в его лапе. На сей раз это был персик, румяный, сочный и ароматный. Всем своим видом так и напрашивающийся на то, чтобы его съели, за что я и взялся, успев только спросить перед тем, как отхватил добрую порцию сочной мякоти: - А как я у тебя оказался-то? И где моя дама Яга?

- Дама Яга по-прежнему в твоём доме, жива и невредима, хотя ее обложили там и караулят. Других подробностей не знаю, связь у нас была совсем неважная. Да и главная тема для разговора у нас была совершенно другая. Когда изба мне тебя принесла сюда посреди ночи, я при первом-то взгляде вообще было подумал, что ты уже все, не жилец.

- Лакнаф пытался меня отравить. Это он пособник пришлого колдуна!

- Он не пытался, он отравил! Тем зельем, которое как раз колдун ему дал! Один раз в чай его насыпал тебе, а второй раз попал в тебя отравленной пулей. Это хорошо, что мы с Ягой уже работали над смертоносными чародейскими технологиями! Успели их составляющую изучить! Иначе не успели бы я тебя с того света вытащить, несмотря на все данные тебе обереги. Этот ведь яд - он и травит, и жизненные силы вытягивает, и саму материю преобразует. Одним словом, гадкое зелье, ты его действие еще на яблочках мог наблюдать.

- Ну, спасибо вам обоим за помощь! - сказал я с чувством. - Не хотелось бы мне в одно из этих почерневших яблочек превратиться!.. И тебе спасибо, что не бросила, да еще и сообразила, куда меня отнести, - обратился я уже к избе.

Изба фыркнула мне в ответ. Вот уж не знаю, как это у нее получилось, но, честное слово, не вру! Только бабкины кружевные занавесочки на окнах взметнулись! Я не очень понял, что она этим хотела сказать: что лежачих не бьет или что спасла меня исключительно ради возможности потом со мной самостоятельно рассчитаться? Одно было ясно: на обнуление ее ко мне счетов я могу не надеяться, не на ту напал. Но я и сам понимал, что у любых, даже у самых необыкновенных чудес есть свои пределы, так что и не надеялся. К тому же, сейчас у меня на повестке стояли куда более важные вопросы, чем дальнейшее развитие наших отношений с избой. Одним из главных был вопрос: а что там с ее хозяйкой? Судя по Жижилиным словам, ей у меня дома сейчас совсем не спокойно живется. Зная таланты Яги, я в одном пока был уверен: от голода она даже в моих холостяцких стенах не страдает. Но вот что касалось всего остального, то мне бы очень хотелось узнать подробности.

- Жажила, а ты с Ягой не мог бы связаться сейчас? - спросил я с надеждой.

- Нет, Тройчик. Кабы мог, так и сам бы уже все о ней знал, и тебе бы рассказал. Но после нашего ночного разговора кто-то нашу связь вообще взялся блокировать, одни помехи идут. Это раз. А два - не стоит мне вообще сейчас афишировать свой интерес к

Яге. Сейчас развелось много спецов по прослушке, а вы с ней нынче у населения не в чести. Поэтому, вспомни сейчас кто про наши с ней добрые отношения, так и сюда, неровен час, припрутся толпой. А у меня здесь и ты нашел приют, и, опять же, изба вон пока что обосновалась. И если вас тут отыщут, то и вам будет худо, и мне, и, главное, сад мой весь не поленятся вытоптать. Так что притаились и ждем! Яга сама найдет способ с нами связаться, если припрет. Она сейчас опытами занята, пытается установить параллель. Порывалась все бросить и прилететь сюда ночью, да я ей отсоветовал. Сказал, сумею ей вызывающий импульс послать, если пойму, что сам не справляюсь.

- Жажил... - я даже растрогался, когда осознал, что лешак реально рискует, оказывая мне гостеприимство. Хотя и я на его месте точно так же поступил бы, но все же. - Спасибо тебе за все! Я-то у тебя долго не задержусь, надо двигать, выяснять, что у нас и как обстоит в поселке. А вот за избушку тебя попрошу.

- С избой и так ясно, останется пока у меня, если в ее дурной чердак какая иная мысль не взбредет. Тут-то я уж с ней воевать не смогу. Ты же никуда не уйдешь до тех пор, пока в баньке на этот раз не попаришься! И не ради удовольствия, а чтобы силы восстановить! Паром да травками! Чтоб ни крупички того смертельного холода в теле твоём живом не осталось!

- Только побыстрее это как-то можно устроить? - попросил я, понимая, что на этот раз мне от бани не отвертеться. - Тревожно мне, знаешь ли. Да, кстати, еще и Васька со вчерашнего дня куда-то пропал из избы. Ты о нем, случайно, ничего сегодня не слышал?

- Слышать не слышал... - многозначительно протянул Жажил, глядя мне куда-то за спину, что заставило меня оглянуться. Вчера, строя предположения на Васькин счет, я допускал, что он мог пострадать либо от агрессивно настроенной толпы, решившей вершить «правосудие», либо от обманутых им котов. Сегодня, едва взглянув на этого гуляку, именно сейчас приближающегося к нам с Жажилой, я сразу подумал о том, что обе упомянутые мною компании успели где-то встретиться и договориться между собой, а потом уж навалили полосатому бабкиному любимцу по полной. На Ваську было жалко смотреть! Его шикарные усы были оборваны наполовину, а вторая половина уныло висела вместо того, чтобы задорно топорщиться. Одно ухо приняло форму усеченного конуса, да еще и раздвоенного слегка. Нос распух, глаз подбит, шерсть вся всклоочена! А главное, видневшийся из-за Васьки хвост, его главная гордость, был сейчас больше похож на прут, чем на роскошное опахало.

- Упс! - только и выдал я. - Ты откуда здесь такой взялся?!

- На себя посмотри! - огрызнулся кот, попытавшись нервно стегнуть хвостом по траве. Но тут же вспомнил, как некрасиво это теперь выглядит, стыдливо поджал драный хвостик и досадливо взвыл, полоснув воздух выпущенными когтями.

- Троя сюда вообще вчера изба принесла. Полумертвого, - вступился за меня Жажил. - Так что нечего тут выяснять, кто хуже выглядит. Давайте-ка оба в баньку, она у меня уж готова. Там новостями поделитесь. После баньки за стол, ну, а дальше будем решать, кому чем заняться.

Возразить было нечего. Ни мне, ни Ваське. Ему, потрепанному, парилка, может, была не совсем ко времени, но, судя по штрихам его внешности, он от погони какими-то сортирами уходил, так что первый к бане ломанулся. Ну, а уж я за ним. Как я уже говорил, после академии меня в этой жизни мало чем можно было смутить или отпугнуть, так что и соседство с Васькиной грязной шкурой сумею как-нибудь пережить. Главное, чтобы новости про Ягу мне сейчас рассказал. Он ведь наверняка был последним из нас, кто успел ее повидать.

Парить нас, естественно, взялся Жажил. Окатила Ваську тремя ушатами каких-то трав, после чего котьяра стал выглядеть не только чище, но и лучше, даже ободранный хвост немного заколосился. Настроение у него тоже приподнялось, так что он начал делиться новостями, не дожидаясь, пока я стану его упрашивать. Однако, слушая его, я ощущал, как мое собственное настроение стремительно падает вниз. Даже несмотря на все ухищрения Жажины, колдовавшего с баннным венником над нами обоими в попытке вернуть нам и здоровье, и боевой дух.

Ну, а что я еще должен был испытывать, пока Васька выкладывал мне, что он успел

увидеть-услышать из избы? Потом добрал подробностей из ругани, когда избу окружили, а его наружу вытаскивали. А позже прояснил детали, пока попеременно то удирал, то прятался от погони. Это уже после того, как изба, разозлясь не на шутку, распинала всех своих обидчиков и Васькиных заодно, что и позволило ему смыться, избежав ареста. Несмотря на то, что факты он собирал разрозненно, картина получилась вполне цельная. И как мне она не нравилась – словами было не передать! Ведь по ней выходило, что меня выставили серийным убийцей! Пользуясь тем, что я ни слова не могу сказать в свое оправдание, Лакнаф уж постарался! Заявил, что на моей совести не только Льяшкина смерть! Что всех тех, кто в последнее время исчез, тоже я прикопал! Не знаю, куда в этой заварухе подевался Стен, но с его слов Лакнаф живописал, как тот до последнего пытался спасти убитую мною Льяшку, как тщился мою руку с ножом удержать, да силушек не хватило. И как лишь потому, что Стен потом на помощь позвал, я Льяшку, последний труп в череде моих преступлений, не успел припрятать рядом с остальными убиенными мною жертвами. Одним словом, Лакнаф сочинял на всю катушку! Его даже не смущал тот факт, что мое тело он до сих пор не нашел, и, следовательно, я вполне еще могу оказаться живым и поднять голос в свое оправдание... при условии, что меня теперь хоть кто-то станет слушать. Потому что Яга, с возмущением попытавшаяся заткнуть рот этим двум негодьям, тут же была объявлена моей сообщницей и врагом всего мирного населения. До нее до самой добрался, к счастью, так пока и не сумели, только обложили в моем доме со всех сторон, но зато изба, не вовремя появившаяся в поле зрения недругов, получила по полной, и Васька с избой заодно, так что им обоим пришлось срочно уносить из поселка ноги. А когда кот удирал, то в поселке как раз отряд собирали, призванный отправиться на мои поиски. Ведь Лакнафу, одному из негласных предводителей этого отряда, наверняка хотелось воочию убедиться, что я уже действительно труп, чтобы окончательно на этот счет успокоиться. А все остальные рвались найти и покарать меня за все мои преступления! И вот что меня больше всего задело за живое, это как раз не то, что на меня так нагло клеветает подлый брехун, пусть даже и наделенный официальной властью, а то, как легко мои односельчане поверили во всю эту клевету! Сколько лет я с ними прожил бок о бок? Сколько всяких их конфликтов и проблем успел разгрести? Но, услышав поклев в мой адрес, ни один не озадачился мыслью: как бы я мог оказаться на такое способен? Ни один не усомнился в моей виновности и не попытался поднять свой голос в мою защиту! После такой черной несправедливости да неблагодарности у меня впервые в жизни всерьез мелькнула мысль о том, чтобы уйти в монастырь. Ну или, на худой конец, просто напиться в зюю этим же вечером. А потом, в невменяемом состоянии, пойти да и сдать всем этим сволочам! Пусть меня четвертуют на пике своего несправедливого гнева, а потом, когда остынут да во всем разберутся, пусть совесть их немилосердно мучает всю оставшуюся жизнь! Сидя в предбаннике, под сочувственное Васькино сопение, я, сломленный духом, как раз наслаждался мысленной картинкой, как эти подлецы, мои неблагодарные односельчане, всей толпой льют на моей могилке покаянные слезы, когда окрик Жажилы вернул меня в реальную жизнь:

– Трой, смотри! Вон они, уже здесь! Эх, наверное, все-таки успел кто-то отследить наше с Ягой ночное общение! Или и без того догадались...

– Где?! – боевая выучка разом сорвала с меня всю мою меланхолию. К тому же, не только о себе мне следовало сейчас думать, но и о Яге тоже, и о Жажиле, и о восстановлении справедливости, наконец! Да и о бабкиной избе надо бы позаботиться! Вспомнив о ней, я испугался, что ее, мою недавнюю спасительницу, толпа прибывших карателей по бревнышку сейчас попытается разобрать! Но изба об этом, похоже, подумала раньше меня! Нет, она не стала убежать! Тихо фигея, я увидел в окошко, как она, пока ее еще не высмотрели незваные гости, быстро присела, пряча под нижними венцами свои курьи лапки. Потом расправила свою челочку-крышу, передернула венцами... и разом преобразилась так, что даже я бы не узнал. И не поверил бы никогда, если бы не видел своими глазами, что вздорное блудливое бабкино жилище способно в считанные мгновения преобразиться вот в такой милый светленький теремок! На котором даже ставеньки расписные!

– Трой! Бежим! – охваченный паникой Васька, желая поторопить, полоснул меня, прилипшего к окну, по той части тела, которая оказалась всего доступней его когтям. По голой, естественно, ведь в бане все-таки были. А по какой именно – догадаться, я думаю, нетрудно. В итоге я взвыл и чуть не вышиб окошко лбом. Потом резко развернулся с огромным желанием «в благодарность» отвесить полосатому нехилую такую затрещину, но того уж и след простыл. Мне ничего другого не оставалось, как кинуться за ним. Не

из мести, а чтобы самому не попасться да Жажилу с его гостеприимством не подвести.

- Давай... спасибо тебе за все, - бросил я на прощание лешаку, в полутьмах хватая со скамейки какую-то - надеюсь, что нашу с Васькой! - одежду. Разбираться было уже некогда, потому что отряд карателей, рассредоточившись, пытался взять Жажилушкины владения в кольцо. Тут бы только ноги успеть унести незамеченным, так что даже одеваться было некогда. Я и не стал, кинулся как есть через кусты, за пределы сада, к темнеющему за его границами дикому лесу.

Марш-бросок в чем мать родила через заросли был делом, конечно, не самым приятным. Но честно признаюсь, что для такого раздолбая, как я, это было уже не в новинку. Так что я вполне успешно сумел преодолеть все препятствия на моем пути к лесу, через сад и опушку, и даже не нанес при этом своему тылу новых царапин в дополнение к оставленным Васькой и немилосердно саднящим. Забравшись в заросли погуше и потемнее, за которыми начинался совсем уж мрачный овраг, я, наконец, остановился. Осмотрелся, прислушался. Погони за собой не обнаружил, приглушенных расстоянием криков тоже не наблюдалось. Это вселяло в меня надежду, что Жажилю удалось-таки отмазаться от обвинений в пособничестве мне, беглому преступнику, и от того, что я вообще на его двор заходил в ближайшие дни. Успокоившись насчет лешака, я стал раздумывать, с чего бы мне начать мою деятельность по спасению Яги и восстановлению моего доброго имени. Ну, наверное с того, что Ваську было бы неплохо найти. Однако этот кошачий сын сам вдруг о себе заявил, начав сваливаться с растущего на краю оврага хлипкого деревца, не сумевшего долго выдержать вес его откормленной тушки. Слушая, как кот с подвыванием движется на встречу с землей, сбивая своим задом некрепкую хвою с тоненьких веток, оказавшихся у него на пути, я вдруг спохватился, что неплохо было бы уже и одеться, а не стоять тут столбом с зажатыми в руке вещами. Васька как раз достиг земли, раздавив своим весом оказавшуюся под ним моховую кочку, когда я начал проводить ревизию прихваченного из бани тряпья. Мечтая обнаружить там, конечно, штаны, в идеале две пары. А обнаружив, что это была и вовсе не наша с Васькой одежда. Это было просто изношенное барахло, отложенное хозяйственной Жажилиной кикиморой, чтобы его на ветошь пустить. Старый сарафан и пара хлопковых чулочков, чистеньких, но дырявых, вот и все наше с Васькой имущество! Увидев его, приземлившись кошак с глумливой усмешечкой поинтересовался у меня, где ж я такое богатство добыл? Он резко сник, лишь только я напомнил ему, как сейчас выглядит его собственный костюмчик. А потом я окончательно его доконал, поставив перед фактом, что именно добытым мною богатством нам и придется срам прикрывать, пока чем-то более приличным не разживемся. Он тихо урчал и плевался, пока я разрывал доставшиеся нам остатки расшитого тесьмой женского сарафана на две равные части. Одну из них я сунул Ваське, из второй соорудил что-то типа набедренной повязки для себя. Да, это была не парадная форма бравого участкового! И даже не джинсы, в которых я привык по поселку ходить! Но, по крайней мере, причинное место эта дизайнерская модель прикрывала. Чтобы она с меня случайно не свалилась в самый неподходящий момент, я перетянул ее чулочком на манер пояска. Потом дождал Ваську, пытавшего повторить за мной все мои попытки одеться поприличнее. А потом мы, два ультрастильных парня, двинулись через лес в направлении моего поселка, желая оценить обстановку на месте, и надеясь, что каким-нибудь образом нам все-таки удастся повидаться с оккупированной в моем доме Ягой.

В лучшие времена я бы поднапрягся и совершил марш-бросок к поселку за несколько часов, так что еще до темноты бы там оказался. Босиком это оказалось сделать уже сложнее. А уж в компании с изнеженным кошаком, который если и был ходок, так только по симпатичным кошечкам, процесс вообще замедлился. Практически с самого начала пути Васька тихо выл на одной ноте, прерываясь лишь за тем, чтобы начать жаловаться. Признаю, жаловаться ему было на что: на битые бока и на лапы, которые он еще во время выволакивания из избы успел повредить, цепляясь за доски. А теперь, давно разучившись ходить босиком, он еще и с роковой периодичностью накалывал в пути свои толстые пятки, о чем я узнавал по звуковым всплескам в его вытье. Долго так продолжаться, естественно, не могло. Мало того, что кот своим нытьем мог выдать нас обоим случайному встречному, так еще и ковылял он все медленнее, начав оставлять на пути темные пятнышки от своих закровивших лап. Поэтому в конце концов я, не дожидаясь, когда он окончательно скиснет и совсем остановится, счел за лучшее посадить его к себе на спину. Сам босой и не слишком еще здоровый после вчерашних бед, я от этого, конечно же, идти быстрее не стал, особенно если учесть, что мы через сырой еловый лес продолжали двигаться, со всеми его кочками и буреломом. Но самое печальное, что Васька, оказавшись у меня на хребте, нудить так и не перестал, только сменил пластинку. Теперь и жарко ему было, и неудобно, и шерсть его липла к моей разгоряченной голой спине. Можно подумать, что я от его шерсти испытывал удовольствие! Ничего подобного! Упорно двигаясь вперед, я мрачно размышлял над вопросом, сильно ли будет Яга горевать о потере своего любимца. Если я его, к примеру, притоплю вон в том болотце, что справа чернеет, или нечаянно стряхну, да так неудачно, что он себе при этом шею свернет. Ну, или хотя бы челюсть, что заставит его, по крайней мере, заткнуться. Мне при этом еще бы вспомнить, что некоторые особенно горячие мечты имеют свойство материализовываться! И мечтать бы как-то не так увлечено! Но, замученный непрерывным кошачьим брюзжанием, я просто остановиться не мог! И вот на дивном моменте, когда я в своем воображении наслаждался картиной, как Васька с размаху шмякается своим толстым задом в зловонную болотную жижу, на моем пути вдруг возникла очередная еловая ветка. Которую я попытался отвести со своего пути, но так неудачно, что она вдруг выскользнула и хлестнула обратно. Я только и успел, что пригнуться, чтобы не заработать всей этой летящей хвойной колючей лапой себе в лицо. А вот Ваське повезло меньше, потому что он оказался при этом как раз на «линии огня». Среагировать, естественно, не успел, потому как был занят изложением очередной своей претензии и совершенно не следил за дорогим – мол, пусть мой транспорт за меня сам и думает. Но у «транспорта» сработал рефлекс, который, как известно, бывает быстрее мысли. Так что я уклонился, а Васька вот не успел. Вначале я услышал хлесткое «шмяк», потом сдавленный кошачий мяв. А потом, не желая расставаться с моей спиной, этот сбиваемый веткой наездник прочертил мне когтями все плечи. От такого и я уже взвыл на Васькин манер! Кот же, наоборот, резко смолк, все-таки не удержавшись на мне верхом. Начиная приходить в себя от обжигающей боли, я вначале перепугался, услышав эту долгожданную тишину! Не сбылись ли мои недавние мечты слишком буквально?! Я смахнул слезы, невольно выступившие у меня на глазах из-за полученных царапин, и быстро оглянулся, желая выяснить, что за судьба постигла кота. Сразу понял, что он живой: мертвые так глаза не выпучивают! А у сидящего на земле кота они не просто на лоб вылезли, они еще были злющие донельзя! Если бы он только мог, он бы мне тут *такого* уже рассказал!!! Про меня и про всех моих предков! Но одним из своих отростков хвойная лапа хлестнула ему в раскрытую болтливую пасть, которую он тут же сомкнул. А теперь так и сидел, с отогнутой еловой лапой в зубах, то ли от шока рта не сумев раскрыть, то ли от того, что клыки в смолистой древесине увязли.

– Отдай, не жадничай! – я потянул за ветку, пытаюсь отобрать ее у Васьки. Удалось! О чем я моментально пожалел! Потому что из освободившейся Васькиной пасти в тот же миг полилось все то, что я и предполагал услышать, и даже то, на что моего воображения уже не хватило. Мне оставалось только слушать, раскрыв рот, обновленную биографию моего прадеда, деда, батину и свою собственную. Но когда полосатый паршивец попытался в своем рассказе еще и мою маму затронуть, тут уж я отмер и прервал его концерт оплеухой: нервы нервами, но меру тоже надо знать! А мама уже и от нас с батей достаточно натерпелась, чтобы я позволил ее еще и какому-то щипаному невростенику тут склонять.

- Дальше снова пешком пойдешь! - добавил я на словах. Прекрасно понимая, что все равно мне этого мерзавца придется тащить на себе, если только не решусь его бросить, беспомощного, в лесу. Но накипело!

- Слушай, да раскрути ты его за хвост - и ко мне! - посоветовала местная кикимора, выглянувшая из ближайшего болотца на шум. И похотливо улыбнулась, показывая кривоватые желтые зубки.

- Не искушай! - ответил я ей. - Или ты думаешь, я и сам давным-давно не мечтаю о том, чтобы этот полосатый куль в болотце макнуть?

- Ну так за чем дело встало? - кикимора хищно потерла ладошки.

- За его бабкой, - вздохнул я. - Ты ж его тут загоняешь до полусмерти! А она потом за своего любимца голову мне свернет. Так что... полезай давай! - тяжело вздохнув, я снова подставил плечи притихшему Ваське. - Но помни, если хоть раз еще мяукнешь что-то против меня, то стряхну без всякого предупреждения.

Васька залез. И ни звука не издал, уносимый мною под алчным взглядом нимфоманки-кикиморы. Разве что хвостом меня периодически стегал по спине, но это у котов непроизвольно выходит, поэтому я на этот счет не высказывался. Хотя и задумался. Судя по Васькиному хвосту, сам он сейчас был в крайне раздраженном состоянии. Я, честно сказать, тоже, и в основном из-за него. Так что невольно возникал вопрос: а как долго мы еще сможем выносить друг друга? И не сорвет ли нас внезапно обоих, после чего придется об этом долго жалеть? Не говоря уж о том, что в предстоящих делах Васька, изнеженный баловень жизни, был мне не помощник. Наоборот, обуза, если вообще не помеха, с его-то характером. А кроме того, таскать его на себе было далеко не так приятно, как Аланаю. При воспоминании о девушке я только вздохнул. С нее мои мысли снова плавно перескочили на Ягу: как она там? Надо срочно спешить к ней для оценки текущей обстановки, резко изменившейся с того момента, как мы в последний раз виделись, и для совместного обсуждения дальнейшей стратегии. А я сам едва ковыляю да еще с котярой вожусь, дополнительно теряя драгоценное время! Тут Васька снова начал тихонечко поднывать, еще больше обостряя мое желание избавиться от него как можно скорее. Самым простым решением (и, признаюсь, самым моим большим желанием) было раскрутить его за хвост, как мне кикимора советовала, да закинуть куда подальше. Но совесть мне не позволяла так с ним поступить, с избитым, тем более что он и в здоровом-то виде мало к чему был приспособлен в этой жизни. Кроме своей основной специальности - каллиграфического переписывания старинных фолиантов - он умел лишь жрать то, что под самый нос поднесут, дрыхнуть на печке да за кошками бегать. Поэтому я активно начал размышлять на тему, где бы мне найти для Васьки пристанище до тех пор, пока Яга его оттуда не заберет, чтобы снова начать с ним нянчиться. Самый оптимальный вариант напрашивался: попросить для него гостеприимства у Кудлятины. Эта древняя, живущая на отшибе овечка обладала собственным чувством справедливости, не оглядываясь на закон, и если уж кого бралась под своей крышей приютить, то этот счастливчик мог себя чувствовать надежно, как в государственном сейфе. Потому что при необходимости эта белокурая худенькая старушка вставала за своего гостя горой, и пробить ее оборону было в таких случаях невозможно. Это не только я, другие тоже на себе испытали. Не знаю, в чем тут было дело. В уважении? Так ведь у нас и других стариков уважают, только от них все-таки бывает возможно чего-то добиться, а от Кудлятины - нет! Как от бетонной стены - проезда! Была в ней какая-то особая сила! Я сам видел, как этот сухонький одуванчик однажды разогнал драку ни много, ни мало - кабанов и медведей! С помощью обычной жерди из плетня. И драчуны, мгновенно остыв, бежали от Кудлятины так, как ни от кого другого в жизни не бегали! Я, вызванный на драку, не успел из служебной машины выйти, как на поле битвы одна только старушка и осталась! Тощенькая, как та жердь, только раза в три короче. Может, в том и есть ее секрет, что ни у кого рука не поднимается, чтобы ей ответить? Но нет, наш Стрек, скандально известный сохатый, не раз уже выдавший камеру изнутри за причинение тяжких телесных, любого пнет, не задумываясь! А между тем, старушка при мне совершенно безнаказанно таскала его за ухо! Так что и Ваську отстоит, если только я сумею ее убедить, что он достоин находиться под ее крышей. Одного раненого и разыскиваемого барса она, например, две недели у себя укрывала. И как раз с моей подачи, потому что в том деле я утратил веру в незыблемость закона и в то, что он всегда на стороне справедливости. Тут тоже все зависело не от того, какие слухи про нас с Васькой до нее уже успели дойти, а от того,

как она сама на наше дело взглянет. В общем, если уж к кому идти за помощью, то в первую очередь к ней! Только была тут одна загвоздка: одет я для такого визита был неподходяще! Самой-то старушке, я думаю, было бы глубоко до лампочки, если б я к ней заявился не то что в своей набедренной повязке из половинки старого сарафана, а и вовсе без нее. Но я прекрасно знал, что под ее крышей всегда находят убежище как минимум два-три нарушителя закона, от драчунов до контрабандистов. Помня о заслугах Кудлятины и о той помощи, которую она мне когда-то оказала, я считал возможным закрывать на это глаза. Но вот появиться перед этим контингентом в чем попало я уже не мог. Не по понятиям было, если бы они увидели меня, представителя закона, да хоть без каких-то штанов. Пусть даже самых захудалых! Нет, в этом случае штаны мне были необходимы, как воздух, если только я не собирался навечно лишиться какого бы то ни было авторитета в бандитской среде. А этого я никак не мог допустить, учитывая, что мне с этими гражданами в будущем еще предстояло бороться. Так что, если я Ваську действительно хотел пристроить в добрые руки, то у меня оставалось всего два варианта: либо найти в этом лесу чудо-дерево, на котором штаны растут, либо... и до чего только жизнь порою не доведет!.. совершить настоящее ограбление! Да-да! Я, участковый, призванный закон охранять, сейчас сам должен был его преступить! Честно говоря, далеко уже не в первый раз, но раньше все было по мелочи. А теперь мне предстояло осуществить насильственный отъем личного имущества у какого-то честного гражданина! При одной этой мысли что-то неприятно царапнуло меня изнутри, прямо по тому месту, где у меня совесть, должно быть, располагалась. Но деваться мне было некуда! Я должен был спешить на помощь Яге! А главное, если Васька меня еще раз так когтями полоснет, как уже дважды делал, я точно больше не выдержу и шею ему сверну! А это будет уже гораздо худшее преступление, чем грабеж! Поэтому я мысленно ответил своему внутреннему поскребышу, что из двух зол надо меньшее выбирать. А потом, уже не довольствуясь одним только выбранным направлением пути, я начал активно вспоминать карту местности. Где мы сейчас находились? И как далеко можем быть от ближайшего населенного пункта либо дороги? Если до этого я предпочитал избегать людных мест, то теперь настало самое время, чтобы подкорректировать наш с Васькой маршрут.

Васька, разумеется, оказался против моих планов. Не потому, что ему они чем-то конкретно не понравились, а потому, что я их, видите ли, со своим наездником не обсудил! И после того, как я решительно оборвал все его звуковые претензии, предложив ему спешиться, чтобы он мог дальше выбирать путь по своему усмотрению, этот паршивец всю оставшуюся часть пути стегал меня хвостом с удвоенной силой. Между прочим, по свежим и глубоким царапинам, которые были и сверху, и снизу, короче, везде! Так что когда впереди забрезжил просвет, указывающий на то, что там должна находиться дорога, я обрадовался ему, почти как приближающемуся празднику! С огромным облегчением свалил полосатый мешок с гов... Ваську, короче... со своей спины под ближайший куст, а сам направился в разведку.

Разведка показала, что мне повезло. Дорога была проселочная, не многолюдный тракт. С одной стороны, мне, как беглому преступнику, такая как раз вполне подходила для задуманного противоправного действия. С другой стороны, на подобной дороге я мог дожидаться появления своей жертвы полдня, если не больше. Однако как только я выглянул, так сразу услышал далекое тарахтение и скрип колес, позволившие мне понять, что в нашу с Васькой сторону по дороге движется мотороллер. Тут я, не слишком опытный в совершении злодеяний, спохватился, что мне для ограбления какое-то оружие нужно, хотя бы дубина какая, потому что голыми руками могу свою жертву не убедить, а корочки участкового тут точно не прокатали бы, даже если бы я не оставил их у Рара в кабинете вместе с табельным оружием. Слушая постепенно усиливающийся шум движка, я в панике принялся обыскивать окружающую местность. Нашел крепкий сук вполне себе грозного вида. И не успел еще облегченно вздохнуть, что все, к предстоящей работе готов, как Вася, чтоб его, подал из своего укрытия голос:

- Рожу свою прикрыть не забудь, разбойничек!

- Тудыть твою! Ты что, раньше мне об этом напомнить не мог?! - взревел я, слыша, что движок тарахтит уже где-то рядом. - Быстро давай мне свой пояс... то есть, чулок!

Судя по виду, Васька собрался пререкаться со мной, но, натолкнувшись на мой грозный взгляд (я уже вошел в роль грабителя), принялся торопливо развязывать опоясывающий его чулок, чтобы я мог надеть оный на голову. Повозился несколько томительных секунд,

ПОТОМ ВЗВЫЛ:

- Не развязывается! Узел затянулся!

- Да твою дивизию! – рявкнул я. Мотороллер был уже настолько близко, что виднелся сквозь ветки. Вот-вот проедет мимо! Догонять потом – несолидно, если вообще удастся догнать! А кого другого на этой дороге поди дождишь еще, когда он появится!

Не имея времени на раздумье, я сорвал с себя свой собственный чулок-поясок, и, уже всовывая в него голову, спохватился, что стоило бы предварительно проделать в нем дырки для глаз! Но времени уже вовсе не оставалось! Пора было срочно вываливаться на дорогу! На мое счастье, чулки, как я уже упоминал, были дырявыми, благодаря чему один глаз все-таки получил необходимую для обзора прореху. Вторым я тоже кое-что улавливал сквозь изношенную истончившуюся ткань. Так что решил, что в такой экипировке вполне можно действовать, и, ломая ветки кустов, кинулся прямо мотороллеру под колеса.

- Кошелек или жизнь! – проорал я первое, что пришло мне на ум, после того как водитель еле успел затормозить у меня перед носом. Потом, опомнившись, поправился: – То есть, не кошелек, а штаны!

Но жертва моего ограбления, незнакомый мне пожилой кабан, вместо того, чтобы сразу начать раздеваться, замер с выпученными глазами, хватая ртом воздух. Я, сделав скидку на его возраст, запоздало начал опасаться, как бы его удар не хватил от испуга и неожиданности. Не хватало мне еще, в придачу к ограблению, повесить на свою совесть причинение тяжкого вреда здоровью, если вообще не убийство! Но не успел я толком оценить возможные последствия своего злодеяния, как моя набедренная повязка из сарафана, лишенная пояска, да еще и вместе со мной только что продравшаяся через кусты, решила, что с нее хватит, и, скользнув по бедрам, рухнула вниз. Я даже не успел ее подхватить! Да и нечем было! Ведь одной рукой я сжимал дубину, а другой рукой сползающий чулок на голове придерживал, чтобы дырка находилась точно на уровне глаза. Ни оружия, ни обзора лишаться мне не хотелось! Так что я решил, что, раз кабан все равно уже увидел, что только можно, то терять мне все равно больше нечего. И, не меняя положения, снова повторил, как можно суровее:

- Штаны или жизнь! Давай, выбирай по-быстрому!.. Да чтоб тебя! – я испугался не на шутку, увидев, как кабан начал сползать с мотороллера на землю: только мне его сердечного приступа тут не хватало для полного счастья! А то и инсульта вообще! – Тебе что, плохо?!

- Ой, не могу! – прохрюкал он в ответ, корчась посреди дороги. Тут только я понял, что с сердцем у его все в порядке, просто от смеха такая истерика, что как бы он тут мне мои штаны не испортил, прежде чем успеет их отдать! Я был в полной растерянности! Что делать? Самому раздевать невменяемого кабана? Или дожидаться, пока он, наконец, проржется, а дальше уже действовать по обстоятельствам? Тут я, до кучи, поймал свое отражение в солнечных батареях его мотороллера и сам чуть не сполз на дорогу! Да, попадись мне где-нибудь такое вот чучело, бесштанное, одноглазое, со свисающими на грудь излишками чулка, удачно прикрывающими бабкины амулеты, и держащее при этом себя одной рукой за макушку, я бы загнул в корчах! Но поскольку это я и был, да еще за работой, то пришлось усилием воли взять себя в руки, чтобы не составить компанию кабану. Оказывается, не такое уж это простое да легкое ремесло – грабеж! А я раньше пойманных мною грабителей бездельниками считал! Теперь буду аккуратнее в своих выводах! Нервная это профессия, даже очень! Но прибыльная! В этом я сумел убедиться, когда кабан, начав понемногу в себя приходить, прямо с земли протянул мне свой кошелек со словами:

- Держи! За такой концерт ничего не жалко! Я уж лет двадцать так не смеялся!

- На здоровье! – ответил я, тупо таращась на предлагаемый мне предмет. Потом поинтересовался: – А что я с твоим кошельком делать-то буду? Купюрами обвешаюсь? Нет, не нужны мне твои деньги! Штаны отдавай! Не хотелось бы тебя раздевать, да у меня безвыходное положение.

- Вижу! – кабан снова бессовестно заржал. Правда, в этот раз быстрее успокоился. Как я подозреваю, просто потому, что больше сил на смех не осталось. Все еще продолжая

всхлипывать, он наконец-то поднялся и, даже не пытаясь раздеться, кое-как взгромоздился обратно на мотороллер. Потом предложил: – Возьми спецовку. Вон, комбез на облучке у меня валяется! И прими совет: по замужним бабам лучше не шастать! А то, неровен час, со своими талантами у очередной жертвы ограбления жизнь отнимешь, прежде чем она тебе что-то из вещей успеет отдать! Это ж сколько здоровья-то надо, чтоб твое представление выдержать?!

– В следующий раз аккуратнее буду, – пообещал я, провожая мрачным взглядом двинувшийся прочь мотороллер. И долго еще из-за поворота, перекрывая шум движка, до меня периодически доносился хохот его водителя.

Васька, подлец, тоже безудержно ржал, сумев отследить весь процесс ограбления в просветы между кустами.

– Чисто сработано, Трой! С почином тебя!

– Если ты хоть раз в жизни кому-нибудь заикнешься о том, что сейчас было, я тебе собственноручно хвост оторву! И все, что рядом болтается, тоже! – добавил я, рассудив, что одного лишь хвоста в таком случае окажется недостаточно.

– Ну что ты! – с такой фальшивой искренностью заверил Васька, что я сразу понял: если бы не мое предупреждение, он бы уже завтра повсюду слушателей выискивал, как легендарные бродячие сказители. Но теперь пусть решает, что ему дороже: слава сказочника либо хвост с прочими элементами. Ибо ходьбу по слушателям и по кошкам совмещать не получится! Я не поленился еще раз донести до Васьки эту истину, после чего принялся надевать добытый комбез. По росту он мне был даже слегка коротковат, зато по ширине почти в два обхвата, но привередничать не приходилось, так что я подвязал одежду все тем же чулком. И, одернув ее под завистливым Васькиным взглядом, подытожил:

– Все! Теперь и к Кудлятине можно идти! Пусть хоть ноги сточу до костей, но мы должны быть у нее, самое позднее, к полуночи!

Гостей в этот день у старенькой белокурой овечки собралось аж семь душ! И все они, несмотря на поздний час, еще не спали на сеновале. Но, к моему облегчению, ни одной знакомой мне физиономии среди них не оказалось! Это избавляло от изрядного напряжения как прочих гостей Кудлятины, так и меня самого. Можно было ни с кем не объясняться и ни на кого не коситься, ловя такие же косые взгляды в ответ, а просто инкогнито посидеть за общим столом над выданной хозяйкой миской похлебки. Кудлятина каждого так встречала: ни слова не говоря, наливала в миску похлебку, простенькую, но густую и сытную, и ставила вам на стол возле свободного стула. А вы, поев, либо благодарили и уходили прочь, либо сами потом должны были с хозяйкой заговорить о своей проблеме. Я, конечно же, выбрал последнее. Расправившись с потрясающе вкусной похлебкой в рекордно короткие сроки, вышел со старушкой в соседнюю комнату и сразу приступил к делу:

- Тетя Кудя, мне бы Ваську оставить у вас на несколько дней.

- Только Ваську? А сам-то куда пойдешь? - старушка явно уже была наслышана о моих злоключениях. Впрочем, я бы удивился, если бы было иначе.

- В свой поселок! Попытаюсь пробиться к Яге, ее у меня дома сейчас обложили со всех сторон. А потом, если у нее других планов не будет, я заставлю, чтобы население меня выслушало! Я не убийца и не преступник какой! И если уж Лакнаф, подлый клеветник, может свою версию произошедшего на всех углах оглашать, то почему я не могу поднять голос в свою защиту, чтобы рассказать, как все было на самом деле! Ведь... - тут я попытался выложить овечке те подробности, о которых она могла сейчас узнать только от меня одного. Но она, наслушавшись стремительно разлетающихся сплетен, уже успела сделать из них свои собственные выводы. Надо сказать, от истины совсем не далекие, так что вместо долгого рассказа мне осталось лишь кое-что уточнить, ответив на несколько вопросов этой мудрой и проницательной женщины.

- Я ни минуты не сомневалась в том, что Ляшку убил не ты, - заверила она меня. - Ваську оставляй, потому что с таким попутчиком только неприятности собирать. А вот что до твоего плана, то он негоден! Твое появление только взбудоражит тех, кто сейчас просто караулит Ягу, и может их вынудить пойти на штурм, особенно если они перед тем в кабаке вдохнутся. К тому же, как я слышала, из города вызвана группа захвата, это тоже по твою душу. Если они Ягу тоже попытаются захватить, то одна-то она еще сможет улизнуть, а вот ты ей станешь обузой, и вдвоем у вас будет меньше шансов.

Группа захвата! Эта новость очень неприятно меня кольнула. Это ж каким монстром меня надо было выставить, чтоб такие силы задействовать для моего задержания?! Только бы до мамы эти новости не дошли! Батя-то переживет, у него нервы луженые. А вот мама... ну за что мы ей такие достались оба?!

- Да, спецназовцы - не толпа пьяных балбесов с жердями наперевес вместо огнестрельного оружия, - согласился я. - Если они меня найдут, мне не поздоровится. Ягу я своим появлением тоже дополнительно подставляю, вы правы. Но... что ж тогда делать-то?! Отсидеться где-то тоже не вариант. Мне надо вести расследование, потому что остальные, кажется, уже для себя все решили и вынесли мне свой приговор! А перед тем мне с Ягой все-таки надо увидеться! Пусть даже не за советом, а просто ее в истинное положение дел посвятить, потому что блюдечко у нее в последние дни барахлит, да и связь кто-то блокирует.

- Эх, мне б до Яги дойти! - выслушав меня, вздохнула Кудлятина. - Но стара я уже, чтоб тайком пробираться, косточки уж не те! А если в открытую пройду, то меня сразу же с тобой свяжут и поймут, где надо искать. Не тебя, так Ваську.

- Поймут! - согласился я. Все-таки есть еще в этой местности те, кто от меня не отвернулся и не поверил в распространяемую клевету! От этого даже как-то легче жить становилось! Но подставлять я их не должен. - Так что я все-таки сам пойду, и чем скорее отсюда уберусь, тем лучше будет, потому что у Жажилы нас уже искали. Вы только Ваську понадежнее спрячьте, ладно? А то ему за эти сутки столько досталось, сколько он за всю свою жизнь, наверное, не получал, поэтому весь сник и расклеился... и развонялся не на шутку! - уточнил я, не удержавшись.

- Разберусь! - пообещала бабулька. Потом постояла, задумчиво разглядывая меня, и позвала: - А ты пойдём со мной! Комбез у тебя хоть и старенький, но фирменный. В нём ты сойдёшь за странствующего монтера-консультанта, надо только к нему приличный поясок подобрать и дать тебе для солидности чемоданчик. Лицо твоё более серьёзных изменений потребует. Но мы справимся!

- Тетя Кудя, а вы раньше не в театре работали? - ахнул я часом позже, взглянув на себя в зеркало: это ж надо было так умудриться меня изменить! Всего-то подкорректировав тон волос, сделав макияжем несколько штрихов на лице, по бровям краской мазнув да приклеив мне усы с бородой! И не абы какие, а даже с претензией на определенный стиль! Да я сам себя в зеркале не узнавал!

- Жизнь - лучший театр! - между тем ответила мне старушка. - Так что теперь можешь спокойно идти в свой поселок. За бороду можешь не бояться, клей её три дня надёжно будет держать, даже если нырять в неё придется. Но через три дня она отвалится, когда твоя собственная растительность на лице начнет всерьез клеевой слой отторгать.

- Запомню! - я не удержался и обнял старушку. - Спасибо вам за все! В том числе и за обувь! - добавил я, гадая, кого же ей ради этого пришлось разуть. Потом взял чемоданчик, открыл входную дверь и, попрощавшись в последний раз на пороге, исчез в темноте.

Хорошо, что предыдущей ночью я то ли умирал, то ли пытался выжить, но главное - выспался! Потому что эта ночь для меня стала бессонной. До моего поселка оставалось немного, максимум часа два пешком да хорошим шагом. Поэтому я отверг предложенную мне Кудлятиной тележку-самоходку, тарахтящую в ночной тишине, чтобы в случае непредвиденных обстоятельств меня ни в коем случае не связали с её хозяйкой. А главное, в пешем пути у меня была возможность подумать! Шагая налегке (ах, какое это было счастье - всем недовольного кота на спине не тащить!), я пытался наметить план своих действий после прибытия в поселок. Оставался открытым вопрос: кто мог выманить Ляшку так далеко от дома? Сама бы она в такую даль без причины не потащилась, я её знал. На Стена даже плюнуть бы побрезговала, не то что за ним куда-то идти, так что не он её сманил, это точно. Лакнаф самолично вряд ли поперся бы на чужую территорию только ради того, чтобы позвать оттуда пьяную бабу. Её ведь еще надо было найти! Пусть даже и по лоскутикам, но поди, вычисли сразу, дошла ли она уже до кондиции и откуда начала их развешивать. А для Лакнафа это был дополнительный риск засветиться не там, где надо... Так что, выходит, у Ляшки и впрямь был любовник в Веселовке? Или у нас в поселке тоже живет какой-то колдунский пособник? Но почему тогда колдун, не сумев отыскать волков, обратился за помощью не к нему, а к Тарюше?..

- Эй, стой! - вдруг окликнули меня, прерывая все мои мысли.

- Стою, - я так задумался, что совершенно забыл про возможные засады и ночные патрули на подступах к родному поселку. Судя по тому, что я недавно видел в зеркале, опасаться мне было нечего, а для пущей моей неузнаваемости надо было лишь голос чуть-чуть изменить. - Вы кто? Грабители?

- Нет, мы честные граждане.

Ага, честные! Вы кому-нибудь другому такие сказки рассказывайте, только не мне! Я сумел высмотреть в темноте хорошо мне знакомые рожи трех гуманоидов. Лап, Гик и Форс! Драки, мелкие мошенничества, многочисленные приводы за хулиганку! Я едва сдержался, чтобы, услышав из их уст заявление о честности, демонстративно не заржать им в ответ, в три их наглые хари!

- А ты кто и откуда? - спросил меня Форс.

- Компания «Сетевые коммуникации», - я ткнул себя пальцем в вылинявшую надпись на добытом комбезе. - Налаживание трансляций, консультации по аппаратуре.

- Шел бы ты отсюда подальше, не до твоих сетей тут сейчас!

- Пошел бы, да сил больше нет! Мне б тут снять уголок, чтобы поспать пустили.

- В чистом поле спокойнее будет, - сплюнув, ответил Лап. - А то у нас в поселке *такое* творится!

- А что именно? - спросил я с совершенно искренним интересом.

Спросил не зря! Потому что и часа не прошло, как нашедшая свежего и благодарного слушателя тройца обогатила меня новостями тома на два уголовного дела! Нет, точнее, на второй том я сам обогатился, высмотрев в кустах бочонок, спертый тройцей под шумок из чьего-то погреба. Судя по запаху - с засоленными орехами молочного дерева, весьма дорогим и уважаемым в народе деликатесом. Они его наверняка катили, чтобы где-то загнать, а доблестный патруль при исполнении начали изображать лишь после того, как я им на дороге попался. Ну что ж! Если всемогущий Перун меня не оставит своей милостью, я вернусь на прежнее место работы, и будьте уверены, ребята, что про этот бочонок я вам еще напомню! Особенно после того, как вы меня в своем рассказе такой кровожадной нечистью выписали! Ну да, у мелких аферистов, как эти, фантазия должна хорошо работать. Но не настолько же! Слушая их, я сам себе поражаюсь. Вот это я успел натворить! На целую банду бы хватило, на многие годы бесчинств! Я постарался не принимать этот рассказ близко к сердцу, чтобы, неровен час, духом не пасть, Но выслушал его все же внимательно, до конца, потому что проскальзывала в нем и кое-какая полезная для меня информация. Например, о том, что вызванная из района группа захвата до сих пор не прибыла, потому что к районному центру движется циклон, погода нелетная, и воякам пришлось добираться наземным транспортом. Но завтра их уже ждут, поэтому ведутся мои активные поиски. Чтобы, значит, было, кого захватывать! Кроме того, я с удивлением узнал, что Яга, дабы подкрепить свои оборонительные позиции, захватила заложницу и теперь ее в моем доме удерживает! Ну, это уж совсем ни в какие рамки не лезло и было на Ягу совсем не похоже. Но на нее эти мелкие жулики не стали бы так откровенно и охотно клеветать, как на меня. Во-первых, остереглись бы лишний раз задевать колдунью, а во-вторых, ко мне у них личная неприязнь, и это порой вдохновляет, а вот к Яге у них особых претензий быть не должно. Значит, зерно правды в этой информации должно присутствовать. Я решил, что на месте все уточню. Только бы до того места добраться! Сама не ведая, с кем общается, тройца расписала мне, что мой дом обложен со всех сторон, а главное, увлекшись, они не забыли уточнить, как именно это сделано. Из чего я заключил, что смогу пробраться внутрь незамеченным. Так что медлить не стал, распрощался с этими жуликами и смело вошел в поселок. Прошел через него, не таясь - пусть попробуют узнать! И только уже на подступах к собственному дому постарался слиться с тенями разросшихся кустов. Зная, где располагаются, так сказать, блок-посты, я прополз мимо одного из них. Медленно, чтобы не шуметь, а заодно получить дополнительную информацию, поскольку осаждающие, дабы не уснуть, довольно громко болтали между собой. Оказалось, что наиболее воинственные сельчане, желая побыстрее добраться до Яги, еще этим вечером хотели идти на штурм! Но их остановило наличие той самой заложницы, о которой я уже слышал. А кроме того - тот факт, что жилище мое было не личным, а служебным, и, следовательно, те герои, которые собирались его «по бревнышку разобрать», впоследствии должны были бы возместить причиненный урон государству. А так как ломать у нас в поселке любят гораздо больше, чем платить за ущерб, то инициатива по захвату дома заглохла на корню. И теперь караульные следили только за тем, чтобы Яга куда-нибудь оттуда не делась. Наивные! Или просто ни разу не видевшие ее в настоящем деле. Да если бы она захотела, то могла бы и серой тенью мимо них проскользнуть! И до сих пор не сделала этого, наверное, лишь потому, что после этого деваться все равно будет некуда. Изба-то вне закона и, в отличие от моего служебного жилища, не охраняется казенным статусом. Поэтому ее загоняют до изнеможения и точно попытаются разобрать, если только узнают, что туда хозяйка вернулась. А в моем доме у Яги относительный покой, хоть какая-то крыша над головой да стены впридачу. А еще есть диван, ванная и прочие удобства под боком. Кто ж от всего этого откажется без веской причины? Избушка же пусть отсиживается у Жажилы в одиночку. Если захочет там оставаться, конечно. Потому как если нет, то он ее никакими силами не удержит. Даже если привяжет ее за ногу, она сядет и тут же примется распутывать узелок. И больше уж лешака к себе не подпустит! Знаем, все это уже проходили. И курьими когтями, грозным оружием избы, полюбоваться довелось. Против таких только бабка может воевать в одиночку, другим не дано... Думая об этом, я незаметно, по-пластунски, прополз весь двор. Ведь спецов в группу захвата и прочие особые войска набирали именно из моей академии, так что я тоже успел там кое-чему научиться. Охранники продолжали болтать и даже ухом в мою сторону не повели, а я уже был возле отдушины, ведущей в кладовую.

Мой дом, в отличие от бабкиной избы, всегда оставался на месте. Фундамент в нем не был укреплен регулярными физическими упражнениями, а оттого отдушина давно по краям крошилась, постепенно превращаясь в хороших размеров лаз. Который давно пора было подштукатурить, да только избе достался в хозяева шалопай, до сих пор не собравшийся это сделать. Теперь оставалось этому только порадоваться. Чуть приподнявшись над землей, я примерился к лазу. Главное, чтоб плечи прошли!

- Эй, гляньте, чего это там копошится? - донесся до меня голос одного из горе-охранников, но я уже был внутри. Успел прижать к стене один потревоженный мною штабель из мешков, набитых пустыми бутылками... второй, тоже готовый завалиться... Да, посуду еще полгода назад пора было вывезти! Или умерить потребление алкоголя в домашних условиях. Но зато, подумал я с гордостью, ни один чужак не смог бы проникнуть через кладовку незамеченным. Мне же, проявившему чудеса эквилибристики, это все-таки удалось. Потому что я знал, что и какой ногой надо было подпирать в первую очередь - небось, не в первый раз оказывался в такой ситуации, когда меня могло мешками завалить, так что успел свои действия отработать. Распихав мешки, чтобы они приняли относительно устойчивое положение, я открыл дверь кладовки, желая как можно скорее оказаться в каком-нибудь более просторном и подходящем для жизни помещении. И, не ожидая подвоха, едва не растянулся на полу, сразу возле косяка перехваченный довольно неплохим захватом за руку с сопутствующей подножкой. Но полученная мною когда-то выучка сработала автоматически. Я извернулся, возвращая себе равновесие, и тут же провел контрприем. Места было мало, шуметь не хотелось, так что атаковавший меня паршивец не улетел в конец коридора, на встречу со стеной, а просто оказался захвачен мною, без возможности барахтаться дальше: руки вдоль тела, а сам стиснут на той стадии, за которой уже следует сплющивание. Теперь оставалось только выяснить, что за добыча попала мне в руки. На ощупь это была явно не Яга, да та на такие глупые мальчишечьи игры и не стала бы размениваться, вместо этого по-простому пульсарчиком в глаз зарядив незваному гостю. Но тут меня в темечко клюнула вполне логичная мысль: а кто тогда это, если, кроме Яги, больше тут быть некому? Обычно я в прихожей держу включенным небольшой ночничок, на случай всяких непредвиденных загибов в маршруте. Сейчас он тоже горел. Поэтому я, чуть ослабив хватку, приподнял своего несостоявшегося победителя пальцем за подбородок и развернул к свету, желая изучить его внешние данные.

- Аланая?! Ты как здесь оказалась?! - вырвалось из меня мгновением позже.

- Трой?! - изумленно воскликнула она. - Это ты?!

- Я, - тут только мне вспомнилось, что на себя я сейчас мало похож, разве что голосом. Так что пояснил: - Пришлось загримироваться, чтобы пробраться к Яге. Где она, кстати? И что здесь делаешь ты?

- Я бабушкина заложница, - заявила мне девушка. - Когда по поселку поползли эти гадкие слухи, да потом еще и на избушку напала толпа, я тут же поняла, что плохи дела, а бабушке туго придется. И сразу сюда прибежала. Хотелось про тебя правду узнать и помочь, чем смогу. Бабушка как раз тут к обороне готовилась, вот я ей и предложила, чтобы зря не тратить лишние силы, меня в заложницы взять. Иногда подбираюсь к окошку так, чтобы меня снаружи никто не заметил, и громко причитаю о том, чтобы они только не вздумали дом штурмовать! Потому что мне в этом случае конец, а пожить еще очень хочется! Пока, как видишь, действует! А тебя я за их лазутчика приняла! Сумевшего как-то пробраться через бабушкин охранный контур!

- А сама-то эта бабушка где? - поинтересовался я после того, как отдышался после упоминания о контуре. Аланая слишком мало знала о бабкиных талантах, допуская мысль, что ее контур кто-то мог бы пересечь без позволения! Зато я знал! И оставалось только порадоваться, что на меня это колдовство не распространилось. Иначе я бы запросто мог либо вылететь отсюда, как пробка, впечатавшись в кордон под моим забором, либо в какую-нибудь хрень превратиться, от которой эти охраннички сами бы в ужасе разбежались!

- Бабушка пару часов назад улетела в разведку. На своей метле, через твою трубу.

Ругалась на тебя очень! Потому что труба мало того, что узкая, так еще и нечищена.

- Ну да! У меня ж это всего лишь труба, а не взлетная полоса! - тут я вдруг осознал, что одной рукой все еще крепко прижимаю Алану к себе, да еще и разговариваю с ней, глядя ей в лицо с непозволительно близкого расстояния. А между тем, нравы у нас в стране царили строгие, особенно среди высокопоставленных семей. Я не знал, дочь чьих родителей была Аланка, но зато знал, что батя на стал бы мне выбирать невесту где-то еще, кроме как в своем кругу. Так что ее предки были не ниже генеральского чина. Из уважения к ним и к девушке я аккуратно ослабил свой захват и выпустил ее. Старательно делая вид, что все идет как надо, и что я не должен был отпустить ее еще не знаю, сколько времени назад. Впрочем, об этом ли теперь печалиться? Когда у нас куча других проблем, и, главное, после нашего недавнего вояжа, когда Аланка вообще висела у меня на плече? Она, похоже, придерживалась того же мнения, потому что даже и не подумала от меня отпрянуть. Вместо этого посмотрела мне в лицо снизу вверх и сказала:

- Так непривычно тебя видеть другим, не таким, какой ты есть! Хорошо, что хоть твои глаза остались прежними!

- Непривычно? - удивился я. - Это как же ты успела привыкнуть к моему облику? Мы ведь с тобой и знакомы-то всего ничего... - я безуспешно попытался сосчитать, сколько именно, но Аланка меня прервала, заявив:

- Успела, не сомневайся. За ту ночь, которую ты со мной здесь промаялся. Другой на твоём месте не стал бы так заботиться о пьянущей в хлам дуре, - тут Аланка привстала на цыпочки, и я ощутил, как ее нежные губки коснулись моей щеки, там, где растительности было поменьше наклеено. - Ты добрый и надежный человек, Трой.

- Просто у меня самого в этом деле слишком богатый опыт, - пробормотал я в ответ. - Поэтому я и отношусь с большим сочувствием к тем, кто тоже попал в эту шкуру.

- Спасибо, - тут я удостоился второго поцелуя. И спросил, чувствуя, что наше общение заворачивает куда-то не в то русло, в какое сейчас нужно:

- А ты, часом, не знаешь, куда именно полетела Яга?

- Да у нее много чего в планах было, в зависимости от обстоятельств. Сказала, прилетит - расскажет. А я пока видимость создаю, что она все еще здесь, - вспомнив о своих обязанностях, Аланка тихонько прокралась к окну и выдала слезным голосом несколько фраз о своей молодой жизни, висящей на волоске, после чего снова вернулась ко мне. Мы с ней сели на диванчик в гостиной, развернувшись друг к другу. Девчонка явно была настроена по-боевому, решив помогать нам с Ягой до победного конца. Выглядела такой серьезной, такой решительной, что я даже не удержался от того, чтобы улыбнуться.

- Ты чего? - тут же спросила она. Быстро провела рукой по волосам, проверила застёжки на кофточке.

- Да все с тобой в порядке, - заверил я. - Просто вид такого бравого вояки не может не внушать оптимизма его союзникам.

- Насмехаешься? - Аланка нахмурилась было, но потом расправила свои красивые бровки, мотнув головой: - Зря ты так! Пусть я и девчонка, но тоже кое-на-что способна! Так что вполне могу быть полезной не только как заложница! Ты, кстати, первый мальчишка, которому удалось вырваться из моего захвата с подножкой!

- Потому что я не мальчишка давно, - я мог бы ей рассказать, как она рисковала, пытаюсь отработать свои приемы на ничего не подозревавшем мне. Потому что я, не зная, кто мой противник, был способен и куда более жестко отреагировать. Хорошо, что шуметь не захотел. Но я не стал ей ничего говорить, потому что она и так вдруг отчего-то смутилась, залившись краской до самых корней волос. Отвернулась от меня, принявшись разглядывать цветочки, принесенные сюда ею же самой.

- Кстати, о цветочках, - заметил я. - Спасибо тебе большое, но забрала бы ты их отсюда, как только появится такая возможность. Сдохнут они у меня. А жаль! Цветочки красивые.

- Ну так не дай им сдохнуть! Для этого много не надо, они неприхотливые.

- У такого раздолбая, как я, никакие не выживут.

- У раздолбая? – девчонка быстро развернулась и взглянула мне в глаза.

- Ну да. Или, – спохватился я, – ты думаешь, в этом поселке один Павлик такой? Ничуть не бывало, нас тут целая компания собралась!

- Перестань! – взвилась Аланая. – Даже не упоминай мне тут про этого Павлика!

- Хорошо, не буду, – согласился я. – Да только суть дела от этого не меняется, и я, даже без сравнения с ним, лучше не становлюсь.

- А тебе и не надо становиться лучше. Потому что ты и так... – выдохнула она. Взглянула на меня исподлобья, словно на что-то решаясь, но тут в трубе зашелестела сажка, так и не дав мне дочитать до конца этот весьма приятный абзац моей жизни.

- Уши заткни! – быстро скомандовал я девушке. Как я сильно подозревал, отношение ко мне Аланай, явно пристрастное, было сформировано не без того, что Яга ей тут нашептала в мое отсутствие. Если бы это было в моих возможностях, я бы все эти разговорчики пресек на корню, однако чего было не дано, того не дано. Но вот тех словечек, что польются сейчас от «дамы Яги», дважды прочистившей мне трубу своей метлой и прической, приличной девушке из хорошей семьи точно слышать не следовало!

Яга не обманула моих ожиданий! Сразу меня узнав – что для колдуньи ее ранга какой-то там макияз?! – она сверкнула мне золотым клыком, показывая, как рада меня видеть. А потом все мне выложила. Все! Не только про печку, но и про нечищенные сковородки, и про нестиранные занавески, и про пылицу в углах, и про мою кладовку с пустыми бутылками. И все это – кратенько так (что наводило меня на мысль, что ей есть еще, о чем поговорить, кроме этого), но очень выразительно, периодически откидывая с чумазого лица обильно припудренный сажей локон. Я, глядя на это, как мог, старался сохранить серьезный вид и не заржать. Но, наверное, пару раз все же дрогнул лицом в наиболее забористых местах ее речи, сопровождаемых особенно энергичными жестами, потому что Яга вдруг умолкла, подозрительно уставившись на меня. Потом шепнула пару словечек себе под нос, и вся сажка, до единой крупинки, осыпалась с нее, сразу у ее ног собравшись в кучку, которую оставалось лишь смести на совок.

- Класс! – восхитился я, пока Аланая кинулась к венику. – И чего тогда возмущаться было? Если все дело можно было поправить простым заклинаньем?

- Беспорядок – да. А тебя вот, шалопая, никакими заклинаниями не исправить, – вздохнула Яга и даже метелкой на меня замахнулась. Правда, любовно так, не всерьез. Но все вместе дополнительно дало мне понять, что она пребывает в расстроенных чувствах, поскольку обычно она так на меня не нападала, сразу с метлой да еще и с критикой. С абсолютно бесполезной, что нам обоим прекрасно было известно.

- Что налетала, что выведала? – спросил я без обиняков.

- Многое, что тебе самому известно. Знала б я, что ты путь ко мне держишь, так дождалась бы тебя с вестями. Но узнала, что ты здесь, только после того, как ты уже влез, а охранный контур прислал мне сигнал. Я, как его получила, сразу повернула обратно. А так уж слишком мне было тревожно, вот и рванула наружу, в разведку, потому что блюдец помехи одни выдает. Успела до Жажилушки слетать. Не стала у него задерживаться, перекинулась только парой словечек. С ним все в порядке, отвадил он от себя ту толпу, что тебя там искала. Еще он успел мне шепнуть, что это Лакнаф тебя пытался травить. Вот уж кого я не подозревала!

- Я тоже не подозревал, пока не стало поздно. Спасибо твоей избе, иначе меня и в живых уже не было бы. Как хоть она?

- Изба снова по лесу пустилась бродить. Убежит, если что! Или, на худой конец, шалашом прикинется. Скучать только будет без меня и без Васьки... Но мы ей пока только обуза: с нами и бегать тяжелее, и маскироваться она не может с жильцами внутри.

- Васька пока у тети Куди остался, - сообщил я, не расписывая, чего мне стоило его туда притащить.

- Это хорошо, она его в обиду не даст, если что, - обрадовалась Яга. - Хотя я не думаю, что его станут слишком усиленно разыскивать. А вот тебя сам Лакнаф теперь по следам пытается отыскать, отдельно от всех остальных, с помощью амулета своего черного хозяина. Не дает им обоим покоя мысль, что ты мог остаться в живых, потому что тела твоего они так и не нашли, а знаешь ты достаточно много. И если тебя найдут не они, то ты много чего рассказать успеешь. Вот Лакнаф, едва рассвет забрезжил, уже рыскает по лесу, чтобы, по возможности, самолично найти тебя и добить, если потребуется. Ну, да теперь долго ему так бродить! Я новое обострение радикулита заработала, пока балансировала над ним, на незаметно зависшей метле, но зато так его поисковый амулет сверху перезакляла, что ты ему теперь за каждым кустом мерещиться будешь! Причем, воскресший! И очень злой.

- Да так ведь и с ума свести можно! - встревожился я.

- С ума сходят те, у кого он есть! - отрезала Яга. - А у этого ума не больше, чем совести! Эх, допросить бы мне его, да сейчас никаких условий для этого нет! Вот и пусть побеждает денек, потому что заклятье, как ни жаль, а только до завтра продержится.

- А Стен где? Это его помощник, мелкий такой, суетливый. Он с ним был? - спохватился я.

- Не знаю, где он может быть, да и не до него, потому что есть дела поважнее. Ты уже в курсе, что в наш поселок группа захвата вызвана? Хотят тебя сцапать живого. И тебя, и меня заодно, так как считают, что я должна была знать о совершаемых тобой преступлениях. Так вот, путь спецназовцев в наш поселок, моими стараниями, долг и извилист, но не бесконечен, потому что, по слухам, и магов они с собой прихватили из города. Так что, с колдовской-то помощью, рано или поздно они сюда все-таки доберутся и примутся операцию «захват» разворачивать. Поэтому, пока у нас время еще есть, давай-ка совещаться и решать, как будем справедливость восстанавливать! Ибо дело это нелегкое после всей той клеветы, что Лакнаф на нас навешал, а сочинил наверняка вообще не он, а колдун. А может, не только сочинил, но еще и написал липким словом, так что Лакнафу оставалось лишь строго по буквам весь этот текст зачитать, чтоб люди безоговорочно на его ложь повелись.

- Да славится великий Перун! - выдохнул я. И, видя недоумение Яги, пояснил: - Хорошо, если колдовство тут замешано! А то я уж было подумал, что мои сельчане сами собой так дружно на меня ополчились! Вопреки всем моим заслугам перед обществом и природному обаянию!

- Ой, дурак! - фыркнула Яга то ли раздраженно, то ли насмешливо. - Не об общественном мнении надо сейчас беспокоиться, а о том, что на него куда труднее повлиять в обратную сторону, если чары наложены! Это тебе еще повезло, что колдуняра отчего-то пока не смог собственноручно взяться за население. Он-то куда больше мог тут с людьми наворотить. Да то ли у него на это пока времени не было, то ли сообразил, что рожей для этого дела не вышел, и для начала послал вместо себя Лакнафа с клеветой. Но ведь вслед за Лакнафом и сам еще может взяться за дело. Вот потому я и говорю: давай решать, как будем действовать, пока время на обсуждение есть. Городских колдунов я на себя возьму, что бы они тут ни затеяли. Если получится, то попытаюсь их переубедить, что не на той стороне воюют. Ну, а поскольку они сразу меня слушать наверняка не станут, то прежде придется с ними в прятки поиграть! Поводить их за собой, заставить наткнуться на парочку переходных зон со следами пересечения. Может, после этого задумаются и станут сговорчивее? Если да, то можно будет уже и делом заняться. Они пусть свой спецназ придержат, чтобы те у меня под ногами не путались, а я, наконец, завершу установление параллели да возьмусь за выявление всей шайки колдуновских сообщников. Лакнафа не просто будет расколоть: на нем, как я успела заметить, чародейская защита стоит, хорошая, третьей-четвертой степени. Но я постараюсь справиться! Ну, а тебе тем временем главное - уцелеть! Помни, что в некоторых случаях даже мои амулеты не всемогущи!

- Пока действуют, - заверил я, отчего-то вспомнив не рубящий удар по голове и не попытку моего отравления, а то, как вредночая изба приближалась ко мне, топя со всей своей силой в попытке меня запугать. И жестоко разочаровалась в результате. Не

исключено, что как раз благодаря одному из амулетов, как раз тому, который я порывался вначале выбросить.

- А я и не говорю, что они действовать не должны! Однако ты и сам про осторожность не забывай после того, как мы покинем этот дом. А нам придется это сделать, потому что его наверняка слишком плотно обложат. И когда эта маленькая точка станет мишенью для приложения сил, как простых, так и магических, то тут уже и моя защита может проломиться. Так что лучше всего не дожидаться, когда это случится. С некоторыми лешаками я сумела договориться, они согласны нам помочь. Болотные кикиморы тоже в теме.

- И я, чем смогу, помочь постараюсь! - зажглась Аланая, слушая наш разговор.

- Ты, девонька, и так немало нам помогла, - ласково ответила ей Яга. - Поэтому мы с Тройчиком в лес, а ты, как освобожденная заложница, отправишься домой.

- Ну уж нет!

- А куда тогда? К кикиморам в компанию напрашиваться будешь? - поддел я ее, не удержавшись.

- Да я с ними согласна даже хороводы на болоте водить, все лучше, чем возвращаться себе и ждать, когда меня с этим уродом Павликом попытаются познакомить! - сама того не зная, вернула мне колючку девчонка. Пока я размышлял над вопросом, а не сообщить ли ей, что этого она может больше не опасаться и жить спокойно, как она вдруг воскликнула, глядя в окно: - Ой, смотрите! Вот они! Вот!!! - и заломила в отчаянии руки.

Да уж! «Вот они!»! Я замер на пару мгновений, глядя, как в неверном еще свете наступающего утра спецназовцы, словно с неба, спускаются ко мне во двор по тросам, со штормового десантного ковра-самолета, которому большинство грозových циклонов ни почем! Это что, я объявлен настолько опасным преступником, что ради меня такую технику задействовали?! Или просто сыскалось на складе подходящее оборудование? Случайность, которую даже Яга не могла предвидеть, особенно после того, как лишилась своего обзорного блюдечка.

- Так! Не паниковать! - оборвал я Аланаю. - Помни, что ты заложница! Тебя освободят и отпустят! Все будет в порядке.

- Да разве я за себя паникую?! - крикнула она, сжав кулачки. А потом, умница, кинулась под окно и закричала оттуда уже совсем другим голосом, адресуя крики на улицу: - Нет!!! Пожалуйста, не идите на штурм! Меня убьют! Я жить хочу! Не надо! Пожалуйста!!! - и почти без перехода зашептала нам с Ягой: - Бегите скорее! Я постараюсь задержать их, насколько смогу.

- Ты в трубу! Я через чердак постараюсь уйти, - быстро скомандовал я бабке. - Ну а там уж, с божьей помощью, решим, что делать дальше.

- Какой еще чердак?! Замри на месте! - тормознув меня, бабка витиевато и весьма болезненно чиркнула ногтем большого пальца мне по лбу: - Невидим будь! - после чего толкнула в прихожку. - Давай, беги обратно, как и пришел, через свой лаз! Тут пять магов вокруг, так что надолго заклинания не хватит! Но успеешь на улицу выбраться и смешаться с толпой.

Выбраться - это как раз то, что мне было нужно! Потому что дальше я все еще мог надеяться на свой грим. Так что я кинулся через кладовку, в последний момент успев заметить, как бабка седлат готовую к взлету метлу и превращается в тень. Этот черный ступок вырвался из трубы как раз в тот момент, когда я выкатился из своего лаза. Не поднимаясь, откатился как можно дальше, к поленнице. Потом скользнул между ней и крайним в ряду спецназовцем, после экстренной высадки застывшим, как и его товарищи, под неумолкающие отчаянные Аланаины крики. В другой ситуации у меня от таких и у самого бы сердце саднило. А сейчас я просто расцеловал бы девчонку за помощь! Прямо как она меня недавно, а может быть, и покрепче. С этими мыслями я и выскочил за забор. Смешался с толпой собравшихся, несмотря на ранний час, зрителей, вторым забором окруживших весь двор. И не успел пробраться через нее, как почувствовал, что начинаю проявляться. К счастью для меня, внимание всех присутствующих было направлено четко в одну сторону, на окна моего дома, где, по общему мнению, Яга продолжала угрожать заложнице. Так что на мой странный полупрозрачный вид никто даже внимания не обратил, и я обрел свой нормальный облик. После чего, действуя уже смелее, попытался выбраться из плотной толпы, что оказалось делом весьма непростым, поскольку маги приступили к работе, сканируя, что там происходит у меня в доме. Простые зрители мало что в этом понимали, но каждый считал своим долгом пододвинуться поближе к забору, сбиваясь в почти непреодолимую плотную массу. Передние ряды так стали напирать на забор, что бедняга аж затрещал. К счастью, выстоял, потому что крайний ряд спецназовцев начал отгонять любопытное население, отчего его плотность только усилилась. Мне было не то что не выбраться, а даже руки не поднять. А тут еще и маг во всеуслышание заявил:

- Да нет там никого, кроме девушки! Колдунья явно успела сбежать! Остается только гадать, когда именно она это сделала.

- Как так?! - часть моих односельчан ошетилилась лицами в обратную сторону и еще больше сгустилась, обыскивая взглядом улицу, как будто Яга по ней пустилась бы сдуру пешком.

- Да так! - заявил маг, что-то перепроверив на всякий случай. - Скорее всего, на заложницу просто наслан устрашающий морок! Вот она и бьется в панике, - он обратился к командиру отряда: - Пошлите пару своих ребят, пусть ее выведут.

Услышав такие слова, бойцы подались вперед всем отрядом, а не какой-то там парочкой.

Каждый из них жаждал стать героем, спасающим девушку, которая в данный момент все еще спасала меня, изображая истерику. А я все никак не мог выбраться из толпы, словно спрессовавшейся в единое целое! Потому что вежливо этого было никак не сделать, а невежливо был риск, что мне могут макияж на лице подпортить. Я же никак не мог этого допустить! Потому что, куда бы я ни посмотрел, всюду натыкался на хорошо мне знакомые лица, которые и мое лицо тоже прекрасно знали! Наверное, один только Бирс не пришел сегодня сюда, не решившись в столь смутное время оставить без присмотра свой магазин. Ну, и, вроде, еще Акима не было. Но этому нет нужды куда-то ходить самому, потому что публика, которая после пережитых событий повалит в кабак, все до него донесет в мельчайших подробностях, еще и красками сдобрив. А остальные все здесь были! Даже Лерож, в трауре, со всей приехавшей к нему родней. И если только кто-то из них сумеет меня сейчас опознать... От одной этой мысли я ощутил, как изнутри по мне проскальзывает нехороший такой холодок. Потому что самосуд – вещь очень быстрая, а толпа – самый страшный из всех известных миру убийц. Но тут brave бойцы вывели Аланаю на крыльцо, после чего принялись расчищать для нее дорогу со двора, отвлекая на себя все внимание окружающих, и мое в том числе. Признаюсь, я даже что-то вроде ревности испытал, глядя на то, как заботливо ее, закутанную в одеяло, чужие мужики придерживают за плечи. Забыв о том, что нужно удирать как можно скорее, я, наоборот, даже сделал пару шагов вперед... и очень некстати попался на глаза сержанту-спецназовцу. Его лица, скрытого балаклавой, я видеть не мог, но вот то, как у него блеснули глаза, очень мне не понравилось! Опомнившись, я попытался сдать назад. Однако сержант уже указывал на меня пальцем своим подчиненным:

– Ребята, придержите-ка этого субъекта! «Сетевые коммуникации»! Да этой компании уж года три как не существует! Так кто это тут разгуливает с ее логотипом? Мошенник? Или лазутчик?

Вояке, много лет получавшему новое обмундирование на складе взамен изношенного, даже в голову не пришло, что кто-то может просто донашивать старый, но еще крепкий фирменный комбез! Так что я толком опомниться не успел, как, подобно Аланае, оказался в компании двух спецназовцев, очень неделикатно, но зато эффективно продравшихся ко мне сквозь возмущенно ворчащих жителей. После чего эти двое стиснули меня с двух сторон, совсем не так нежно, как девушку, и вывели на свободное пространство.

– Ты кто такой? – спросил у меня сержант. Но, не дождавшись ответа, тут же обратился к моим односельчанам: – Кто-нибудь из вас его знает?

Те, к моему великому облегчению, в ответ дружно замотали головами, заявляя, что нет. Спасибо умелым ручкам старой овечки! Никто, кроме Аланаи, меня тут не смог узнать! Зато девушка резко побледнела, обнаружив, что я до сих пор не убежал и нахожусь гораздо ближе, чем ей бы хотелось. На какой-то миг во дворе повисла не очень хорошая тишина. Но, разрывая ее, из толпы вдруг раздался сдавленный смешок, а затем голос вездесущего барсука Табарума:

– Ой, да это же... Комбез «сетевых коммуникаций»... Да я вам сейчас такое про него расскажу!

Как выяснилось, зря я Ваське угрожал, заставляя помалкивать о совершенном мною ограблении! Потому что уж ограбленный кабан молчать-то не стал! Более того, создавалось впечатление, что он на каждом встречном дворе останавливался, дабы по пути народ своими рассказами повеселить! Разве что имени грабителя сообщить никому не мог! А в остальном расстарался не хуже, чем у Васьки бы получилось! Потому что когда Табарум только начал передавать услышанную от кабана историю, в народе начали раздаваться новые смешки, свидетельствующие о том, что не ему одному она уже известна! До других тоже успела долететь и сразу же вспомнилась во всем своем блеске! Обстановка вокруг меня моментально разрядилась, сменяясь нарастающим хохотом. Не смеялся, кажется, один только я. Ну, и Аланая еще крепилась, как могла, слушая повествование об «отважном» одноглазом «герое», вышедшем на большую дорогу грабить старого кабана на предмет одежды. С чулком на голове, с «вооооо такой» дубиной, да, помимо этого... гм... еще и с каким-то сучком в руке! Пунцовая девушка честно держалась, пока были силы! Но потом все-таки сдалась, за что мне было трудно ее судить. Однако зря я в тот момент думал, что хуже этого быть уже не может! Стало, когда местные охальники начали озвучивать причины, по которым голый герой мог

вывалиться из кустов, отважившись на грабеж. Их выводы звучали весьма логично, учитывая, что кабан успел рассмотреть глубокие царапины у меня на плечах. Оставленные, по общему мнению, какой-то горячей и страстной самочкой. И вот тут Аланая перестала смеяться! Замерла, устремив на меня такой взгляд, что я сразу ощутил себя... нет, даже не непутевым женихом, а уличенным в измене мужем. И что самое паршивое, меня это не оставило равнодушным, как будто я и впрямь был очень перед девушкой виноват. Вот так вот, на ровном месте! И ведь даже не оправдаешься, не заявишь во всеуслышание, что прошедшей ночью мне было точно не до амурных дел, на самом деле это Васька, мерзавец, мне плечи располосовал! И еще много чего, кроме них...

- Так что, это и в самом деле был ты? - спросил проржавшийся сержант, прерывая мою попытку объясниться с Аланей хотя бы при помощи глаз, если большего не дано. И, сам себе отвечая, заявил: - А вот, мы сейчас посмотрим! Ребята, расстегните ему комбез!

Вот за что я армию ненавижу - так это, не в последнюю очередь, за пренебрежение к личности и за стремление отдельных вояк повсюду демонстрировать свою грубую силу. На которую я, между прочим, мог бы вполне ощутимо сейчас ответить. Но не стал раздувать конфликт. В конце концов, никто не собирался меня раздевать догола, они всего лишь на мои исцарапанные плечи хотели взглянуть. И я им это позволил, не имея другого выбора. Хотя сразу понял, чем это для меня чревато. Впрочем, окажи я им сопротивление, они по самому моему участию в драке все равно бы поняли то, что мне бы хотелось от них скрыть. А так еще оставалась некоторая надежда, что не заметят... Но сержант так недобро прищурился, что я сразу понял: не прокатило! Даже сквозь царапины он все-таки сумел рассмотреть мою татуировку, тоненькой полоской синеющую под левой ключицей. Персональный номер, наносимый, как клеймо, каждому выходящему из стен военной академии, при условии, что он покидает ее не прежде времени и не ногами вперед. Теперь сержанту оставалось лишь прочесть эти цифры! Я задался вопросом: а успели ли ему сообщить номер разыскиваемого Павлова? Или он сейчас просто видит во мне отступника, не пожелавшего продолжить службу? Зацикленные служаки, вроде него, подобных мне всегда рассматривали как дезертиров. Как подлых предателей, улизнувших из общего строя.

- Выпускник академии? - процедил сержант таким голосом, что я сразу понял: не ошибся в его ко мне отношении. Но вот моя личность для него все же осталась загадкой, потому что вместо того, чтобы приказать своим ребятам быстренько скрутить меня покрепче, он рявкнул мне в лицо: - А ну, встать смирно, шпана тыловая, когда с тобой старший по званию разговаривает!

Ага! Не для того, милоч, я своему бате в самое сердце, можно сказать, плюнул, отказавшись от военной карьеры, чтобы по жизни чьи-то приказы продолжать выполнять! И, кстати, насчет старшего по званию ты тоже погорячился, потому как батю я решил огорчить все-таки не сразу! Я сжал руку в кулак, намереваясь как можно четче донести эти истины до сержантской рожки: пора все-таки было начинать контактную беседу, потому что ничего хорошего от сержанта уже по любому ждать не приходилось. Но тут - очень вовремя! - на нашу улицу вдруг вылетел Лакнаф. Растрепанный, одуревший, с выпученными глазами. И заорал, как безумный, тыча пальцем куда-то себе за плечо:

- Трой!!! Вот он, там, в кустах! Держите его!!! Держите! Быстрее!

Что тут началось! Мои добрые односельчане всей толпой устремились в указанном направлении, сминая ровные ряды спецназовцев, оказавшихся у них на пути. Впрочем, те тоже поспешили развернуться в ту же сторону! И один я, не будь дурак, не последовал общему примеру. Пользуясь тем, что меня в сумятице отпустили, я прыгнул в сторону, пока меня толпа не смела, и быстро перемахнул через забор, снова оказавшись у себя во дворе. После чего ухватился за один из тросов, свисающий с десантного летающего ковра (точнее сказать, с металлического поддона), так и зависшего у меня перед домом. Подтянуться по тросу для меня было плевым делом, я в свое время под строгим надзором инструкторов целые версты таким способом намотал. Конечно, и спецназовцы в этом тоже от меня не отстали, но им надо было вначале опомниться, все осознать, а затем еще развернуться и пробиться к коврику против могучего течения плотной толпы, в то время как я уже продвигался вверх, быстро перехватываясь за трос. В обычных условиях у меня это заняло бы считанные

мгновения! Но нужный темп я смог сохранить лишь где-то до половины пути, а потом расстегнутый комбез начал подло с меня соскальзывать, грозя продемонстрировать всем и каждому, что исцарапаны у меня не только плечи... Насколько я знаю, у некоторых народностей есть традиция оскорблять своего врага таким образом: являя ему для обзора части тела, в обычное время тщательно скрывааемые под одеждой. Но я этого себе позволить никак не мог, потому что, кроме врагов, на площади еще и женщины были! В том числе и Аланая, которая, как я заметил, не без успеха пыталась пробиться к ковру, не иначе как из желания составить мне компанию! Этого мне только еще не хватало – втравить девчонку в свои злоключения! С мгновение я колебался над вопросом, что хуже: позволить ей ухватиться за трос, от которого она наверняка уже добром не отцепится, или же, вопреки всем законам приличия, явить ей голую задницу. Но оба варианта были для меня одинаково неприемлемыми! В итоге я, отчаявшись, все-таки решил ненадолго притормозить. Повис на одной руке, едва плечо себе второпях не вывихнув, а другой быстро подтянул комбез, для верности еще и закусив его верхний край зубами. Потом совершил рывок, от которого затрещали мышцы, и снова устремился вверх, так как спецназовцы были уже неподалеку. Некоторые из них спешили пробиться во двор, чтобы ухватиться за тросы, а кое-кто выхватывал оружие. Пара пуль, не иначе как отклоненных бабкиными амулетами, просвистела возле меня, обдав ветерком. Не дожидаясь, пока стрелки догадаются сделать корректировку на магические искажения, я перевалился через край ковра. Пули, выпущенные вслед за первым залпом, лишь высекли искры из его бронированного днища, да заставили его зазвенеть так, что уши заложило. Под этот звон я начал спешно втягивать наверх все свисающие тросы, лишая горе-вояк шансов присоединиться ко мне на ковре. Один... второй... Три троса, повинувшись запущенным мною лебедкам, без проблем наматывались на катушки, с каждым мгновением удаляясь от земли. А вот с четвертым, последним, возникли проблемы: кто-то уже успел ухватиться за него снизу. Программа безопасности ковра, блокирующая двигатель со всеми опущенными десантными тросами, с одним невтянутым тросом уже позволяла начинать движение. Но тут меня прямо импульс какой-то подтолкнул для начала вниз заглянуть! Я быстро подполз к краю ковра, выглянул за его пределы. И понял, что из-за этих чертовых штанов я все-таки не успел! На последнем из тросов висел не спецназовец, которым я сейчас мог бы не без удовольствия двор подмести, а упрямая девчонка!

– Аланая, нет! – произнес я практически беззвучно, глядя ей в лицо: услышать она меня в грохоте ковра под пулями все равно не услышала бы. А вот по губам прочесть вполне бы могла. – Оставь!

Она поняла меня. Бледная, растрепанная, отчаянно затрясла в ответ головой, а потом попыталась ускориться, потому что спецназовцы тоже уже были близко, да и население, опомнившись, спешило на помощь, явно не мне.

– Аланая! – взмолился я, никак не решаясь повернуть ключ управления, опрометчиво оставленный прибывшими войсками прямо в своем гнезде: а ну как, двинувшись, обо что-нибудь ударю зависшую на тросе девчонку? Или ладони ей тросом до мяса сдерет! Впрочем, ободрать их себе она и сама сейчас пыталась нещадно, чтобы прорваться наверх!

– Не надо! – снова прошевелил я губами, глядя в ее расширившиеся глаза. – Уходи! – а потом, решившись от отчаяния, выпалил: – Я и есть Павлик!

Поняла она меня или нет? Я этого так и не смог узнать. Тут за трос снизу схватились еще двое, и девчонка, сообразив, что дело принимает крутой оборот, все-таки отцепилась. Сама, чтобы свалиться этим двоим прямо на головы. Я только ахнуть успел. Импульсивно подался чуть вниз, едва не словив при этом пулю, но сразу убедился, что Аланая поймали, не дав ей удариться о землю. Ради того, чтобы ее подхватить, оба рыцаря даже трос отпустили. Так что я, не теряя ни мгновения, сразу запустил последнюю лебедку. И, как только она заработала, сразу же и ключ повернул, заставляя сам ковер тронуться с места. Как и большинство военной техники, управлялся он топорными методами.

Ковер стартанул и понесся над поселком так, что лишь дома подо мной замелькали. Но все же я успел заметить среди стремительно исчезающей вдаль толпы одну фигурку, подавшуюся вперед и напряженно глядящую мне вслед. Я только вздохнул: тебя мне, дурехи, тут не хватало! Нет, в любую другую поездку я бы с удовольствием такую

спутницу взял! Но не туда, где, возможно, не раз придется своей шкурой рисковать. Вот как сейчас, например... Задав ковру курс, я разматал один из только что свернутых тросов. А потом, убедившись, что от поселка меня уже не видно, начал по нему соскальзывать вниз, чтобы оказаться перед прыжком поближе к земле, хотя бы на длину троса. Потому что спрыгивать с летящего ковра – не самая приятная забава! Но ковер быстро и легко могли вычислить, так что пусть улетает отсюда подальше, только без меня! Тем более что я не собирался удаляться от поселка, в котором у меня оставалось так много незавершенных дел, главным из которых было восстановление моего доброго имени.

От злополучного и, как оказалось, весьма приметного (а теперь – еще и знаменитого на весь район) комбеза я поспешил избавиться. Нет, на повторное ограбление не пошел, не желая еще одни штаны прославить на всю округу, а потом в очередной раз засветиться ими перед населением. Вместо этого, пользуясь тем, что ковер унес меня довольно далеко от поселка, я снова к Жажилушке заскочил, за собственной одеждой, пережив при этом еще один приступ истерического смеха, уже с его стороны – он-то, услышав рассказы про добывание штанов, сразу смекнул, о ком идет речь, потому что вовремя заметил в бане и успел спрятать наше с Васькой собственное барахло. Я вкратце рассказал ему, что еще новенького у нас произошло, наспех при этом одевшись. Потом Жажилин листовой ковер подкинул меня до лесной опушки, за которой начинался уже мой район. Там я соскользнул незамеченным и отправил ковер обратно к хозяину, дабы никто не заподозрил его в помощи беглому преступнику, то есть мне. А дальше начал пробираться пешком.

Как и следовало ожидать, военные очень обиделись на меня за то, что я не преминул воспользоваться их оплошностью и угнать у них из-под носа оставленный без охраны транспорт. Какая-то их часть рванула за мной пешим ходом, ухитряясь получить сигналы с улетевшего ковра, но вторая часть осталась в поселке, тоже взявшись за организацию моих поисков. К которым, ввиду возникшей нехватки бойцов, еще и местное население подключили. Да оперативно так! Я не раз и не два еле избегал столкновения с патрулями, крейсирующими теперь по лесу в надежде меня обнаружить. Конечно, сержант не знал, что негодяй, угнавший его ковер, и разыскиваемый всеми Павлов – одно и то же лицо, но обозлился на меня настоящего очень сильно, поскольку считал именно Павлова виновным в том, что ему еще и угонщика довелось повстречать.

Гадая, как бы он отреагировал, если бы узнал, что в его неприятностях повинны не двое, а один и тот же человек, я пробирался в обратную сторону. Соблюдая все изученные когда-то правила маскировки на территории противника, хотя на самом деле эта территория была моей! Очень обидно было осознавать, что я вынужден скрываться на своей земле, при этом будучи невиновным, но ничего не поделаешь. Не менее обидно было, что мы с Ягой так и не успели согласовать план наших действий. Хотя задачи у нас с ней были разные: она на себя магов должна была взять... Стоп! До меня только сейчас доехало... Маги?! Целых пять штук?! И правительственный отряд дан им в помощь?! Или они ему – неважно. Я уже упоминал, как у нас относятся к подобному сотрудничеству на официальном уровне. Так что можно было лишь удивляться, как мне сразу в глаза не бросилась подобная несостыковка. Наверное, потому, что сам я привык постоянно общаться с Ягой. Но явно тут было что-то не то! Политика у нас в стране изменилась? Или кого-то наверху совсем уж вдруг припекло? Интересно будет разузнать об этом поподробнее. Но потом, после того, как я свои насущные проблемы решу. А их хватало с избытком! У Яги их, кажется, было не меньше.

Успевая вовремя прятаться, я пропустил мимо себя несколько поисковых групп, ухитряющихся совмещать и мои розыски, и болтовню, как это умеют делать только дилетанты – профессионалы на марш-броске ни звука лишнего не издадут. А этих мне даже высматривать не было нужды, потому что я еще издали слышал их голоса и топот. Так что мне каждый раз хватало времени притаиться, а потом еще и новости послушать. Так вот из них я и узнал, что Яге удалось-таки подманить городских магов к одной из найденных ею и работающих транспереходных зон, чтобы, как говорится, ткнуть их носом в это угрожающее явление и заставить над оным задуматься. Только вышло все не так, как она собиралась сделать. Маги на проверку оказались послабее да поглупее моей потомственной колдуньи, впитавшей магию, что называется, с молоком матери, если вообще не на генетическом уровне. В итоге тыканье носом состоялось не иносказательное, а самое что ни на есть натуральное. Да мало того, что эти «герои» не сумели сразу оценить всю опасность открытой зоны, они еще позволили аж двоих из них в нее затянуть! И теперь оставшиеся обозлились за пропажу товарищей, обвиняя в случившемся не свою некомпетентность, а отчего-то нас с Ягой. Наверное, от основной толпы массовым психозом заразились!

Толпа же продолжала себя накручивать. Вторая протопавшая мимо группа тех, кто меня разыскивал, обогатила меня новостями не менее удручающего свойства. Как я узнал, военные спецы сняли показания с навигатора Гарюшиного внедорожника, как

беспризорно вернувшегося домой авто последней пропавшей в нашем поселке жертвы. Ну и, понятно, выявили, что последним, кто садился за руль, была не хозяйка, а как раз я, и так подозреваемый во всех смертных грехах. После этого открытия, ясное дело, недоброжелателей у меня резко прибавилось: народ в наших краях легковёрный. Охотно наматывает на уши любую лапшу, поставляемую кем ни попадя, одумываясь лишь тогда, когда под ее весом уши оттягиваться начинают. Но до этой стадии пока не дошло, так что обвинения в мой адрес зазвучали с новой силой. Оставалось только порадоваться, что на этом фоне ушлая троица, встреченная мной на подступах к поселку, еще не попыталась списать на меня совершенную ими кражу бочонка молочных орехов. А то, глядишь, и это бы на меня навесили запросто, чего уж тут мелочиться! Впрочем, мне и без бочонка предстояла задачка не из легких: предъявить такие железные доказательства моей невинности, которые любое общественное мнение окажутся способны вспять развернуть. А для этого их вначале нужно было добыть!

Пока я на ходу размышлял, с какого бы боку за это лучше взяться, мне навстречу как раз уже и следующая группа подоспела. Снова услышав их издали, я дал себе мысленную команду не расслабляться: а ну как все эти балбесы громкоголосые – всего лишь отвлекающий маневр? Как раз и призванный притупить мою бдительность, чтобы настоящие охотники взяли меня тепленьким и без проблем. Но настоящих охотников пока не угадывалось, а от этих я снова укрылся без труда, вспоминая то, чему меня успели обучить в академии, и ловя себя на мысли, что все-таки не совсем напрасно я угробил на нее несколько лет своей молодой жизни. Замаскировавшись недалеко от тропинки, по которой перла вся эта толпа, я уже привычно наострил уши, намереваясь обогатиться свежими новостями. И обнаружил, что на этот раз толпа беседует про Лакнафа. Как раз то, что мне было надо! Хотя честно скажу, что судьбой этой шкуры продажной я был заинтересован не только ради пользы дела, но еще и из гадкого любопытства. Так что я замер в своем укрытии, стараясь ни единого слова не пропустить. И народ меня не подвел, просветил! Выдал мне все недостающие детали, которых мне как раз не хватало для того, чтобы мой план скорректировать. А он у меня имелся! И строился как раз на том, что Лакнаф находится сейчас в нашем поселке, деморализованный той шуточкой, которую сыграла над ним Яга. Судя из услышанных мною рассказов, Лакнаф, как и обещала моя дама, буквально с ума сходил, видя мой оживший и обозленный труп за каждым кустом! Немного полегчало ему только тогда, когда его заволокли в помещение. Там кустов, обеспечивающих действие бабкиного заговора, не было. Так что он вполне спокойно смог рассказать многочисленным слушателям, сколько раз и где он меня сегодня видел, а также как я его преследовал, пытаюсь убить. Немного осмелев в окружении слушателей, он после своих рассказов даже рвался снова пуститься на мои поиски. Не один, разумеется, а в сопровождении всех тех, кто теперь жаждал составить ему компанию. Но как только вышел на улицу, так снова «увидел» меня за первым же попавшимся ему на глаза кустом, отчего в панике забился снова в дом, заставив население усомниться в его адекватности. Так что указанные Лакнафом кусты все-таки обыскали, никого там не нашли и двинулись на дальнейшие поиски, оставив его самого отсиживаться в доме. Меня очень интересовало, в каком именно, и болтающее между собой население не разочаровало меня, информировав, что Лакнаф нашел приют у гуманоида Дадона, вызвавшегося за ним присмотреть. Как минимум до полуночи – Яга ведь обещала, что заклятие продержится до нового дня. Эх, зря я не уточнил, сколько именно оно будет действовать! Впрочем, мне по-любому должно хватить времени. Дадон ведь живет на окраине, поэтому добираться до него не так уж долго, особенно сейчас, когда основная масса населения бродит в поисках меня по окрестностям. А дальше дело техники: затаиться, выждать момент, когда хозяин, например, зачем-нибудь выскользнет из дома, и явиться перед Лакнафом в реальном виде! В надежде, что он, донельзя сейчас запуганный своими глюками, при моем небольшом нажиме выложит мне, как на духу, всю ту правду, которую сама Яга рассчитывала добыть только при помощи сложных магических манипуляций. И про гибель Льяшки, и про Стена, и про других своих возможных сообщников – про негодяев, взявшихся помогать пришлому черному магу в похищении не только взрослых, но даже детей. А первым делом я, конечно же, постараюсь узнать имя проклятого чародея и его адрес.

Пропустив мимо шумную толпу, я подкорректировал свой маршрут, чтобы выйти к нужному мне краю поселка, туда, где Дадон обитал. Потом удачно избежал встречи еще с парочкой топочущих и орущих «поисковых групп». Эти были шумнее прочих – громче них могли орать только пьяные гуси – и состояли, как на заказ, из отборных шалопаев нашего района, что навело меня на мысль быть как можно осторожнее на следующем

отрезке пути. Я ни на миг больше не позволял себе забываться: прислушивался, принохивался, двигался, стараясь не создавать ни малейшего шума, и на открытые пространства, разумеется, даже близко не выходил. И вскоре был вознагражден за свою осторожность, когда обнаружил профессионально устроенную засаду из военных, устроенную возле границ нашего села. Старый маневр! Пока одни вспугивают беглеца, другие, затаившись в наиболее вероятных местах его появления, поджидают, когда он появится, чтобы его схватить. Залегший в кустах, я не удержался, свернул этим караульным кукиш. Никем, разумеется, не замеченный, но зато от души! Даже самому как-то легче после этого стало! Так что, раскрутив обратно свою пальцевую комбинацию, я начал медленно отползать назад и в сторону. Слишком удаляться я не собирался: не было смысла, обнаружив один пост, обходить его, при этом рискуя нарваться на другой. Лучше выждать тут, понаблюдать из укрытия. Если часовых не сменят, что вряд ли, учитывая нехватку спецов, то вскоре их начнет утомлять это монотонное ничегонеделание. Они ведь уверены, что охотятся на какого-то штатского дебила, пусть когда-то и протиравшего штаны в академии. А мои односельчане, я в этом почти не сомневался, своими отзывами обо мне лишь утвердили всю группу захвата во мнении, что я пьяница, бездельник и шалопай. Во мнении, которое – чего тут греха таить! – нередко действительно соответствует истине. Так что оптимальным вариантом я сейчас считал отлежаться в укрытии, пока моих часовых окончательно не разморят знойный день и скука, а потом попытаться проскользнуть мимо них. Когда-то мне неплохо удавались такие трюки, так что и на этот раз может прокатить. Если же не прокатит, то оставалась еще надежда на мой грим и на временное замешательство противника... хотя нет, слишком больших надежд на это возлагать не стоило! Ведь вояки успели запомнить мое нынешнее лицо, которое я выставил на всеобщее обозрение перед тем, как угнать их железный ковер. И наверняка узнают его, несмотря на смену штанов. А уж погонятся-то после этого за мной с ничуть не меньшим рвением, чем за разыскиваемым Павликом бы гонялись... Кстати, о внешности! Пока я тут время теряю, как раз можно ею и заняться. Крайне осторожно, чтобы никто моего шевеления не заметил, но мне все равно торопиться некуда.

Тихими скользящими движениями я добрался до полустгнившего пня, видневшегося в траве. А потом, не спеша и со вкусом, принялся разрисовывать себя добытой из его основания гнилушечной массой. Лакнаф ведь, при содействии Яги, этой ночью поверил в то, что я все-таки мертв? Вот и явлюсь ему, чтобы не разочаровывать, во всей красе начавшегося разложения! Размалюю себя так, чтобы только глаза остались, по которым голубчик Лакнаф наверняка сможет меня опознать в надлежащей остановке, несмотря на весь остальной мой грим.

Как ни жаль, но часть моего макияжа, нанесенного с таким старанием и художественной фантазией, успела-таки с меня облететь, пока я пробирался мимо утомленного полуденным зноем караула, скользя по земле ниже растущих на ней былинков. Одним словом, почти упираясь физиономией в земную кору. Но я уповал на то, что наносил свой грим с запасом. Так что прополз мимо поста, не особо жалея свою раскраску, а больше заботясь о том, чтобы меня не заметили. Короче говоря, двигался еще тише и незаметнее, чем любовник, пробирающийся из шкафа к выходу мимо некстати вернувшегося мужа. Не сказать, что у меня был слишком уж большой опыт по части последнего, несмотря на всю мою бурную жизнь, но карауливших меня вояк я не потревожил. Ни когда подбирался к охраняемой ими условной границе, ни когда пересекал ее, ни когда удалялся прочь.

Так, крадучись, я отполз на достаточное расстояние, откуда вояки меня уже не должны были рассмотреть, и собирался выпрямиться, чтобы продолжить свой путь более привычным способом. Но тут наткнулся на лужу, так внезапно, что едва в нее рукой не залез. И оттуда на меня глянула такая рожа, от вида которой я чуть было не вскочил, позабыв, что предварительно собирался изучить обстановку! Первой моей мыслью было, что колдуняра успел из своего мира заслать себе помощников в наши края, потому что у нас таких уродов не водится! Потом я прикинул, что, судя по роже, этот засланец для такой маленькой лужи слишком велик, не мог он в ней засесть, да еще и целиком погрузившись. Ну, а уж только после этого я сообразил, что только что имел удовольствие полюбоваться на свое собственное отражение. Которое даже сам не узнал после двойной гримировки, овечкиной и своей собственной. Надо же, как меня от скуки-то вдохновило! Хорошо, что первоначальный вариант моих стараний не удалось сохранить! А то б зайкой остался, хоть мне уже и не впервой было от своих отражений шараться. Жизнь любила меня порой приукрасить, а потом мне же и показать. Но сегодня я сам!

Я не поленился, еще раз в лужу заглянул, чтобы полюбоваться на творение своих рук. А заодно и Васькиных когтей, следы от которых до сих пор украшали мои плечи. Не зря говорят, что в любых кошачьих когтях, даже если кот полный оболтус, имеется своя природная магия, боевая! Потому что в заживлении этих царапин мне сейчас не особо помогали даже бабкины амулеты, сумевшие до этого в считанные часы затянуть рубленую рану у меня на затылке. Так что уж взыщу я в свое время с полосатого мерзавца за нанесенный мне ущерб по полной программе! Как минимум, проставиться он мне должен будет. И не просто бутылку выставить на стол, а накрыть поляну по всем правилам. При условии, что для нас для всех эти злоключения благополучно закончатся. А пока главное следить за тем, чтобы по пути к голубчику Лакнафу я больше никому из жителей на глаза не попался. А то ведь будет меня же потом совесть терзать за причинение своим видом тяжкого вреда здоровью местного населения. А те, у кого нервы покрепче, неровен час, опознают меня как угонщика ковра по располосованным плечам, которые моя нынешняя майка полностью не скрывала (свою поврежденную пулями рубашку я оставил у Жажилушки, как не менее приметную, чем царапины). Вот ведь тоже незадача! Вроде как я с угонщиком одно и то же лицо, а таиться от возможных встреч с населением приходится за двоих!

Так что двигался я к Дадонову домишке не по прямой, а теми стежками-дорожками, коих множество знал в нашем поселке: то жуликов всяких на них перехватывал, то сам пробирался к своему месту жительства в настолько нетоварном виде, что совестно было показываться гражданам на глаза.

Добравшись до нужного дома, я снова залег в траве и понаблюдал за этим жилищем. Дадон жил бобылем, хозяйство вел кое-как, лишнюю жилплощадь пристраивать не стремился, так что не успела дежурная кукушка где-то на линии леса подать очередной сигнал точного времени, как я уже осмотрел интересующий меня домишко со всех сторон. Не то чтоб раньше его не видел, а на предмет оценки текущих событий. Пара окошек в нем была открыта. Миновав щербатый забор и подобравшись к одному из них, я обнаружил Лакнафа и Дадона в светлице за столом. Уплетающими что-то, в то время как у меня уж не помню, с каких времен, даже маковой росинки во рту не было. Но я сумел это пережить, когда услышал нервно подрагивающий голос Лакнафа:

- Вы мне никто не верите! А я его своими глазами видел! Да! Не зря же говорят, что

зомбяки такое умеют: показываться лишь тем, кому захотят, а для остальных они невидимы!

- Лакнаф, успокойся. Начнем с того, что я не верю в само существование зомбяков!

- А вот это напрасно! Что бы там в научных кругах ни считали, во что бы кто ни верил, а эта его бабка любого профессора магии за пояс заткнет! Так что если б Трой загнул, а она б захотела его на время поднять из могилы, то не думаю, что у нее при этом какие-то затруднения бы возникли.

- И зачем бы это ей было нужно? При условии, что с Троем действительно что-то случилось: насколько я знаю, он из тех молодчиков, кого даже кувалдой с первого раза не убьешь! Сколько раз он в такие драки совался, что на него даже пари заключали: выберется на этот раз живым или нет?

Ого, заявочки! Так это значит, пока я пытаюсь порядок навести в пределах поселка, подчас рискуя жизнью, население, успевает тем временем позабавиться, делая на меня ставки? Интересно, кто именно? Точно не волки - те, если что, сразу кидаются... кидались меня поддержать. При мысли о моих пропавших корешах, которых я сейчас с новой стороны сумел оценить, у меня прям царапины пошли по душе, как будто и там Васька успел побуянить. Я не я буду, если не сумею волков вернуть, либо вместе с ними не сгину, это уж как повезет.

- Случилось-случилось, - заверил Лакнаф. - Я сам пытался пресечь его попытку к бегству. Поэтому, как бы его старуха ни защищала своими бирюльками, а я ручаюсь за результат... тогда ручался. А теперь не знаю, во что он там превратился и где теперь бродит. Бабка могла ведь, отыскав его труп, воскресить своего любимчика просто ради того, чтобы он перед вечным упокоением успел бы поквитаться с теми, кто спровадил его на тот свет! Не зря же он именно за мной пустился, как за последним, кто его во время побега пытался остановить! Я видел его! Своими глазами видел, клянусь!

- Ай! - досадливо отмахнулся Дадон. - Там, где ты его видел, остальные даже следов найти не смогли, так что прекращай ты уже панику разводить.

Звякнув ложкой, Лакнаф с набитым ртом произнес в ответ что-то невнятное, заставив меня завистливо вздохнуть. И задуматься: в такой манере эти двое могли хоть до самой ночи беседовать за столом. А я не мог столько ждать, меня время как раз поджимало, так что необходимо было ускорить события. Ползком выбравшись из-под окна светлицы, я незаметно добрался до другого окна, открытого в спальне. Откуда ничего уже не мог подслушать, но зато мог беспрепятственно пробраться внутрь дома. Признать, непривычно было пробираться через окно в чужую спальню не к очередной своей хорошенькой подружке, а вообще к мужику! Зато натренирован я был в этом вопросе так, что даже шторок не всколыхнул. Хотя, какие там шторки? Грубая и не слишком чистая холстина, так же разительно отличающаяся от привычных мне шелка и кружев на окошках, как хозяин этого дома отличался от тех очаровательниц, которые обычно поджидали меня внутри. В этот раз, на мое счастье, в спальне было абсолютно безлюдно. Я осмотрелся, прикидывая, как мне действовать дальше. Дадона нужно было как-то вынудить на время расстаться с Лакнафом. Может, уронить тут что-нибудь потяжелее, а потом, когда хозяин выйдет из светлицы на шум, подкрасться со спины и быстро в кладовку его затолкнуть, пока он не успел меня рассмотреть? Насколько я знаю, засов на его кладовке хороший, вполне сможет выдержать натиск разгневанного хозяина, пока я с его гостем буду беседовать. Шум вот только поднимется, способный всполошить соседей: вдруг еще не все они из этого поселка кинулись в лес, меня разыскивать? Если я буду возиться со связыванием Дадона, то тут уже Лакнаф меня раньше времени обнаружит. Конечно, на его вопли уже мало кто обратит внимание, их уже весь поселок сегодня наслушался вдоволь. Но я упущу так нужный мне эффект неожиданности. А еще Лакнаф может вместо того, чтобы орать, сразу в бега кинуться. Лови его потом, ищи-свищи! Нет, это в мои планы никак не входило.

В поисках решения я обвел чужую спальню более внимательным взглядом. Вот если бы Дадону по-быстрому наволочку накинуть на голову! В такой упаковке много не поорешь. А если запаковать еще и вместе с руками, это помогло бы мне избавиться от лишней активности, не только звуковой, но и физической тоже. Но вот только чем бы таким наволочку закрепить, чтоб он ее сразу не скинул, а повозился? Интересно, а липкой ленты у него, случайно, нет? Уже твердо, обеими ногами встав на преступную дорожку,

я выдвинул тугой ящик его письменного стола, стоящего тут же, возле кровати. И тут же мои мирные намерения в отношении Дадона улетучились, как дым! Потому что первое, что я увидел в его ящике, была не лента, а горсть скомканных лоскутков от Ляшкиного платья! Тех самых, часть которых была развешана по кустам на ее последнем пути! Я это точно смог установить, сравнив эти клочки и те, что снимал с веток, когда шел по Ляшкиным следам, засовывая их себе в карман. Теперь их из кармана своих возвращенных брюк я и вытащил, запоздало осознав, какому риску подвергался, разгуливая с подобной уликой. Но мне терять было, по большому счету, нечего, меня и так обвиняли почти во всех смертных грехах. А вот Дадон... Это, значит, он и был тем негодяем, который выманил Ляшку в Веселовку? Загодя нарвал с нее, с пьяной, лоскутков, чтобы потом с ними не возиться. С запасом нарвал. И те, которые не использовал, машинально вытащил из кармана и сунул в ящик стола, когда вернулся из Веселовки. Я задумчиво добавил к этим лоскуткам еще и свои, задвинул ящик обратно. Интересно, а убил Ляшку тоже Дадон? Или он только заманил ее, а остальное уже Лакнаф со Стеном доделали?..

Тут вдруг Дадон, не дожидаясь, пока я начну его выманивать из светлицы, сам зачем-то явился в спальню. Я был так захвачен мыслью об обнаруженных лоскутках, что его появление стало для меня полнейшей неожиданностью, я был к нему не готов. Даже наволочку не успел снять с подушки! Но после обнаруженных лоскутков у меня уже не было ни желания, ни поводов проявлять деликатность по отношению к этому преступному элементу. Поэтому, быстро среагировав на его появление, я попросту схватил стоящий поблизости стул, намереваясь нейтрализовать его хозяина самым скорым и надежным способом: с размаху опустив этот предмет мебели Дадону на темечко. Даже замахнуться успел, пользуясь тем, что для Дадона мое появление в его доме тоже оказалось внезапным сюрпризом. Но тут Дадон, не дожидаясь, пока я временно отправлю его в небытие, отправился в него добровольно: сам закатил глаза и мешком рухнул мне под ноги. Из-за этого паршивца я неиспользованным стулом чуть по ноге себе не зарядил, поскольку не успел погасить всю энергию своего замаха. Вот уж я не думал, что Дадон такой слабонервный! Впрочем, уловив боковым зрением свое отражение в зеркале и вспомнив, как сейчас выгляжу, я изменил свое мнение о нервах Дадона в лучшую сторону. Нагнулся к нему, пощупал пульс. Сердце билось, дыхание тоже присутствовало. Ну, а коли жив, то от обморока и сам очухается. Мне как раз этого времени должно хватить на беседу с Лакнафом. Так что, оставив тело на полу, я поспешил в светлицу.

Лакнаф меня сразу увидел, как только я появился на пороге, ведь сидел и ждал, когда вернется Дадон. Судя по выражению его лица, я оказался Дадону плохой заменой. Побелев, как мел, Лакнаф попытался вскочить, но ноги его подвели, и все, что он смог – это лишь плотно вжаться в спинку того стула, на котором сидел (сидел, кстати, очень неловко, подвернув под себя одну ногу, наверняка чтобы побереечь свою отваренную задницу). Точно не скажу, узнал ли он меня или просто догадался, кого перед собой видит, по моему живописному облику, однако застрявший у него в горле крик, вырвавшийся в итоге наружу сиплым выдохом, дал мне понять, что в официальном представлении я не нуждаюсь.

– Трой?!!!

– Да, – согласился я, пытаюсь сделать взгляд стеклянным, а голос неживым. – Как видишь, встречи со мной избежать невозможно! Но я сам уйду! – добавил я чуть поспешнее, чем хотелось бы, просто потому, что мне показалось, будто этот тип тоже собирается хлопнуться в обморок. А мне для сбора показаний он нужен был в трезвой памяти! Пусть даже, судя по его виду, и не в слишком здоровом уме. – *Моя хозяйка послала меня к тебе, чтобы узнать имя твоего хозяина. И координаты его мира!*

Нет, рассудок у малого точно был подорван сегодняшними испытаниями, потому что он безоговорочно мне поверил! Испуганно забормотал, все сильнее вжимаясь в стул:

– Прости, Трой! Мы с тобой оба люди подневольные...

– Имя. Параллель. Цель похищения. Список твоих сообщников, – отчеканил я, прерывая ненужный поток его оправданий. Тут же спохватился, что, кажется, переигрываю, но Лакнаф, еще с рассвета набегавшийся в попытке укрыться от созданного Ягой наваждения, даже и не думал заморачиваться такими тонкостями, как достоверность моего выступления. Вместо этого скороговоркой зачистил:

- Мородум пришел из пятой параллели. Там у них живут одни гуманоиды, других жителей вообще не стало, вымерли! Ну, ты ведь тоже слышал эти легенды, про миры, где только гуманоиды разумны и властвуют над всем? Если туда попадают иные расы, то они приобретают внешний вид, свойственный тем местам... А это такие деньги, Трой! Бешеные, нереальные! Ты даже представить себе не можешь, сколько там платят за пушистых зверьков, на которых там наши становятся похожи, да еще и за способных выполнять любые команды! Потому что в их собственном мире ничего подобного давным-давно уже нет, остались одни картинки!

- Так ты, сволочь, что, им наших туда продаешь на забаву?! В рабство, вместо живых игрушек?! - уже не пытаюсь придуриваться и изображать из себя мертвяка, я в порыве чувств кинулся вперед и вцепился Лакнафу в глотку. Минутой позже сообразил, что, если буду его так зажимать, то никакого ответа от него не услышу. Более того, уже реально отягощу свою совесть собственноручно созданным трупом. Поэтому чуть ослабил хватку и потребовал: - Быстро говори мне, кто еще из местных с тобой в доле! И как вы все эти проклятые порталы поддерживаете?! И где они расположены...

Мыслей у меня было так много, что я просто не успевал трансформировать их в вопросы. Как найти этого проклятого Мородума? Навалить ему, чтобы больше неповадно было тут у нас появляться, а потом заставить вернуть всех наших назад! Потому что им явно там не сладко живется, раз свои негуманоиды вымерли! А еще надо раздобыть карту транспереходных зон, и все «ключи» от них на стол Яге положить, чтобы она надежно запечатала это непотребство на веки веков! А кроме того... Кроме того, не слыхому мне стоило верить в слабые нервы Додона и недооценивать его актерский талант. Это я понял, когда услышал сработавшую на улице тревожную кнопку - сам в свое время установил в поселке несколько штук, на случай хулиганских нападений, - а потом дадоновские вопли, в подмогу прозвучавшему сигналу созывающие народ. Судя по быстроте действий Дадона, не падал он ни в какой обморок, просто прикинулся, проведя меня, как младенца. А потом, не рискнув со мной связываться в одиночку, выбрался тем же путем, что я сюда пришел - через окно - и кинулся толпу собирать, чтоб та помогла ловить вломившегося к нему в дом бандюгана.

- Кто Ляшку убил?! - прорычал я последний вопрос, который успевал задать Лакнафу.

- Так ты что, живой, что ли? - спросил он в ответ, что-то уже начиная соображать.

- Я спрашиваю, кто? - мне пора было уже бежать, потому что народа, не принявшего участие в лесной облаве, обнаружилось на удивление много, и сейчас вся созванная Дадоном толпа, экстренно скучковавшись, уже двигалась к дому с явным намерением его окружить. Но искушение узнать правду было очень велико! Ради этого я и задержался, и даже пальцы на горле Лакнафа снова покрепче сжал: - Не обольщайся, я успею удавить тебя прежде, чем твои спасители окажутся здесь! Так что быстро отвечай!

Лакнаф заерзал. То ли пытаюсь через окно оценить уличную ситуацию, то ли просто потому, что под моим натиском усилилось то давление, которое он своим весом создавал на свою недавно обваренную пятую точку. Чтобы расцветить его ощущения, я его еще и коленом к стулу прижал, повторив свой вопрос.

- Рар! - то ли сказал, то ли выплюнул он, сдаваясь.

Вот это новость! На Рара я никогда в жизни бы не подумал! Но ни уточнять что-либо, ни удивляться мне уже было некогда. Поэтому, прежде чем повернуться к Лакнафу спиной, я вырубил этого гада хорошим ударом в челюсть. В отличие от Дадона, этого точно вырубил, потому что врезал ему от души! После чего, уже не опасаясь подлостей с его стороны, отвернулся от него и кинулся... нет, не в окно и не в дверь, а в подвал, имевший у Дадона два выхода, в доме и в сараюхе. Вспомнит ли сейчас об этом приближающаяся толпа? Насколько я мог судить по виду Дадона, тот и сам сейчас мог про это запомнить.

В подвале, вероломно откупорив один из хозяйских бидонов с брагой, о которых я, типа, не знал, исполняя свои обязанности участкового, я тщательно смыл в нем со своего лица остатки присохшей гнилушечной массы. Потом профессионально поддел изнутри задвижку над люком – в жизни мне еще не такие замки отпирать доводилось! – и выбрался из подвала уже в сарай. Глянул в щель между досками его стен, оценивая ситуацию. Толпа решительно вваливалась во двор и рассредотачивалась вокруг дома. В сторону сараюхи тоже поглядывали, а потом какая-то парочка направилась сюда с явным намерением внутрь заглянуть. Вовремя вспомнив про свои приметно исполосованные плечи, я быстро окинул сараюху взглядом и увидел какой-то Дадонов рабочий пиджак, брошенный в углу. Не особо привередничая, нацепил его на себя, надеясь, что трещащие швы все же выдержат – вещичка как раз в плечах была мне явно не по размеру. Снаружи в это время кто-то откинул дверную щеколду. Помня о том, что наглость – второе счастье, я налег на дверь изнутри, помогая любопытствующим ее отворить. А оказавшись с ними нос к носу, уверенно заявил:

– Нет его тут! Я уже все проверил! – и, чуть сдвинув их плечом со своего пути, попер наружу. Через забитый толпой двор, к вожделенной калитке, сулящей мне свободу.

Мне удалось преодолеть этот рубеж, несмотря на то, что я каждое мгновение ждал: выпустившая меня парочка сейчас опомнится, что сама отперла мне дверь сарая, запертую снаружи. Но нет, двое упустивших меня балбесов, пару раз взглянув мне вслед, застыли возле сарая добросовестными часовыми. А неприятности, по своей подлой привычке, пришли совсем не оттуда, откуда их ждали. Я уже был за калиткой, когда Дадон, теперь руководивший созданным им столпотворением во дворе, неведомо как сумел разглядеть на мне свое задрипанное имущество, а там уж и мой внешний вид заодно оценил. И заорал всем, тыча, надо полагать, пальцем мне в спину:

– Эй, вот же он, тот тип! В мой пиджак вырядился, чтоб не узнали! Держите его!

Нет, ну никак не везет мне с незаконно добытой одеждой!!! Но философствовать на эту тему было некогда, потому что трое оказавшихся возле калитки молодых медведей, внучатых племянников Акима, рванулись ко мне, не слишком заморачиваясь преодолением препятствий. В итоге под горестные вопли Дадона (доставившие-таки мне маленькое удовольствие) они вмиг снесли целую секцию дворовой ограды. Да так стремительно, что один из этих могучих юношей успел меня ухватить за ворованную одежду. Не дожидаясь, пока двое других подспеют ему на помощь, я попытался извернуться, но тут сам пиджак меня выручил. Его гнилые от времени швы, уже изрядно пострадавшие в борьбе с моими размерами, разошлись у меня на плечах все и разом. И я снова кинулся прочь, оставив в лапах озадаченного противника сдернутую с меня тряпку. Обошел второго бурого увальня, метнулся мимо третьего... Чуть-чуть не успел проскочить, и этот третий, отчаянно взмахнув своей лапищей, успел-таки вцепиться мне в мою маскировочную бородку. Я круто развернулся, собираясь с помощью подножки и божьей помощи опрокинуть пленившего меня акселерата на сваленный им забор, пока он не опробовал на мне захват, которым славятся все медведи, молодые и старые одинаково, и вырваться из которого уже практически невозможно. Однако все опять пошло не по плану. Овечка обещала мне, что приклеенный ею грим выдержит даже воду, однако про бражку речи не шло. А уж я умывался этой жидкостью, не экономя чужого добра. Вот, наверное, клей и размок под действием дрожжевых ферментов, так что борода отвалилась вся и сразу. Я быстро сообразил, что случилось. А вот юный великан, у которого в лапах внезапно оказалась вся моя растительность, снятая с пол-лица, так испугался от содеянного, что аж, бедняга, сомлел. Два его братца тоже ничего не поняли, но кинулись его подхватить, на время забыв про меня. А я, не теряя больше ни мгновения, припустил к лесу – единственному месту, где я мог быстро и надежно затеряться. Ну, или хотя бы сделать такую попытку.

– Да это же Трой!!! – взревел мне вслед какой-то глазастый мерзавец из семейства кошачьих.

Как выяснилось, это мне больше помогло, чем навредило, потому что вместо того, чтобы сразу броситься за мной в погоню, толпа шумно зашпорила, разделившись во мнениях относительно моей личности. А я, используя эту фору, несясь по пересеченной местности к высокой стене из раскидистых старых елей, за которыми начинался дремучий лес,

знакомый мне почти как родной дом. И даже какие-то мысли при этом еще успевали мелькать у меня в голове. Например, о том, что хорошо бы как-то связаться с Ягой и передать ей добытые мною сведения про имя колдуна и пятаю параллель. Ведь сама она этого до сих пор не могла узнать. А Лакнаф, перетрусив не на шутку, наверняка мне выдал чистую правду, так что в подлинности этой информации можно было не сомневаться. А вот что касается Рара... Тут припертый к стенке Лакнаф мог и соврать, что это он Ляшку убил! Лакнаф уже успел немного очухаться к этому моменту, а еще осознать, что у меня осталось мало времени на расспросы, вот и ляпнул первое, что пришло на его лживый ум, посланное болевым импульсом из задницы. Или это я просто не хочу так плохо про Рара думать? Да, и это тоже! Короче, в этом вопросе не стоило торопиться с выводами... А вот по сторонам стоило бы поглядывать, учитывая ситуацию! Это я осознал, едва не нарвавшись на пост профессиональных вояк, засевших на краю леса именно по мою душу. Хорошо, что я успел поймать солнечный блик, отраженный от линзы бинокля, через который меня как раз рассматривали. Всего лишь маленький тусклый всполох, но мне хватило, чтобы лишний раз вспомнить, где я нахожусь и по какому случаю. И даже мысленную оплеуху себе отвесить за оплошность, делая резкий разворот в сторону.

В результате этого вынужденного поворота в лес я вломился не там, где хотелось бы, не по натоптанной тропинке, а через бурелом. Но тут уж выбирать не приходилось, зато не попал в объятия храбрых спецназовцев, уже, можно сказать, раскрытые мне навстречу. Это ребят, разумеется, огорчило, так что они, успев-таки через бинокль мою личность установить, дружно бросились за мной следом. Тоже по бурелому, звучным хрустом озвучивающему мне каждый их шаг. И им все мои шаги – тоже! В такой ситуации нечего было и мечтать о том, чтобы затеряться. Оторваться от них? Тоже не светило! Физическая подготовка была у нас примерно одинаковой. Я, правда, был налегке, а они всякую дребедень на себе тащили из серии защиты и вооружения. Но зато они за мной гнались по уже проторенной мною дорожке, в то время как мне приходилось продираться через такие дебри, по которым даже лось задумался бы пройти. Вот разве что... На ходу прикинув по звукам разделяющее нас с ребятами расстояние, я снова резко изменил свой маршрут, направившись к глубокому оврагу с обрывистыми берегами, который должен был быть тут, неподалеку, абсолютно незаметный в скрывающих его зарослях. С одной стороны, это было самоубийством – рискнуть скатиться в одну яму со своими преследователями, горящими желанием отметить меня до потери чувств. С другой стороны, скатываться-то можно было по-разному. И когда земля резко ушла у меня из-под ног, я этого уже ожидал. Сгруппировался, перекатился по верхнему краю склона, хватаясь руками за кусты и притормаживая. А вскоре и вовсе остановился, повис на одном из кустов, уже прикидывая, как бы обратно выбраться. После того, как лавина схлынет вниз... А лавина из матерящихся парней мимо меня прокатилась знатная! Они-то, в отличие от меня, не знали про затаившийся перед ними овраг! В итоге влетели в него с разгона, а были в своей амуниции куда тяжелее, чем я. Так что полетели кувырком, словно их кто-то специально раскручивал, только конечности в воздухе замелькали. Конечно, ребята тоже попытались как-то замедлить свое падение. Но кусты отказывались их держать, от приложенных к ним усилий просто выдираясь с корнями. Поэтому, несмотря на все свои попытки, катились ребята все быстрее, без остановок на самое дно, озвучивая при этом ситуацию так, что даже я открыл для себя пару новых словечек. Я, который иногда ухитрялся обогащать словарный запас самой Яги! Но радоваться или гордиться мне было некогда. Оказавшись на дне оврага, в чавкающей там грязи, ребята почти сразу профессионально восстановили свою боеготовность. И обнаружив виновника своих злоключений, то есть меня, все еще не выбравшимся на поверхность, тут же открыли по мне стрельбу из всех стволов, какие не успели выронить во время своих кувырков и не забили грязью. Одна пуля расщепила ветку у меня под рукой, едва не заставив меня сорваться, подкатившись к парням поближе. Вторая мне щеку песком обдала, впечатавшись в почву рядом с моим лицом. Но при этом обе пули меня так взбодрили, что у меня словно крылья выросли за спиной, так что третьей попытки снять меня со склона у парней не осталось. Я буквально вспорхнул по нему наверх – благо, и был недалеко от края. Ощувив под собой ровную поверхность, откатился подальше, не сразу решаясь встать. Прислушался. Судя по звукам, фора у меня будет невелика, потому что ребята уже карабкались наверх, и очень усердно. Что же оставалось делать мне самому? Главным сейчас было уйти из зоны их видимости (и слышимости, желательнее)! Так что овраг было некогда обегать. А раз так, то у меня оставались только два направления. Либо обратно в родной поселочек, откуда уже толпа сельчан должна переть на подмогу этим, что сейчас по оврагу карабкались, отплеываясь бранью и налетевшим в рот песком. Либо же в Веселовку.

Опять в эту Веселовку, где все мои злоключения развернулись в полную силу. Впрочем, туда мне и так, и эдак наведаться стоило. Нет, не ради того, чтобы с Раром разобраться, на это сейчас у меня вряд ли хватит силенок. Но нельзя было забывать, что оставался в этом поселке еще тот домишко, на который мне Ягусин бутылек успел указать, прежде чем его у меня сперли! Домишко, который я собирался посетить как раз перед тем, как отвлекся, увидев Ляшкины лохмотья на кустах. Почему этот дом показался бутылку достойным внимания, кто в нем жил? Стен или кто-то еще? И что я мог бы обнаружить там интересного сейчас, когда никто не ждал моего появления? На эти вопросы я пока ответить не мог. Но решил, что уже на месте сориентируюсь, когда погоня мне на пятки наступать не будет. А пока я просто припустил прочь, стараясь оставлять как можно меньше следов и производить как можно меньше шума.

Мысль о том, что я дурак, настигла меня прежде, чем я успел пересечь границы своего района. Нет, мама меня таким не рожала, я сам таким сделался! Размяк, надо думать, от гражданской жизни! А еще от недостатка сна в последнее время. Иначе чем бы можно было объяснить, что я, удачно отправивший в овраг одну партию спецназовцев, совершенно не подумал о том, что и другие здесь, в окрестностях, есть? В итоге я на них и наткнулся, удачно перед тем улизнув от погони на границах родного села. Больше ничего не опасаясь и на всех парах припустив в Веселовку, я опомнился лишь тогда, когда эти brave ребята предложили мне из засады притормозить и представиться. После чего несколько мгновений мы молча пялились друг на друга, оценивая ситуацию со всех сторон. А потом я резко развернулся и рванул прочь, успев-таки словить пушечную мне вдогонку пулю – не могли же амулеты Яги отводить их от меня до бесконечности! Хотя не могу сказать, что мне и в этот раз не повезло: пуля снова прошла по мне вскользь, и рана опять оказалась поверхностной. Но вот кровь мне на бегу никак не удавалось остановить! А по ее каплям, пусть и нечастым, мои преследователи неслись за мной, как по прорисованной мелом дорожке. Так что, отчаявшись стряхнуть их со следа, я в конце концов решился на крайние меры. Когда на моем пути возникло черное, качественно расцветенное омутами болото, я не стал его огибать. Нет, я вместо этого, почти не притормаживая, нырнул в самый что ни на есть глубокий омут. Надеюсь на то, что Расифайя, местная кикимора, не откажет мне в гостеприимстве, которым я, разумеется, не стану злоупотреблять.

Нырять в болотный омут – это та забава, на которую может отважиться лишь безумец. Или же тот, кто знаком с расположением воздушных тоннелей в болотных топях – кикиморы-то, вопреки расхожему мнению, не в самой трясине живут! Нет, у них под поверхностью и коридоры проложены, и целые комнаты есть. Только поди, угадай, где именно! Но мне не нужно было гадать, потому что я и раньше не раз бывал в Расифайиных апартаментах. Да, каюсь, именно с той целью, с которой одинокий и здоровый молодец вроде меня может наведаться к особи женского пола! Но я, смирившись с мыслью, что с Лагутой нам не бывать, пустился после этого во все тяжкие. Поэтому никогда не отказывался от возможности совершить еще один плотский грех, а хозяйка этого болота никогда не бывала против – почти все кикиморы те еще нимфоманки. А еще Расифайя была и мила в общении, и весьма симпатична.

– Вот те раз! Свалился! – насмешливо приветствовала она меня, полулежа в своей гостиной на изящном диванчике с томиком любовной поэзии. Я появился на пороге гостиной, размазывая по лицу черную болотную грязь, – все-таки не через парадный вход проходил! Замер в дверях и послал хозяйке воздушный поцелуй, не отважившись коснуться своими перепачканными губами ее изящных пальчиков. А потом спросил у нее без околичностей:

– Приютишь у себя ненадолго беглого преступника, преследуемого законом? Если нет, то я пошел, не стану тебя озадачивать.

– Иди! – согласилась она. И тут же уточнила: – К умывальнику. И верни мне там моего красивого мальчика, вместо этого чучела перепачканного... Сто лет про Расифайечку не вспоминал! – упрекнула она меня чуть позже, вручая мне полотенце. Сделала попытку обвить меня руками за торс, прижавшись потеснее, но я мягко пресек эту попытку, с нежностью похлопав ее по ручке, пытающейся скользить по моему телу. Напомнил:

– Я к тебе ненадолго. По моим следам спецназ аж из самой столицы пущен, так что... Как бы они и сюда нырнуть не отважились.

– Не нырнут, – фыркнула Расифайя. – Тоннели искать замучаются. Сейчас я небольшие водоворотики им наверху организую, чтобы у них даже искушения не возникло в мое болото соваться.

– Не надо! – попытался я ее остановить. – Это будет уже откровенное выступление против официальных сил. Так что мне бы только рану перевязать, а потом я ускользну, как будто ты и вовсе не при делах.

– Да пусть докажут, что просто все так не совпало, что я именно в этот момент уборку не затеяла, выкидывая мусор наверх.

- Расифайечка, остановись. Ты просто не понимаешь, насколько там у нас все серьезно закрутилось. Меня ведь даже в убийстве пытаются обвинить!

- Да знаю я все! - кикимора замутила-таки водовороты, принудив забулькать болотную жижу где-то возле поверхности, после чего сноровисто взялась меня перевязывать. Рана все еще кровоточила, из-за чего я уже полотенце кровью запачкал. Но Расифайя приложила к ней серебристый мох, сразу остановивший кровотечение. И, приматывая его бинтом, сообщила мне: - У нас тут свои информационные каналы есть, так что весь лесной народ уже в курсе ваших поселковых драм. Только наши скорее против официальных властей отважатся попереть, чем против Яги. А Яга свою позицию в отношении тебя четко обозначила! Кто тебе хоть какой-то вред причинит, тот ее личный враг! И Жажилин тоже, хоть это и не озвучивалось, но ведь и так любому понятно. Ну, а я еще и из личной симпатии тебе с удовольствием помогу. И по старой памяти, - закрепив готовую повязку, Расифайя снова попыталась ко мне прильнуть, но сама вдруг погасила на полпути свой порыв, после чего взглянула мне в лицо своими искристыми изумрудными глазками и спросила:

- Я слышала, ты жениться собрался?

- Кто?! Я?!

- Ну не я же! Женщины, знаешь ли, не женятся, а замуж выходят.

- А мужчины обычно бывают в курсе, если собираются семью создавать. Так что... откуда хоть ты это взяла? Яга тебе, что ли, такой ерунды нашептала?

- Как я тебе уже говорила, у лесного народа свои каналы, - ушла от ответа кикимора.

- Каналы... - проворчал я, пока Расифайя вела меня к столу, который успела накрыть, когда я мылся. Единственный «канал», который мне сейчас представлялся, имел привычку озвучивать такие вот новости, пуская вокруг себя солнечных зайчиков от золотого клыка, причем, даже в пасмурную погоду. Но на всякий случай я все же поинтересовался у своей собеседницы: - А что там еще, по вашим каналам, передают, кроме как о моей личной жизни? Ничего полезного?

- Полезного? Нет. Но по теме твоего расследования могу тебе кое-что рассказать, просто чтобы ты себе составил полную картину того, что сейчас происходит. Картина, скажу тебе, страшная вырисовывается.

- Расифайя! Хватит уже загадками говорить!

- Да не загадками вовсе. Просто, узнав, что население массово начало пропадать, старый леший из Темного бора рассказал, как однажды, много лет назад, филина у себя на территории подобрал. Тот тоже был похищен, таким же вот ловцом из параллельного мира. К счастью, тогда этот случай оказался единственным, а еще филин умудрился сбежать и вернуться домой. Но долго после этого не прожил! Изранен весь был, крылья изломаны. Но пока еще жизнь в нем теплилась, а леший его пытался выходить, он столько всего успел рассказать, что у лешака на всем теле волосы встали дыбом! Трой, это страшные миры! Те, откуда эти ловчие маги приходят! Ты даже представить себе не можешь: ведь там, где правят гуманоиды, все остальное население не просто игрушки, призванные хозяев своих ублажать! Нет, там их еще и для работ используют, для таких, куда гуманоиды сами не сунутся, потому что это смертельно опасно. И даже охотиться заставляют друг на друга, ты представляешь?! А еще... ты мне, может, и не поверишь сейчас... но некоторые виды даже поедаются гуманоидами! Те убивают наших, оказавшихся в их мирах, для того, чтобы их подавать на стол! И сколько бы в те миры ни переправляли населения из других миров, там все мало! Потому что те черные миры истощены до предела, так что земля там уже не родит и солнце едва светит. Из-за этого истощения даже маги, приходящие оттуда, выглядят настоящими чудовищами, потому что вся их энергия, которую они смогли накопить, уходит на чародейство, а на поддержание приличного внешнего вида уже ничего не остается. Оттуда и кожа у них синяя, говорят, и зубы гнилые. Но они это пытаются возместить, не только наших отсюда к себе утаскивая, но при этом еще и выхлебывая живую энергию других миров! По порции с каждой переправленной душой.

- Твой лешак из Темного бора просто из ума давно выжил, вот и несет всякую чушь! -

оборвал я Расифайю. Сделал это резче, чем мне самому бы хотелось, но уж больно жуткую картину она сумела нарисовать. Не миры, а сущие пепелища! А наши ведь сейчас были там. Мои волчары, чьи-то детишки, Гарюшенька... да и Ламадяй мне был не безразличен, потому что я уже привык видеть в дальнем углу кабака его вечно печальную морду с хронически обломанным рогом, без которой весь интерьер становился другим. А тут вдруг мне заявляют, что с ними со всеми могут сотворить что угодно! Ну, не сожрать, конечно, в это мой разум просто отказывался верить. Однако... не потому ли пришлый маг, если верить Лакнафу, так хорошо зарабатывает на отлове населения в нашем мире, что они, жители пятого измерения, каким-то образом действительно умудрились извести у себя все негуманоидные расы? И я просто боялся представить себе, как именно у них это вышло, и на что там действительно может быть похожа их земля.

- Да ты ешь давай, - вернула меня в реальность кикимора. - Не сиди застывшей статуей над столом, время тебя ждать не будет.

- Ты думаешь, мне кусок в горло полезет после всего, что ты мне тут нарасказывала? - я ковырнул мясистый речной плод на тарелке, отделяя от него хрустящую корочку. Поедать живых... Это же ужас, такое даже представить себе невозможно! У нас мясо выращивали на фермах путем биопереработки специальных злаков. А русалки имели свою технологию, наращивая на заброшенные удочки плотненькие и сочные белорозовые комки из каких-то водорослевых инфузорий. В обмен на тот товар, который рыбак им насаживал на крючок, так что рыбалка у нас превращалась порой в весьма азартное мероприятие, не столько в торги, сколько в игру, где клев зависел от русалочьего настроения.

- Если не полезет, значит, запихивай. Тебе силы сейчас нужны. Потому что кто, как не вы с Ягой, сможете остановить тот беспредел, который сейчас творится? Ну, а мы уж поможем, все те, у кого мозги не отсохли до такой степени, чтобы верить в возводимый на вас поклеп.

Я лишь благодарно кивнул кикиморе, все-таки заставив себя налечь на еду. Силы действительно были нужны! И бежать отсюда надо быстрее, распутывать весь этот клубок, пока с нашими и впрямь чего непоправимого не случилось в том чужеродном мире, в который их затащили. Уже на пороге, прощаясь с гостеприимной хозяйкой, я спросил:

- Кстати, ты не могла бы по своим лесным каналам Яге информацию передать? О том, что колдуна зовут Мородум, а проник он к нам из пятой параллели. Ей это очень важно было бы знать.

- Приложу все усилия! Но обещать ничего не могу. Дело в том, что Яга сейчас и от нас шифруется, потому что у нее целых три мага висят на хвосте. Говорят, из столицы присланных! А еще говорят, что их вообще было пятеро, да двое как-то самоликвидировались.

- Ага! - я только усмехнулся, вспомнив разговор, подслушанный мною у местного населения, о том, как это произошло. Быстро и глупо.

- Трой... - Расифайя-таки прильнула ко мне, эротично пройдясь по спине ладошками, прямо как в добрые старые времена. Но не успел я даже подумать о том, как бы мне остановить эту шалунью поделикатнее, как она сама от меня отстранилась. Взглянула на меня своими звездными изумрудами, провокационно сверкнувшими в полумраке прихожей. И вместо того, чтобы пожелать мне удачи, неожиданно спросила: - А что, эта девушка и в самом деле всерьез тебя зацепила?

- Когда Яге будешь про колдуна и миры передавать, добавь еще, чтоб она на глаза мне не попадалась, если не прекратит сплетни вокруг себя рассыпать! - ответил я мрачно и веско. Чем вызвал только серебристый смех Расифайи, наконец-то догадавшейся пожелать мне счастья в пути. И открывшей передо мной дверцу одного из своих запасных выходов, чтобы я повторно весь тиной не перемазался.

Выбрался я из-под раскидистой старой коряги на другом конце болота. Прислушался. Спецназовцев отсюда не было слышно, лишь вдалеке их фигуры маячили черными точками. Ясное дело, они не поверили в то, что я утопился, желая от них сбежать, и, не

зная о наших отношениях с Расифайей, теперь просто искали, где бы я мог выплыть после своего прыжка. Так что рано или поздно дойдут и до этого места, найдут здесь мои следы. Не желая ускорять эти события, я незаметно отполз от болота до первых лесных кустов. И продолжил свой путь в Веселовку, только на этот раз с оглядкой. Хоть здесь-то, вроде, уже и не ожидают моего появления, следовательно, и засады не должны устраивать, но чем не шутит черт. Рогатый бабкин ночной кошмар, которого она решила бояться, потому что, видите ли, захотелось ей тоже иметь свою маленькую женскую слабость. При мысли о Яге я несколько раз вздохнул. Вначале ностальгически – как она там сейчас? Потом безнадежно – эту хроническую сваху уже ничто не исправит. А потом и раздраженно: да сколько уже можно вообще?! Еще и слухи теперь всякие взялась распускать, надо думать, затем, чтобы мои старые подружки больше не пытались на меня посягать. Как будто я и сам не умею проявлять инициативу! Тут я снова вздохнул. Аланая, лапушка! Милая девчонка и верный друг! Наверное, ты и в самом деле чем-то меня зацепила, потому что я искренне тебе счастья желаю. И хорошего мужа – следовательно, такого, который и близко не был бы похож на меня. Не желая больше развивать эту тему, я, сделавший себе самоотвод в качестве жениха, задумался над тем, почему же колдуняра при своих похищениях так тщательно отсеивает гуманоидов. Яга уже обращала на это мое внимание, но тогда у меня не было времени над этим задуматься. А вот теперь, да после беседы с Расифайей, этот вопрос навел меня на очень нехорошие мысли. В мире, где властвуют гуманоиды, новые гуманоиды не нужны? Что у них там, перенаселение? Или колдуняра готов идти на любые трудности, чтобы уже здесь избавиться от нашего брата, потому что в их мире есть некое психологическое табу, не позволяющее причинять вред себе подобным? По крайней мере, напрямую и голыми руками. Но что же тогда насчет других видов, негуманоидных? Выходит, что с ними и в самом деле творят, что хотят, раз берутся переправлять в неограниченном количестве?! Да еще и за деньги? Ни друзей, ни соседей не покупают. Тогда кого?! Я вспомнил те списки, что Стеша мне передала. Имен там было немало! А еще, вспомнил я, Лакнаф со Стеном именно меня обвиняют в их исчезновении. Не только тех, кто пропал из нашего поселка, а всех! При таком раскладе неудивительно, что сюда прислали спецназ! И что эти очень сердитые ребята изо всех сил теперь пытаются меня изловить. Это означало, что мне надо быть теперь вдвойне осторожным. И не расслабляться, потому что сейчас я пытаюсь проникнуть на территорию еще одного своего потенциального недруга. И даже убийцы, если верить словам Лакнафа. Но тут меня с новой силой одолели прежние сомнения. Пар! Мог ли он тоже входить в эту шайку похитителей? Ведь должен был, если действовал с ними заодно, когда с Ляшкой меня подставлял. В общем, чем дальше это дело продвигалось, тем паршивее выглядело! И я даже представить боялся, что там еще всплывет по его окончании. Впрочем, лишь бы уже закончилось, а там будет видно.

При виде дома, к которому я добрался уже в сумерках, потому что ради восстановления сил позволил себе пару часов вздремнуть в лесном тайнике, у меня снова что-то шевельнулось внутри. Прямо как тогда, когда я в первый раз в Веселовку пришел, тогда мне на этот дом бабкин бутылек указал. То ли какое-то предчувствие у меня возникло, то ли в самом деле интуиция сработала – поди, угадай, если время на это есть. У меня лично времени на разгадывание загадок не было, так что я озадачился более насущными вопросами: кто здесь вообще живет? И дома ли они сейчас? Свет в окнах не горел, но это еще ничего не значило.

Почти тенью, ненамного хуже, чем бабка сквозь печную трубу, я проскользнул в незнакомый двор, не забыв изучить висящую на заборе табличку с адресом. Цветочная улица, дом 6. Да уж... Цветочные улицы есть практически в каждом поселке, название-то красивое. Но у кого как, а у меня на участке эта улица цветами не благоухает, зато там собрался почти весь криминальный «цвет» нашего поселка, от картежников до потенциальных убийц. В Веселовке, судя по этому дому, Цветочная улица могла стать родной сестрой своей тезки с моего участка. Посмотрим! Я прокрался по двору, попутно изучая его. По всем признакам, жил здесь явно гуманоид. Это меня несколько не удивило: если дом был как-то связан с черным колдуном из иного мира, то иначе и быть не могло. Потому что, сталкиваясь с гнусными помощниками этого чародея, я уже понял, что никого, кроме гуманоидов, среди них нет. То ли ему кастовая гордыня не позволяет до всех остальных снисходить, то ли эти остальные и сами не стали бы ему ни за что помогать, как только поняли бы, чем он занимается в нашем мире. И тут я подумал, что все-таки вряд ли Рар может быть с колдуном заодно, именно вот по этой причине: хоть он сам и гуманоид, но в лучших друзьях у него два медведя. И, насколько мне по слухам известно, дружба у них не менее крепкая, чем у меня с моими волчарами. А я за своих корешей любому глотку бы порвал, если бы мне только заикнулись про такое вот видовое вредительство.

С этими мыслями я тихонько подобрался к одному из окон, послушал под ним, надеясь что-то уловить через закрытые рамы – как я успел убедиться, открытых окон в доме не наблюдалось. А через закрытые я так и не смог поймать ни единого звука, поэтому осмелел, подкравшись уже к двери. Обнаружил, что она заперта на двусторонний замок. Отпер его своими средствами, без особых усилий и угрызений совести, и прокрался в дом, не исключая возможности, что хозяйева все-таки дома, только изнутри заперлись. И как только оказался в первой же комнате, так сразу понял, что с колдуном этот дом, прямо или косвенно, но связан без всяких сомнений. Как я это понял? А по знакомому запаху! Точнее, по зловонию, эксклюзивно сотворенному моей дамой Ягой. По тому самому, которым она так ловко сдобрила обнаруженную мною транспереходную зону. Спутать его ни с чем было невозможно, как и забыть! Здесь, правда, эта вонь ощущалась намного слабее – этакий мерзкий душок. Но ее все равно хватило, чтобы выкурить хозяев из дома. Поняв, что они ушли ночевать в менее зловонное место, я осмелел. И, искривляя от отвращения свою лицевую часть, начал тут все прицельно обнюхивать. Ведь для того, чтобы тут что-то смердело, оно для начала должно было как минимум в руках у колдуна побывать, и не раньше того, как моя Яга его своим «одеколончиком» окатила. Значит, это что-то могло играть в нашем мире важную роль... Теряя аппетит на неделю вперед, я исследовал одну комнату, вернулся в прихожую и оттуда перешел ко второй. Вонь усилилась, вселяя в меня надежду на успех моих поисков. На последних шагах к тумбочке я уже точно знал, что иду в правильном направлении! А потом увидел ни много, ни мало – Дафов браслет! Как он здесь мог очутиться? Не знаю, но точно, его это вещь! Я в свое время по жалобам населения даже расследование на ее счет проводил. Браслет был сделан из черенных металлических пластин с впаянным в них орнаментом из клыков. Завистники не раз предлагали Дафу продать им сие украшение, которое почему-то очень нравилось практически всем преступным элементам района. Даф упорно отказывался, и тогда одержимые завистью элементы накатали мне заявление, чтобы я, мол, проверил происхождение браслета на криминальность. Сам Даф всенародно клялся в кабаке, что браслет сделан из зубов его любимой тещи, которые он копил, понемножку выбивая их из пасти своей «второй мамы» во время скандалов, аналогичных тому, при котором мы с ним познакомились. Действительность оказалась куда прозаичнее: затерроризированный женой и тещей, Дафнис просто подлизался к знакомому городскому стоматологу, и тот снабдил его полимерными зубными имплантами, которые отбраковал во время работы. И, оправив их в браслет,

Даф с тех пор тешил себя мечтами, а население – рассказами о суровой расправе над своими бабами, ведь все равно ему ничего другого не оставалось, потому что ни Хлойку, ни ее мать он никогда бы даже пальцем не тронул. Но я эту его тайну никому не выдал, пусть тешится парень. Впрочем, кто хоть раз видел зловещую улыбку его тещи, тот и сам поймет, что она на браслет ни единого зуба ему не пожертвовала.

Дивясь наглости колдуна, которому украшение, видимо, тоже приглянулось, я тут же его схватил. Подумав, вымыл с мылом, чтобы вонь устранить, потом спрятал в карман: если не сумею его Дафу вернуть, так лучше уничтожу, чем в чужие руки отдам. Потом наклонился и поднял тот предмет, который лежал под браслетом и на пол упал, зацепившись за него. Повертел в руках. Какой-то странный мешочек, будто из черного бархата сделан и затянут шнурком на манер кисета. Судя по исходящей от него вони, он тоже успел у колдуна в руках побывать. Но зачем его здесь оставили? В этом пустом доме, куда никто посторонний не должен был сунуться? Что с его помощью задумали проверить? И с браслетом тоже? То ли меня еще раз подставить хотят, то ли на Дафа теперь решили какой-нибудь гнусный поклеп возвести в нашем мире, использовав для этого вещь, которая несколько лет всем на обозрение красовалась на нем. Интересно, а как ее с хозяина сняли, если сам он наверняка был против?! Какими способами?! Эта мысль меня пронзила так болезненно, что я даже мешочек выронил из рук. И, снова наклоняясь за ним, вдруг заметил стоящий в дверном проеме черный силуэт. Мешочек я все-таки поднял, но уже не отрывая взгляд от вошедшего: как это он здесь так неожиданно появился? И что теперь собирается делать? И именно это мое наклонное положение, пока я не разогнулся, позволило мне сразу понять, с кем я имею дело: из-под свисающего на лицо капюшона на меня сверкнули красным глаза. Понятно! Этот способен и сквозь закрытую дверь пройти, так что я действительно мог его не услышать. Но и он меня здесь обнаружить явно не рассчитывал! Выпрямившись, я уставился на него, тоже застывшего от неожиданности. Неприятный это был тип! Лицо с каким-то синюшным трупным оттенком, пятна по коже. Ну, и исходило от него (кроме вони, разумеется) что-то такое зловещее, что у меня пусть не шерсть вздыбилась, за неимением оной, но волосы на затылке ошутимо зашевелились.

– Приветик! – заговорил я, стараясь скрыть охватившую меня жуть за звучанием собственного голоса. – Что ж ты жилье без присмотра бросаешь? Защитный контур надо ставить... получше, – тут же добавил я, заметив промелькнувшее на чародейской морде изумление. Что, ставил?! Так это как же я тогда через него прошел?! Выходит, и тут меня Ягусины амулеты сберегли? Ай да Яга, ай да ты моя дама! Встречу – расцелую, сразу после того скандала, который собирался ей учинить! А пока... Пока я понял, что выйти отсюда мне будет гораздо сложнее, чем я вошел, если вообще удастся.

Узловатые и кривые пальцы колдуна очертили ярким сиянием, и губы призрачно сверкнули в подобии зловещей усмешки. Красный свет его глаз, невидимых из-под капюшона, озарил его синюшные щеки. Я, честно говоря, растерялся. Бежать было некуда: через узкое закрытое окно быстро не получится, а в дверях стоял чародей. И знать бы еще, что он там со мной собирается сделать... Но колдун вдруг отказался от своих намерений. Заметно вздрогнул и отшатнулся от меня, а энергия с его пальцев, поменяв траекторию, электрическими дугами ударила в пол. От досок пола потянуло дымком, но колдуняра этого словно бы и не заметил. Взгляд его, насколько я мог судить по наклону головы, был устремлен мне на грудь. И, насколько я помнил уровень расположения навешанных на меня бабкиных цапек, как раз на тот самый амулет от поноса, который меня поначалу так рассердил. Что ж в нем такого было-то, а?! Или колдун опознал его как-то не так? Я не стал озадачиваться этим вопросом, а, пользуясь недолгим замешательством колдуна, подключил к бабкиным методам борьбы с нечистью свои собственные. Иными словами, попросту в морду колдуну зарядил! И вот зря все-таки Яга наговаривает, что в магии ничего таким способом не добьешься! Получив мой апперкот прямо в челюсть, колдун отлетел к стене, освободив мне проход, как самый обычный смертный. Окрыленный результатом, я дернулся было, чтоб тут же его и связать заодно, но вовремя остановился, заметив, как чародейское тело начало зловещую трансформацию, как будто растекаясь и принимая уже совершенно другие очертания. Я не стал выяснять, какие именно, а, пользуясь тем, что выход свободен, благоразумно кинулся прочь. Со двора и вообще из Веселовки, сильно подозревая, что сейчас колдун, которому не удалось меня захватить, через своих приспешников поднимет тревогу.

Путая следы, я на приличной скорости снова углубился в один из лесов – это для

горожан они одной массой выглядят, а лешаки их различают, как будто каждый участок леса огорожен забором. Уже в чаще, основательно выдохнувшись, я сбавил скорость, а потом и вовсе остановился, чтобы отдышаться и подумать. Ну и жизнь у меня в последнее время! Точно не задалась! Только и делаю, что бегаю, как конь молодой, которому некуда энергию сбрасывать. Но, надо признать, кое-чего этой беготней все-таки потихонечку добиваюсь. Раздобытый мешочек я решил сохранить, не раскрывая, и бабке при встрече отдать. Пусть она с ним сама разбирается, она-то специалист. Как там у нее, интересно, вообще дела идут? И сумеет ли Расифайя передать ей мое сообщение? Эх, жаль, овечки сейчас не было рядом! А то можно было бы и ее попросить, чтобы переслала информацию, только не бабке, а ее дочке, живущей в городе. Насколько я знаю, у матери с дочкой есть какая-то особая родственная связь, помимо традиционной, так что сообщение на этом бы не остановилось, дошло бы до адресата. Найти же младшую Ягу не составило бы труда, ее магический салон в нашем регионе весьма популярен, да и фамилия знатная. Я, кстати, был очень удивлен, когда вдруг узнал, что Яга – это вовсе не имя и даже не прозвище, а самая настоящая фамилия, даже каких-то дворянских кровей. Узнал я об этом совершенно случайно, когда документы на избушку старшей Яги оформлял. Там же, в официальных документах, я ее имя прочел, после чего она мне мило улыбнулась и попросила его забыть: что-то там у них, у чародеев, связано с именами важное. Я не стал выяснять, что именно, а просто пообещал ей, что от меня ее имени точно никто не услышит, и с тех пор держал свое обещание. Но, вспомнив сейчас об этом, вдвойне уверился, что имя Мородум моей Ягусе много чего бы дало. Надо с ней любимыми путями связаться!

Мои раздумья прервала тень, мелькнувшая над кронами деревьев. Я бы ее и не заметил, если бы не академия и не мое участие в ночных марш-бросках. Но, натасканный там на совесть, я быстро засек сиюминутное искажение лунного света, отдельными прозрачными лучами проникающего сквозь листву. Вжался в древесный ствол, сливаясь с пейзажем. А в следующую минуту увидел, как сверху, в просвет между деревьями, пикирует крупная птица. Дневная, суда по прибору ночного видения на ее голове. Сокол! Приземлился, сложил крылья и позвал меня, оглядываясь по сторонам:

– Трой!

По голосу я узнал Кима. И не успел еще решить, что мне делать, как Ким снова заговорил:

– Выходи! Времени нет на прятки! Я знаю, что ты где-то здесь.

– Сквозь деревья сверху видел? – поддел я его, отлипая от ствола.

– Знакомая сова подсказала, где тебя искать. Радуйся, что мне, а не спецназу, – буркнул Ким. – А то бы давно ты уже не гулял на свободе, если б у тебя в этом районе совсем друзей не осталось, верящих, что ты не виноват.

– Значит, ты здесь как друг? – уточнил я.

– Нет, блин, просто среди ночи ветки над лесом посшибать захотелось, – фыркнул он. Потом принялся, ловя воздух своим загнутым носом и поинтересовался: – Ты откуда идешь-то? Сортиры недавно чистил?

– Хуже, с говнюком разбирался, – мрачно ответил я, дав себе слово при первой же возможности выстирать добытый мною кисет. А то сам-то я уже как-то принялся, зато любой повстречавшийся мне будет не в восторге. – И раз уж о нем речь зашла... ты, как представитель воздушного патруля, не знаешь, кто живет в Веселовке, в доме номер шесть по Цветочной улице?

– Вроде, бабка Моза с внучком.

– Они гуманоиды?

– Да.

Ну, конечно! Снова гуманоиды! Сказать сейчас Киму, в чем жильцы этого дома замешаны? Нет, наверное, не стоит. А то новости до Рара дойдут, он туда может сунуться, если не участвует в сговоре, и здорово пострадать, потому что с колдуном ему

своими силами точно будет не справиться. Как бы тогда не вышло, что я послал Раю на верную смерть! Да и с жильцами самого дома не все еще ясно. У меня в голове не укладывалось, как могли взяться за такое черное дело, как помощь чародею, пожилая женщина и ее внук... сколько ему там может быть лет? И кстати, о пожилых женщинах...

- Ким, ты не мог бы при случае Яге информацию скинуть? Колдуна зовут Мородум, и пришел он из пятой параллели. Просто передай, если сможешь, Яга поймет.

- Хорошо. И сам постараюсь, и попрошу, кого можно. А теперь ты меня слушай. Недавно из города прислали еще две группы захвата, это только в наш поселок. В другие поселки тоже прибыли военные, и все эти ребята настроены очень серьезно. Они собираются весь уездный район обложить. С утра здесь не то, что ты - мышшь не проскочит! А если тебя схватят, то вряд ли оставят в живых. Стеша на закате слышала странный разговор между Лакнафом и еще каким-то незнакомым ей типом в военной форме. Они как раз и обсуждали, как бы тебя убрать, чтобы ты в случае поимки не дожид до допроса. Так что, Трой, беги ты отсюда, пока еще не поздно. В третьем квадрате Веселовского района, в углу двух лесов, стоит заброшенная ветками машина. Судя по номерам, это то самое такси, на котором твоих волчар похитили. Я ее нашел, но тебе уже не успел об этом сообщить, потому что тут как раз началась вся заваруха. Бери эту машину, разблокируй ее и уезжай!

- Куда? - поинтересовался я чисто символически.

- Подальше! С божьей помощью, тут и без тебя разберутся, и мы со Стешей тоже в этом примем участие. Вот тогда и объявишься, а пока схоронись.

- Пока я буду где-то отсиживаться, здесь все может пойти наперекосяк. Невинные пострадают, заваривший все иномирский колдуняра еще наворотит дел. Яга останется без силовой поддержки. И, несмотря на ваши старания, все равно не факт, что меня при расследовании отмоют, а не окончательно утопят в дерьме.

- Не факт, - вынужден был согласиться Ким.

- Ну, а я такую цену за свою жизнь платить не согласен, лучше пусть убьют.

- Не много ли тогда трупов будет, на один-то наш поселок? Льяшки уже нет, ты тут теперь напрашиваешься, да еще Дадона сегодня чуть не убили еноты.

- Что?!

- Ну да, а ты что, не успел об этом узнать? После того, как он к себе в дом созвал соседей, тебя ловить, Лерож нашел у него в выпавшем ящичке стола лоскутки от Льяшкиного последнего платья. Ну, тут еноты и решили, что Дадон тоже к убийству причастен, раз шел по следам на ее последнем пути - иначе откуда эти лоскутки бы взялись? Вот всей толпой на него и набросились! Тебя-то теперь нет на рабочем месте, некому порядок поддерживать. Так что Дадону еще повезло, что спецназ оказался рядом и решил вмешаться, разнял дерущихся. А самого Дадона, изрядно помятого, до выяснения обстоятельств упекли в твое КПЗ,

- Вот это новость! - выдохнул я. Было, над чем задуматься! И желая, чтобы меня никто не отвлекал от этого дела, я кивнул соколу: - Ким, спасибо тебе за все! Ты сообщил мне очень важную информацию! Даже сам не представляешь, насколько! Ну, и про машину я тоже буду иметь ввиду.

- Главное, не упusti возможность до нее добраться, - предупредил меня сокол на прощание и взмыл в ночное небо.

Я решил, что не упущу. Прямо сейчас туда доберусь, благо, это недалеко. Оценю рабочее состояние машинки и, если она на ходу, то перегоню ее поближе к тому месту, где она мне действительно может понадобиться. В район, который спецназовцы уже обыскивали, а значит, без веской причины еще раз туда сунуться не должны. Ну, и замаскирую ее понадежнее, чтобы даже соколы не сразу сверху смогли разглядеть - не все же они, как Ким, на моей стороне, наверняка ведь есть особи и с другой точкой зрения. Да, и совы еще... Ночной народ, про который многие вообще забывают. А они и летают бесшумно, и видят в темноте прекрасно без всяких приборов. Теперь, когда Ким

мне о них напомнил, я старался идти как можно незаметнее, не создавая лишнего шума и не появляясь на открытых пространствах даже там, где, казалось бы, в это время вообще не должно быть ни души. Но при этом успевал еще и думать! Что там Ким мне сообщил? Что Лерож нашел лоскутки в *выпавшем* ящике стола? А точно ли в выпавшем? Как это могло случиться? Если мне память не изменяет, лично я этот ящик с лоскутками вытягивал с немалым трудом! Потом точно помню, что закрыл его, добавив к лоскуткам Дадона те, что у меня были. Так как же ящик выпасть-то мог?! Или кто-то его специально вытянул, чтобы набежавшие в дом еноты смогли увидеть злополучные лоскутки у Дадона? Но тогда выходит, что его тоже подставляют? Что не на автопилоте он принес их домой и сунул в стол после того, как Ляшку свел в Веселовку, а кто-то другой ему их подбросил, чтобы все думали, что так оно и было? Но кто это мог сделать? Лакнаф? А сам-то он откуда их взял? И главное, стал бы он два дня с такой уликой в кармане ходить? Я, конечно, допустил аналогичную глупость, тоже не очистив свои карманы вовремя, но там обстоятельства так совпали, что мне, умирающему, стало не до лоскутков. А он, все планировавший на холодную голову, мог ли про них забыть? Да еще ни разу с ними не засветился? Даже когда ему зад кипятком обварили, и штаны наверняка пришлось снимать, чтобы подлечить пострадавшее место? Неужели даже при этом ни один лоскуток из кармана не выпал? Нет, как-то мне в это не верилось! Так же, как в то, что у Лакнафа хватило ума подсунуть лоскутки именно Дадону, который оказал ему гостеприимство. Как-то все слишком уж примитивно получается! Но что же тогда из всего этого выходит? По-моему, получалось, что Дадон ни в чем не виноват, а подставить его пытается тот самый субъект, который в нашем поселке действительно работает на чародея. То ли этот субъект выбрал себе жертву для подставы, исходя из личной неприязни, то ли потому, что Дадон тоже умудрился чем-то колдуну помешать. Но чем? И кто физически мог ему эти лоскутки дурацкие подсунуть? Кто вокруг его дома крутился в последнее время, кто внутрь заходил еще до того, как он к себе Лакнафа привел? Эх, надо бы мне с Дадоном побеседовать на эту тему! Ким сказал, что он пока сидит в моем КПЗ? Прекрасно! Потому что у кого как, а лично на моем участке КПЗ-то с секретом! Я его специально так обустраивал, чтобы в иные злополучные дни не сражаться с целой толпой, уже назначившей себе виновного в каком-то очередном происшествии, а, имея на это дело свою точку зрения, демонстративно посадить такого бедолагу под замок. А потом незаметно выпустить его через потайной ход с другой стороны, пока злая и пьяная толпа караулила дверь, решая для себя, а не выломать ли ее, чтобы устроить самосуд. Так я несколько раз ухитрялся избегать серьезного кровопролития, дура пьяным погромщикам их и без того дурные головы. К счастью, в последнее время у меня такое случалось все реже. Про потайной ход тоже мало кто стал бы болтать, из тех, у кого был повод им воспользоваться. Так что у меня были шансы увидеться с Дадоном! Если только я смогу пробраться к себе в поселок. Пока же, чтобы не заявлять о себе издали бабкиной вонью, я остановился у небольшого пруда, попавшегося мне на пути и, вытащив чародейский кисет, тщательно прополоскал его. Это я не подумав сделал! Потому что даже отжать его не успел, как по всему периметру водоема на берег полезли возмущенные лягушки! Как же они красиво меня материли! На разные голоса, но в то же время очень слаженным хором! Если в текст не вникать, то слушал бы их песни и слушал! Но надо было спешить.

- Извините! - буркнул я, тщательно меняя голос: на мое счастье, меня самого лягушки в темноте не могли разглядеть, только мой черный силуэт. Конечно, мои извинения мало чем помогли жителям пруда, разбуженным среди ночи и изгнанным из своих постелей пусть уже и не сильной, но крайне неприятной вонью, но ничего большего я сделать все равно не мог. Так что сорвался с места и припустил прочь, слушая, как многоголосая брань в красивом исполнении лягушек стихает вдали. Когда их вообще не стало слышно, я остановился, наконец-то отжал кисет. И, оглядевшись по сторонам, приступил к поиску машины, которая должна была быть где-то недалеко.

Третий квадрат Веселовского района, угол двух лесов. Я хорошо знал карты наших районов, так что вскоре был в нужном мне месте. И принялся его методично прочесывать, помня о том, что машина замаскирована. Лунного света мне вполне хватило на то, чтобы обнаружить едва заметную полоску травы, примятой колесами несколько дней назад. Не будь трава сейчас такой высокой и сочной, ни следа бы на ней уже не осталось. Но мне повезло, и я пошел по этой едва обозначенной дорожке. До кромки леса, до шалаша из набросанных веток. И, уловив из-за них лунный блик, отраженный ветровым стеклом, понял, что я на месте. Следующей моей мыслью, когда я обнаружил машину, было, что Ким решил мне все-таки не помочь, а подставить меня, заманив в ловушку: я заметил в салоне тень, которой там не должно было быть. Неподвижную, но явно принадлежащую живому существу. Однако не успел я еще определиться со своими дальнейшими действиями, как меня окликнули из салона через приоткрытое окошко:

- Трой! Это я!

- Аланая?! - вот уж такой подставы я от сокола точно не ожидал! Но выстроить весь этот план мог только он, направивший меня к найденной машине. Честное слово, уж лучше б спецназу сдать, чем девчонке! С теми я еще смог бы разобраться и избавиться себя от их общества, не ограничиваясь при этом в средствах и способах действия. А с Аланай у меня одна только мысль мелькнула: трусливо нырнуть в кусты, пока она не успела ко мне подойти. Но и это уже было поздно: выпорхнувшая из машины девчонка резко ускорила, в следующий миг повиснув у меня на шее.

- И как это понимать? - спросил я как можно строже, сделав над собой усилие, чтобы не ответить на ее порыв. - Ты где сейчас должна быть?!

- Где должна, там и есть!

- Ты должна быть дома, у родни! В светлице, у окошка сидеть. А не болтаться по ночам неизвестно где, рискуя черт-те на кого нарваться в это смутное время, да еще и в компании с объявленными вне закона элементами!

- А я не болтаюсь! Я пытаюсь тебе помочь, чем могу! - с вызовом ответили мне, тем не менее продолжая меня обнимать.

- Да? Ну давай, помогай! - скептически хмыкнул я, осторожно разжимая обвивавшие меня нежные ручки.

- Да легко! - ничуть не смутилась девчонка. - Машина на ходу, я проверила! И код доступа успела к ней подобрать, хотя до меня тут с кодовым ключом уже ковырялись. Какие-то три типа, они еще бочонок загрузили в багажник. Судя по запаху, с молочными орехами, но явно ворованный, потому что как услышали меня, так ломанулись прочь отсюда подальше.

- Значит, надо машину быстрее отсюда перегонять, потому что эти доставшегося им добра так просто не бросят, выждут и вернуться, - сориентировался я, хорошо зная характеры преступной троицы. А в том, что здесь побывали именно Лап, Гик и Форс, я понял, сразу узнав продемонстрированный мне бочонок. Не стал его выгружать, решив, что вначале увезу куда подальше, из вредности, а там уж схороню. И если будет возможность, то даже верну потом хозяину. А пока я захлопнул багажник и хотел побыстрому взломать навигатор, чтобы снять с него показания, чего Аланая сделать не догадалась, не зная историю этого такси. Но она предложила мне заняться этим в пути, если я ей позволю сесть за руль. Я позволил, потому что время было дорого. И, уверившись, что машину она водит совсем неплохо, даже по ночному бездорожью, принялся бегло изучать на навигаторе последний маршрут, перед тем грубо разворотив это казенное имущество. Маршрут, на котором пропали четверо моих лучших друзей.

Кое-что мне это изучение дало. Во-первых, я понял, наконец, что побудило колдуна в поисках волков обратиться за помощью не к своему сообщнику в нашем поселке, а именно к Тарюшеньке, живущей на окраине: в то время машина уже была у него, и он ее лишней раз светить не хотел, раскатывая на ней где ни попадя, да еще и в самое

неподходящее для этого вечернее время. Такси ведь – это тебе не частное авто, тут могут и незваные пассажиры на голову свалиться. Причем, нетрезвые, очень назойливые и из гуманоидов, которых колдун старается избегать. Ну, а во-вторых, я отметил для себя в маршруте место длительной стоянки, случившейся уже после того, как волки сели в салон: наверное, именно там должна находиться одна из транспереходных зон, потому что здесь, где такси было брошено, ее вряд ли стоило искать. Запомнив нужные координаты, я обратился к Алане:

– Ну все, давай теперь местами меняться.

– А я тебя чем-то не устраиваю? – девчонка, кажется, вздумала на меня за это обидеться.

– Всем устраиваешь, – терпеливо ответил я, пока она продолжила выжимать газ. – Но только не сейчас! Я эту местность знаю как свои пять пальцев, в отличие от тебя. Ну и потом, думаю, что экстремальным вождением владею все-таки лучше твоего.

– Потому что ты мужчина, да? – вскинулась эта эмансипированная вредина, все-таки притормаживая.

Мне из вежливости полагалось уйти в отказ, но ни время, ни обстоятельства к этому не располагали, поэтому я нагло заявил:

– Да! Так что давай, выковыривайся из кресла... И имей в виду, что я тебя в эту машину посадил вообще лишь потому, что хочу подбросить поближе к поселку, – добавил я, когда она, возмущенно фыркая, все-таки послушно перебралась на пассажирское сидение. – Там ты выйдешь и без споров пойдешь домой. Уяснила?

– А ты?! – она аж взвилась от моих слов. И с вызовом, ехидно так спросила: – Поедешь искать очередную горячую самочку, которая снова плечи тебе расцарапает?!

– Я поеду искать приключений на свою задницу. Незваных, неожиданных, но неизбежных, – несмотря на мою невеселую ситуацию, мне стоило усилий сдержать усмешку, когда в свете приборов я заметил рдеющие Аланайны щеки. Потом я уточнил: – А если тебя так сплетни про самочку зацепили, так знай, что на самом деле это был кот! Полосатый бабкин неврастеник, который не мог усидеть спокойно, пока я тащил его на своем хребте через лес, уходя от погони.

– Ничего меня не зацепили никакие сплетни! – девчонка еще больше смутилась. – И где он сейчас, этот кот?

Хорошо хоть про штаны ни звука! Вспомнить-то, конечно, вспомнила, но, наверное, постеснялась спросить, ограничившись Васькой как промежуточным звеном.

– Утопил я его. В болоте, – мечтательно выдал я, как никогда теперь понимая Дафа с его браслетом, тоже не отказывающего себе в удовольствии помечтать.

– Врешь, ты не мог этого сделать.

– Я много чего могу, – заверил я, покосившись на девчонку. – Так что не советую испытывать мое терпение попусту. Вон, фонари уже мерцают на горизонте. Значит, скоро будем в поселке. И ты будешь пайнкой, сделав все так, как я тебе сказал.

– Я не уйду! – упрямо сказала Аланая, глядя прямо перед собой.

– Утоплю рядом с Васькой! – пригрозил я. Потом, уже более серьезно, начал ей объяснять – Да пойми ты, наконец, что мы тут не в игры играем! Вот даже сейчас, пока мы едем, в любую секунду откуда-нибудь из засады может выскочить спецназ и дать по нам очередь из автомата! – тут я, конечно, преувеличивал, не стали бы они палить без разбора во всех припозднившихся путешественников, особенно в такси. Но как-то же надо было донести до девчонки, насколько она рискует. Однако у меня не получилось ее запугать.

– Рядом с гражданским лицом они будут к тебе осторожнее подбираться, – возразила она. – А попасть одинаково могут, как в меня, так и в тебя! Но ты же рискуешь?

– У меня выбора нет.

- Будем считать, что и у меня тоже нет. Я буду рядом! Если что, ты сможешь меня, например, в заложницы взять, как мы с бабушкой делали.

- Именно с тобой эта шуточка уже не прокатит, второй раз они точно заподозрят неладное. Так что... - подъехав к окраине поселка, я перегнулся через сидение и распахнул перед девчонкой дверь. И так как она продолжала упрямо сидеть на месте, просто взмолился: - Аланая, ну я тебя прошу, выходи! Ты понимаешь, что, если ты останешься со мной, то в случае какой-то непредвиденной ситуации мне придется не только самому спастись, но и следить за тем, как бы ты при этом не пострадала?

- Я не стану тебе обузой, я много чего могу! - поскольку я продолжал держать дверь, чтобы она, упаси Перун, не закрылась раньше времени, Аланая умоляюще посмотрела мне в глаза: - Ну пожалуйста, Трой!

- Павлик! - поправил я.

Однако девчонка, кажется, истолковала это не как поправку, а как напоминание о женихе. Прямо вспыхнула вся от возмущения! Но я быстро погасил ее пыл, сообщив:

- Ну вот, дождались! Патруль идет с проверкой. Спецназ.

Серые тени, бесшумно передвигающиеся в темноте. Они не крались к неизвестной машине, а просто следовали выработанной годами привычке: приближаться к вызвавшему подозрение объекту, не выдавая себя ничем, пока объект их сам не заметит. Но у меня на таких глаз был наметан еще во время военных учений: бывшие коллеги все-таки. Поэтому заметил я их издалека, а Аланая просто поверила мне на слово. Побледнела, шлепнула меня по руке, все-таки закрывая дверь не с той стороны, с какой было нужно, и скомандовала:

- Поехали дальше, пока они не успели нас рассмотреть! Это обычное такси! Если мы сейчас двинемся в поселок, а не из него, они не станут нас догонять.

- Только по связи передадут нас другим патрулям, - уточнил я, уже уезжая конкретно от этого патруля, и именно в поселок - тут мое мнение совпадало с Аланаиным.

Но парней в камуфляже явно стало больше, чем было еще с утра, так что вторая встреча была не за горами. А я, возможно, влип так, что теперь только чудом сумею выбраться. Если сумею. Однако Аланая в этом не винил. Хотя не подъехал бы к поселку на машине, если бы не она, но это было мое решение. Просто я не мог бросить своенравную девчонку посреди ночи неизвестно где, чтобы она потом пешком пробиралась домой через эти чертовы патрули, ведь кто ее знает, на кого бы она там могла нарваться. Это в строю мы, вояки, все бравые да красивые, а в темноте да небольшими группами все зависит уже от натуры преобладающего большинства. Может, и не причинят девчонке особого вреда, просто обидеть могут. А она гордая, бантик ей в кудряшки! И даже если ее просто потискают, для нее это может стать травмой на долгие годы. Нет, ради того, чтобы ее уберечь от подобного, я был готов рискнуть! Тем более, что знал: фортуна в боевой обстановке дама вообще очень переменчивая. Может еще и здесь ко мне лицом повернуться, а могла и в лесу мне под дых засадить, когда бы я взялся прятать машину - свой последний шанс на то, чтобы вырваться из окружения, если дела пойдут совсем уж паршиво.

- Где ты живешь? - спросил я у девчонки, спохватившись, что так и не узнал ее адреса. - Если препятствий на пути не возникнет, то постараюсь подкинуть тебя до самого дома.

- Не об этом думаешь! Надо думать о том, как нам теперь выбраться из поселка.

- НАМ?!!!! Да ты вообще это слово забудь! Я не для того тебя сюда вез!

- А я тебя не просила! И потом, другого выхода у тебя теперь нет! Такси обязательно проверят, если не в поселке, так на выезде! Как думаешь, они будут рады увидеть тебя за рулем?

- Разберусь! - ответил я, с сожалением понимая, что машину, скорее всего, придется все-таки бросить.

- Лучше пригнись и давай местами меняться! Пусти меня за руль! Одинокую таксистку

патруль выпустит из поселка! И не станет салон обыскивать, я им сумею зубы заговорить! Уж поверь!

- Это ты мне поверь, что я не хочу, чтобы тебя в моей компании замели! А кроме того, эта машина в угоне числится! Патруль, конечно, может этого и не проверить, они сейчас совсем другим заняты, но надо ли судьбу искушать? Особенно при том, что в багажнике краденый бочонок до сих пор валяется, - запоздало вспомнил я. А ведь собирался его выгрузить где-нибудь по дороге! - И ты готова рискнуть, попасться со всем этим букетом? Да вся твоя семья из-за тебя потом позора не оберется! И уж тебе это точно с рук не сойдет!

- И так уже... - буркнула девчонка. - Или ты думаешь, что я за тобой среди ночи пустилась с благословения родни?

- Мать моя! - только и выдохнул я, услышав такое и, наконец, осознав. - Надеюсь, никто этого не заметит! Вернешься потихоньку домой, как в прошлый раз.

- Не получится! Кому все про меня известно.

- Ким не станет попусту болтать, - уверенно заявил я, зная это по опыту.

- А еще меня один тип видел, когда я из окна выбиралась. И даже преследовать пытался, да не догнал. Но мне все равно, Трой! Я ничего не боюсь! Потому что уже твердо все решила. Я не позволю собой распоряжаться, как какой-нибудь вещью! Пусть лучше родня от меня откажется, чем станет выбирать за меня всю мою судьбу.

Я в ответ только вздохнул. Не было смысла теперь говорить ей, что все это можно было проверить более мирными методами. Девчонка уже успела дров наломать! И теперь ее точно нельзя домой возвращать, иначе кто его знает, что с ней там могут сделать за такой вот побег. Все зависит от того, насколько крут ее папа. Лагутин отец, например, когда раскрылись наши с ней отношения, в первом порыве гнева свою дочку вообще пытался убить! Хорошо, что я тогда оказался рядом и успел принять этот гнев на себя, получив на память парочку шрамов. После того случая Аланая я уже просто не мог оставить на произвол ее родичей! Так что все-таки придется мне теперь таскать ее за собой, до тех пор, пока не пристрою куда-нибудь, как Ваську! А потом к Яге за помощью обращаться, чтобы как-то, хоть с помощью магии, попытаться вызволить эту дуреху из той ямы сплетен, в которую она сейчас сползла. Сама, по своей воле, не побоялась. И я понимал, что все это она сделала из-за меня. Великий Перун, ну чем я ее так зацепил, что побудил к такому героизму?! Точно уж не тем, что выхаживал ее после перепоя! Нет, тут, скорее всего, бабка постаралась. Может, даже чем-то приворотным успела девчонку накормить, чтобы увеличить наши шансы на более тесное знакомство? Ладно, с этим будем разбираться потом. А пока...

- Трой! - окликнула меня Аланая. - Давай все-таки местами меняться! А потом ты на заднее сидение переберешься, под чехлы. Ведь мы только что еще мимо одного патруля проехали!

Не мимо одного, а уже мимо двух, но все равно, молодец девчонка, быстро учится. А спецназа и в самом деле много нагнали, иначе не оставили бы столько в поселке, где, по логике, моего появления меньше всего теперь следовало ожидать. И я бы в самом деле тут не появился, если бы не желание пообщаться с запертым в кутузке Дадоном. Правда, пробраться в поселок я намеревался пешим ходом, предварительно спрятав машину. Но теперь мы и так уже были здесь, а от девчонки все равно в ближайшее время не избавиться, и я обратился к ней:

- Хорошо, меняемся. Потом едем в сторону поселкового КПЗ, и там я незаметно высаживаюсь. Ты после этого медленно делаешь круг, якобы в поисках пассажира, возвращаешься и подбираешь меня где-то минут через сорок - думаю, мне этого времени хватит. Если не появлюсь, делаешь второй круг. Сам тебя найду, если что. А если тебя вдруг остановят...

- То я найду, что им ответить. А ты что, с Дадоном хочешь поговорить?

- Надо же, какая сообразительность!

- Просто все сопоставила. Тебя обвиняют в убийстве Ляши, а у него нашли лоскутки. А главное, он тоже ни в чем не виноват, как и ты. Видела я его глаза при задержании! Еноты такой шум устроили, что к нему туда вся деревня сбежалась, и я тоже решила сходить, посмотреть. Так вот, не зря я решила это сделать! Смогла о Дадоне свое мнение составить: виновные так не смотрят!

- Разберусь! - буркнул я, протискиваясь на пассажирское сидение, пока почти севшая мне на колени девчонка перебиралась к месту за рулем. Ах, фигурка у нее... Так! Думаем исключительно о глазах! Например, не видела ты честных Дадоновых глаз, когда он заверял меня, что завязал с самогонкой! Но я при этом точно знал, что бражка у него в подвале стоит бидонами. Не стал я выводить его на чистую воду лишь потому, что такая ниша, как торговля самогоном, все равно никогда пустой не останется. А тут, по крайней мере, я уже знал, кого контролировать. Да и с качеством он не фальшивил. Знаю, потому что сам не раз его пойло употреблял, добытое окольным путем. - Ну что, приняла управление? Мне можно все отпускать? Хорошо! Тогда правь вон к тем кустам, и расстанемся ненадолго.

- Только будь осторожен, Трой, я тебя прошу!

- Постараюсь. А ты от дороги не отвлекайся, будь умницей.

С этими словами я чуть приоткрыл дверь и выкатился на обочину, успев толкнуть створку в обратном направлении, чтобы она за мной захлопнулась. Не вставая на ноги, затерялся в кустах. А потом начал искать тщательно замаскированную крышку моего лаза, ведущего в маленькую каморочку за потайной дверью в одной из стен КПЗухи.

Добравшись до этой каморочки, я наконец-то выпрямился, пусть и не во весь рост, но хотя бы с четверенек поднялся. И был немало удивлен, когда за потайной дверью, из собственно камеры, услышал несколько голосов. Дадона кто-то допрашивал в этот неурочный час! И так как мне больше было нечего делать, я тоже стал внимательно слушать его ответы на чьи-то вопросы. Вроде как голубчик Лакнаф присутствовал при допросе, судя по звучавшему иногда знакомому мне голосу? Логично! Действие Ягусинога заговора должно было закончиться, и ему наверняка хотелось быть поближе к эпицентру событий, особенно если лоскутки без его ведома появились. Внедриться же в следственную группу было несложно: хотя здесь и не его территория, но он мог заявить себя как официально заинтересованное лицо, ведь на его участке тоже пропали жители. И вот теперь вся компания, возложившая на себя расследование, активно взяла Дадона в оборот. Он же уверял, что знать ничего не знает, что лоскутков этих никогда в жизни прежде не видел. И по всему выходило, что в их появлении он обвинял меня. Ну да, логично, учитывая, что он обнаружил меня в своей комнате, куда вовсе не приглашал, и как раз возле злополучного стола. Однако на резонный вопрос допрашивающих, а почему бы я эти лоскутки просто не выбросил, а с риском для себя полез именно к нему дом, чтобы их подложить, Дадон ответить так и не смог. Мне оставалось надеяться, что он сможет это сделать в диалоге со мной, после того как я сумею убедить его, что не причастен к этой подставе, и наводящие вопросы задам. А пока что я слушал, как незваные гости уходят из его камеры, так ничего и не добившись, дав напоследок совет Дадону хорошенько все обдумать к утру.

После того, как в камере захлопнулась ее официальная дверь, я не сразу решился показаться Дадону. Вначале стоял и прислушивался, гадая, все ли ушли. Отчаявшийся узник продолжал о чем-то бормотать. Но вдруг это бормотание прервалось сдавленным вскриком, а потом какими-то хрипящими звуками, которые очень мне не понравились. Так что я, разом отбросив все сомнения, щелкнул пружиной замка и кинулся в камеру. Вовремя! Дадон лежал на полу, судорожно взбрыкивая ногами. А лоснящаяся черная веревка, словно живая, пыталась его повесить. Одним своим концом, как удавкой, она обвила Дадонову шею, сжимаясь, судя по его синеющему лицу, все сильнее, а вторым своим концом тянулась вверх вдоль стены, к выступу под потолком, наверняка намереваясь вздернуть свою жертву, чтобы потом с ее гибелью ни у кого вопросов не возникало: покончил мужик с собой в камере – и делу конец. Я, разумеется, в этом поединке был на Дадоновой стороне. Кинулся к нему, ухватился за черную тварь, которую даже язык не поворачивался веревкой назвать, и принялся ее разматывать. Точнее, попытался, потому что по силе своих смертельных объятий эта гадость больше напоминала собой стальной прут. Однако в моей жизни бывали моменты, когда даже такое порой загибать приходилось, если не покрепче, а тут еще отчаяние мне сил придало – для Дадона-то счет шел уже на секунды. Так что последний мой рывок увенчался успехом: полностью шею жертвы я не освободил, но хоть над горлом удалось удавку ослабить. Дадон тут же захрипел, через помятое горло жадно закачивая в себя воздух. А вот черная гадина, чтобы ей больше не мешали его душить, попыталась для начала со мной разобраться. Быстро соскользнула с Дадона, и одновременно верхний ее конец словно прыгнул на меня со стены, пытаясь захлестнуть теперь мою шею. Я успел ее перехватить правой рукой где-то посередине, ногой наступил на один ее конец, прижимая его к полу, чтобы не дергался, а левой рукой попытался поймать второй конец гадины. Ей этого, естественно, не хотелось, так что она чего только не вытворяла, чтобы перехватить у меня инициативу. Выгибалась по-всякому, пережимая мне конечности в явной попытке их сломать, стегала меня свободным концом, метя в глаза. А тут еще Дадон немного очухался и пополз на четвереньках к двери, пытаясь умножить число моих неприятностей. Что он собирался сделать? Сбежать отсюда через закрытую дверь или на помощь позвать? У малого явно крыша поехала, если он надеялся при этом на что-то хорошее. Мне прям так и захотелось швырнуть в него гадину, чтобы она немножко ума в него вдавила. Но она теперь упорно не желала расставаться со мной. Теперь я даже не знал, кто из нас кого держал: то ли я ее, прижимая рукой и ногой, то ли она, обвиваясь вокруг меня, словно вьюнок вокруг жерди. Свободным концом она сделала очередной выпад, пытаясь рассечь мне лицо. А я, вместо того, чтобы снова ее ловить, на этот раз просто со злостью рубанул ее на подходе ребром ладони. Руку мне, по ощущениям, будто кто-то раскаленным гвоздем проткнул, а получившая удар гадина ухнула куда-то вниз, мне под подбородок. А в следующий миг скользнула мне по груди. Мое воображение тут же дорисовало картину: гадина вбуравливается мне меж ребер,

устремляясь к сердцу. Но вместо этого все ее петли, только что сдавливающие меня, вдруг безвольно опали к моим ногам. Я быстро стянул их со своей обуви и сделал пару шагов назад, ожидая, чем обернется эта стратегическая хитрость. Но тут услышал яростное шипение, прямо как от кипящего чайника, исходящее именно от моей груди. Что все-таки успела гадина со мной сотворить?! Я инстинктивно схватился за сердце, и наткнулся на связку бабкиных амулетов, один из которых буквально кипел и плевался. И даже прежде, чем я успел на него взглянуть, я уже, кажется, знал, какой именно. От поноса, ясное дело! Или это он просто так назывался, за своим скромным именем скрывая массу других талантов? Как бы то ни было, а амулет сейчас медленно остывал на моей грудной клетке, ничуть ее при этом не обжигая, в то время как гадина продолжала валяться на полу, будто парализованная. Не дожидаясь, когда она очухается, я принялся быстро завязывать ее многочисленными узлами, затягивая их потуже и с удовлетворением слушая, как при этом что-то хрустит внутри гадины, разрываясь или переламываясь.

- Трой! - Дадон, про которого я на какое-то время просто забыл, сам мне о себе напомнил, окликнув от дверей сиплым шепотом. - Ты откуда взялся? И что это было?

- Прикончить тебя пытались! - ответил я только на последний вопрос. Отбросил в сторону готовую композицию из узлов, кивнул на нее Дадону: - Кто-то из членов следственной комиссии незаметно оставил тебе этот подарочек.

- Да нет... почему незаметно? Ее выронил один из следователей, когда бумаги в папку складывал. Но мне казалось, что он ее потом подобрал...

- Вот тебе раз! А не Лакнаф это был?

- Нет, тот был вообще не местный, а из столичных и в звании. Сивый такой гуманоид, губы узкие, глаза маленькие и так глубоко утопают в глазницах, что словно из обрезков трубы на тебя глядят. А еще у него шрам через бровь... и на мочке уха тоже.

Я сразу понял, о ком Дадон говорит! Хоть и не видел этого типа долгие годы, но узнал именно эти глаза, а еще руку мастера... свою, то есть. Потому что эти шрамы курсант Потап получил еще в академии, когда мы с ним разодрались не на жизнь, а на смерть. Я вообще-то не сторонник таких драк, как и драк вообще, но этот тип меня конкретно тогда довел, набросав в копилку своих подлостей столько всего, что терпеть это было просто уже невозможно, ни за себя, ни за своих товарищей по оружию. Вот я и выдал ему за всех, а после этой драки в карцере две недели провел, и ребята мне туда тайком носили пожрать. Потап же, как и следовало ожидать, снова вышел сухим из воды. Подольстился к начальству, отмазался. С такими его талантами я даже не сомневался, что после академии еще не раз о нем услышу, и именно в связи с его высокими чинами - ему подобные, как правило, умудряются пробраться наверх, ничем не гнушаясь, так что остановить их на этом пути может только пуля порядочного человека. Но Потапа такая пуля еще не нашла. Так что я теперь был больше чем уверен, что это именно о нем мне недавно рассказывал Ким - ну, что Стеша подслушала разговор Лакнафа с кем-то из городских. О том, что меня надо поймать и позаботиться, чтобы я не дожид до допроса. Вот только мне пока было неясно: спелись ли два голубка, Лакнаф с Потапом, только на фоне обоюдной неприязни ко мне, или же их объединяло нечто большее - например, работа на колдуняру. Ведь должен же был кто-то в столице, в министерстве, придерживать, сколько возможно, информацию о том, что в нашем уездном районе творится. Но над этим можно было попозже подумать, а пока я присел рядом с Дадонем. После того, как я избавил его от удавки, уже не было надобности убеждать этого малого в моих мирных намерениях. Поэтому я сразу приступил к делу, попутно массируя свои пострадавшие в схватке с гадиной конечности:

- Дадон, мне все известно про лоскутки. Веришь или нет, но я их тебе не подсовывал, они у тебя там уже лежали. В то, что Лакнаф мог это сделать, тоже как-то слабо верится, по ряду причин. А это означает, что у кого-то в нашем поселке был веский повод подставить тебя под самосуд енотов. Если бы я в твой дом не вломился, побудив тебя созвать народ, то этот кто-то как-то иначе бы их к тебе заманил и все равно ткнул бы носом в ящик стола. Рассчитывая на то, что еноты тебя прикончат. И вот у меня к тебе вопрос: давай думать, кому и по какой причине вдруг потребовалось тебя устранить? И кто мог подсунуть тебе эти чертовы лоскутки? Кто к тебе в гости заходил после Льяшкиной смерти? Или кто вокруг дома кружил, имея возможность влезть незаметно?

Давай-ка, соберись с мыслями и попытайся мне их всех перечислить. Всех до единого!

- Да что тут собираться? - плаксиво протянул Дадон. - Вообще не представляю, кто на меня мог так ополчиться! Никому я дорогу не перебежал, ни с кем не ругался. Писем не получал, денег не одалживал, в споры ни с кем не вступал! Так кому бы вдруг потребовалось все Лерожеево семейство на меня натравить? И сейчас вот, с этой веревкой... за что? Не знаю я, ну, не знаю! А что до гостей, то только Аким заходил ко мне - и все. Не он же лоскутки мне подсунул?

Наверняка не он! Потому что Аким заходил к тебе, голубчик, и вовсе не в гости, а наверняка затем, чтобы договориться насчет очередной партии твоего самогона. Но мы пока об этом не будем, есть более важные темы.

- Кто еще, кроме Акима? Точно никого? - и, получив в ответ отчаянное сотрясение головой, я потребовал: - Тогда вспоминай, что необычного ты мог увидеть в последнее время, кто ошивался возле твоего двора. Я уверен, что есть причина, по которой тебя пытались убрать! Именно убрать, и, заметь, дважды уже, - я кивнул на узелковую композицию в углу, примененную после того, как с енотами дело не прокатило.

- Да какая там причина? Ты что, сам не знаешь, как я живу? - попытался взбунтоваться Дадон. - Это вы, молодежь, скачете по поселку, нарываясь на неприятности, а я одинокий пенсионер! Из дома в сарай, из сарая обратно. А в последние дни так и вовсе никуда, даже в магазин не ходил!

- Значит, вспоминай, что ты из окна мог случайно заметить, - выслушав Дадоновы излияния, я уцепился за последнюю видимую причину, по которой он мог бы кому-то не угодить. Да еще вот так, прямо до смерти!

- В окне я видел обычный пейзаж, какой уже много лет наблюдаю! Кусок забора, деревья и тротуар. Тебе их описать, или сам знаешь, как они выглядят?

- Что еще? - потребовал я, игнорируя яд в его голосе. - Вспоминай! Кто-то проезжал мимо, кто-то шел, птичка к тебе на забор отдохнуть присаживалась да не те песни пела. Пойми ты, что сейчас, для установления истины, все имеет значение.

- Никто не проезжал, никто не садился! Один только Баруза стоял у меня перед окнами и, как обычно, веник втирал в тротуарную плитку. Но он даже не смотрел в мою сторону. И я его тоже не разглядывал, больно надо!

- А ведь он дворник! Вполне мог найти эти лоскутки, которые кто-то выбросил! И если ты когда-то раньше успел ему насолить, то он вполне мог подстроить тебе такую пакость, как подброшенные улики! - осенило вдруг меня. Правда, в эту картину плохо вписывалась повторная попытка Дадонова убийства с помощью гадины. Но мне и раньше доводилось видеть, как на одного человека неприятности сваливаются сразу с разных сторон. Так что сначала неплохо было попытаться разобраться с первой причиной.

- Ничем я ему не солил, а в последний раз он и вовсе недолго возле моего забора веник мусолил. Потом Фара, его мамаша, подлетела к нему и ну на него шипеть! А я плюнул - терпеть злых баб не могу! - и ушел в свой сарай.

- То есть, ты их обоих перед своими окнами без присмотра оставил? И про мамашу я только сейчас от тебя слышу?! Черт, как же с вами тяжело работать, с несознательными свидетелями! Я же просил тебя рассказать мне буквально ВСЕ! Ты вообще хорошо понимаешь значение этого слова?

- А что это даст-то тебе?! Я даже не смог разобраться, что она там своему сыночку шипела! Потому что она, наверное, охрипла после того, как с бабкой Мозой ругалась, я на их ор из окна и выглянул. Там-то ее хорошо было слышно, да только происходило это не перед моим окном, а уже на углу забора, где она Мозу пыталась перекричать! И только после этого она подскочила к Барузе.

- Что мне это даст, я сам решать буду! - попытался я ответить нормальным человеческим голосом, хотя мне очень хотелось сорваться на злобный рык. - А твое дело просто рассказывать! Бабка Моза - это та, что в Веселовке живет?! На Цветочной улице?!

- Не знаю я ее улицу. Знаю только, что живет она действительно в Веселовке, и то знаю лишь потому что мы с ней в уездном пенсионном фонде сталкивались, когда нам пенсию переоформляли. А теперь, как она Фаре орала, она куда-то переехала, потому что у нее в доме жить стало невозможно.

- Подробнее! - потребовал я.

- Да что я, дословно, что ли, запоминал их грызню? - возмутился Дадон, но тут же притих - наверное, выражение моего лица настроило его на более мирный лад. Не знаю, как я со стороны выглядел, но мне в этот момент очень хотелось совершить третью попытку устранения этого недалекого самогонщика. Просто ради того, чтобы душу отвести! И, думаю, что эта попытка вполне могла увенчаться успехом! Потому что лишь случайно и с большим трудом мне удалось вытянуть из этой бестолочи такие сведения, каких я и не мечтал собрать, отправляясь в эту кутузку!

- Дословно или нет, но вспоминай все, что сможешь! А чтобы тебе память улучшить, могу сказать, что это как раз и был тот самый эпизод, из-за которого тебя пытались убить!

- В общем, так... - Дадон мне, кажется, не поверил, но послушно принялся скрипеть своими мозгами. - Моза к Фаре подскочила и начала орать, что та ей гнилого квартиранта сосватала. Мол, приходила она домой с проверкой, так после него даже в сени зайти невозможно. Фара огрызнулась, что и не обещала, что он будет хорошим. Она обещала, что он будет хорошо платить, и в этом не обманула. А Моза орала, что Фаре к себе его надо было брать, такого щедрого, а она вместо этого вообще из своего поселка его спланила в Веселовку. Но у Мозы терпение заканчивается, так что она к Рару жаловаться пойдет. Тут ее Фара прямо заплела, она это умеет, а потом к Барузе понеслась. Вот и все. И ты думаешь, что убить из-за этого можно?

- Еще как! Фара или Баруза видели, как ты на них пялишься из окна?

- Дак я и не скрывался, не шпион же какой. И не баба, чтобы исподтишка подглядывать.

Я в ответ шумно выдохнул, сумев проглотить готовые вырваться матюги. Ситуация складывалась крайне паршиво! Если Дадона, как свидетеля, уже дважды пытались убить, то Мозу до сих пор вообще могло спасти только чудо. Но спасло ли? Ведь если Рар, к которому она собиралась идти жаловаться, на самом деле предатель, то он ее должен нейтрализовать, чтобы помалкивала. А если Лакнаф его просто оклеветал, то Мозе вообще не должны были позволить дойти до Рара с ее претензиями на квартиранта-колдуна. При таком раскладе меня очень встревожила судьба бабкиного внучка. А еще, хоть и в меньшей степени, моя собственная тоже. Ведь я недавно интересовался этой бабкой у Кима. И если вскоре найдут ее труп, то что Ким про меня подумает? Такими темпами я вскоре лишусь всех своих союзников, уже и так немногочисленных. Разве что Яга с Жажилкой на моей стороне останутся. Ну, и еще одна упрямая особа... Вспомнив о ней, я заторопился прочь, к потайной двери.

- Трой, не оставляй меня здесь! - взмолился Дадон. - Вдруг этот убийца ко мне еще раз придет?

- Не сегодня, так что можешь спокойно ложиться спать, - оптимистично заверил я его. - Ведь он уверен, что его план сработал - с чего бы ему думать иначе? И, отложив обнаружение твоего трупа до утра, дрыхнет теперь, не терзаясь муками совести. Ты тоже засыпай, не бойся, здесь тебе опасность меньше грозит, чем на улице. Там тебя и патрули подстрелить могут, и Лерож может еще раз повстречаться.

- А утром что со мной будет? - спросил он плаксиво.

- Утром можешь всенародно заявить, что ты со мной этой ночью виделся и все мне рассказал. Тогда у них отпадет необходимость тебя устранять. А мне и так терять уже нечего. Так что бывай! Будем живы - еще встретимся! - с этими словами я выскользнул за потайную дверь. Если Дадон не дурак, то при желании тоже сумеет ее открыть, раз видел, где надо искать пружину. Ну, а если он совсем не дурак, то все-таки последует моему совету и не будет соваться на улицу. Мне же в любом случае больше не надо попутчиков. Одной хватит! От которой я теперь даже удрать не могу, потому что ей может потребоваться моя защита. И не от кого-нибудь, а от собственной же родни,

которую девчонка не побоялась против себя восстановить своим побегом среди ночи! Как бы мне, после такого ее поступка, и в самом деле жениться на ней не пришлось! Это может теперь оказаться единственным способом спасти ее от расправы, а еще от позора и сплетен, из-за которых она на всю жизнь может остаться одинокой. Но это еще при условии, что она за меня пойдет, а мне удастся до свадьбы дожить. Ну и кашу она заварила, дуреха! И главное, было бы, из-за кого! Может, попытаюсь раскрыть ей глаза на досуге. А пока... Выбравшись из своего лаза, я огляделся. Первым делом заметил патруль, только что прошедший мимо моего укрытия: бойцы, вопреки своей выучке, тихо переговаривались между собой. Точнее, обменивались какими-то скабресными шуточками. Я мало что из них понял, но вскоре обнаружил причину: такси! Знакомая машинка стояла неподалеку, у обочины, и, насколько можно было разглядеть, там творилось такое, во что даже спецназ предпочел не вмешиваться! Я ошалело застыл, пытаюсь поверить в представшую передо мной картину: в салоне парочка сплелась в жарких объятиях. Причем, насколько я мог судить, ведущую роль в этих эротических играх исполняла именно девчонка. Аланая?! Нет, если это в самом деле была она, то так плохо я не мог про нее подумать. Так что стал незаметно подбираться к машине, пытаюсь прояснить картину с более близкого расстояния. Подбирался не зря! Потому что, заглянув в салон через окошко, узнал в девчонкином любовном партнере хорошо знакомое мне чучело с ближайшего огорода. Очень качественно сделанное, так что на некотором расстоянии да в сумерках его и в самом деле можно было за живого человека принять. Но Аланая-то оно зачем потребовалось?! Не само же оно залезло к ней в салон! И не оно затеяло эти любовные игрища, смутившие даже спецназ! Я так и не успел решить, то ли у меня глюки, то ли у Аланай поехала крыша, как она тоже меня заметила. И, перестав трепать пугало, приоткрыла мне заднюю дверцу:

- Трой, садись!

Я залез в машину, не просто, а *очень* заинтригованный. И сразу поинтересовался:

- Может, объяснишь мне, что все это значит?

- Пришлось импровизировать. Тут, в поселке, один уродец мне уж дня два прохода не дает. Днем у дверей, ночью под окнами караулит. Вот и сейчас, даже в такси меня выследил. Вначале бросился прямо на капот, а потом, как я остановилась, сразу полез обниматься, - Аланая с отвращением передернулась. - Тут нас патруль и застал! Перед бойцами пришлось немного уродцу этому подыграть, пока они не ушли. Зато, как только они скрылись, я так по башке его угостила, что он даже пикнуть не успел, свалился мешком мне под ноги.

- Так это он и есть? - я выразительно посмотрел на сидящее чучело.

- Не валяй дурака! - фыркнула девчонка. - Тот лежит в багажнике, ему как раз рядом с бочонком места хватило. А этого я на замену стащила, чтобы перед спецназом спектакль продолжать. Потому что любое пугало лучше того живого придурка. Но само представление получилось удачным, ведь патруль к машине больше не приближался. Уже несколько раз проходил мимо, но теперь только притормаживает да поглядывает со стороны. Ну, а я стараюсь их не разочаровывать, - Аланая шутливо чмокнула пугало в шею, косясь на меня озорными глазами.

- Получается, - подтвердил я, не торопясь признаваться девчонке, что и сам чуть не купился на ее представление. И что даже чуть не приревновал ее в какой-то момент. - А что там твой поклонник в багажнике, не задохнется? И не поднимет шум раньше времени?

- Нет. Вентиляция в багажнике есть. Рот я ему пластырем из аптечки заклеила. А связывать его не пришлось: там так тесно, что при закрытом багажнике он даже рукой пошевелить не сможет.

- Ну, тогда повезли его отсюда в более спокойное место, - решил я, быстро смекнув, о чем надо поговорить с этим фруктом. Точнее, о чем его спросить. Ведь не зря же он бегаёт за девчонкой, да еще и на капот ей кидается! Ох, не зря! Не верил я в такие чудеса, как безумная любовь с первого взгляда. Зато с самого начала предполагал, что, провожая меня в Веселовку, Яга могла начинить сунутый мне в путь пирожок каким-нибудь приворотным зельем. На бабкино счастье, мне того пирожка отведать не довелось (иначе я бы сразу ее раскусил, да, вопреки всем правилам, вклеил бы ей на

этот раз строгача во всю ее расписную книжку). А вот кто-то перед тем пирожком, таким вкусным и свеженьким, не устоял и слопал его. И сделать это мог только тот, у кого этот пирожок оказался в руках вместе со всем моим рюкзаком после того, как меня вырубили над Льяшкиным телом. Так что, по логике вещей, я ожидал увидеть в багажнике Стена. Личность, безусловно, несимпатичную – не зря же Аланая ему, даже бесчувственному, чучело предпочла. Но, учитывая его пронырливость, в разговоре этот тип мог оказаться очень даже полезен. И, понятное дело, разговаривать его мне хотелось бы поскорее. Так что, не став тратить время на споры с девчонкой, я позволил ей остаться за рулем, при условии, что она передаст мне управление по первому моему требованию. И мы двинулись в сторону леса, туда, где я изначально собирался укрыть машину. И где мог побеседовать с пленником, не опасаясь, что он попытается шум поднять.

Вопреки моим опасениям, из поселка наше такси выехало без проблем. Кое-как забившись под заднее сидение, я в любой момент готов был рвануться вперед, через спинки кресел и к рулю, если вдруг что-то пойдет не так. Но спецназовцы, выпускающие машину за пределы вверенной им территории, даже не стали салон осматривать, только посветили фонариком в разгоряченное девчонкино лицо да отпустили пару шуточек в ее адрес. Неудивительно! Я бы на их месте тоже повелся на ее милую мордашу с подкупающе обаятельным взглядом. И даже не заподозрил бы, что разругалась она вовсе не от любовных утех, а от жарких споров и интенсивных забав с огородным чучелом.

- Ну молодец, справилась! - похвалил я, понимая, что от меня этого ждут.

- А я сразу это тебе говорила, да ты же мне не верил! - упрекнула девчонка.

- Верил или нет, но в такие переплеты, как этот, я предпочитаю попадать без компании.

- Я понимаю, Трой. Понимаю, что обуза тебе не нужна. Но я не стану такой, я ведь знаю, на что я способна! Иначе я бы и в самом деле не стала путаться у тебя под ногами. А теперь ты мне скажи: смог бы ты на моем месте, зная, что в этот момент кто-то в беде, с комфортом отсиживаться в светелке?

Я хотел ей ответить, что в этот момент в мире, по статистике, в беде целая куча народа, не я один. Но промолчал. Девчонка, по сути, и так мне делала сейчас очень смелое признание, так что не стоило напрашиваться на подробности, так откровенно выдавая себя за дебила. Поэтому я просто признался:

- Нет, не смог бы.

- Вот и я не смогла. Так что не гони меня больше. Если я пойму, что начала тебе мешать, то сама отстану.

Ага! И где бы это я тебя бросил, одну, непонятно в какой ситуации? Так что я возразил:

- Отстанешь, если только я скажу тебе это сделать. И вообще, раз решила влиться ко мне в компанию, то выполняешь любое мое распоряжение по первому требованию! Не трать времени на сомнения и всякие споры! Поняла? А вопросы об эмансипации и равноправии после обсудим.

- Слушаюсь, товарищ капитан! - вместо ожидаемых возражений Аланая насмешливо мне козырнула. Я аж вздрогнул: угадала мое воинское звание, ткнув пальцем в небо? Или все-таки догадывается, кто я есть? Но уточнять не стал, потому что мы уже прибыли на место. Поставили машину под нависающие ветки на опушке, после чего я открыл багажник, ожидая увидеть там Стена. А увидел изрядно помятого (ну *очень* тесно было в багажнике) нашего уездного библиотекаря по прозвищу Том. Гуманоида, разумеется.

- Ты что, скалкой его туда утрамбовывала? - поинтересовался я у девчонки, сумев достать за шиворот занемевшее тело пленника только после того, как выковырял наружу боченок. Попытался поставить его на ноги. Вроде, получилось. Том застыл передо мной - щеки мятые, нос набекрень. Он пошатывался и глядел при этом исключительно на Аланая. Да еще такими глазами, что мне вот прямо так и захотелось их оба расцветить, для этих целей воспользовавшись кулаком. Но вместо кулаков я заставил себя работать мозгами. Судя по виду Тома, бабка на этот раз сыпанула мне в пирожок приворотного зелья щедро, как на целую роту. Наверное, учла, что меня ее же амулеты будут от приворота защищать. При таком раскладе странно было, что Стен тут же не вертелся, ведь вещмешок с меня должен был снять именно он. Так неужели ему-то приворотного пирожка не досталось? Не захотел съесть кусочек, не успел ухватить свою долю, вся добыча просто целиком перешла в более сильные руки? Если последнее, то это многое меняло! Ведь тогда получалось, что сейчас передо мной стояла не мелкая сошка, а один из непосредственных пособников колдуна. Из тех, под чьим руководством остальные успели дел навертеть! Совершенные похищения, убийство Ляшки, покушение на Дадона! Да и в крышку на гробе моей репутации честного человека Том наверняка не один гвоздик успел забить.

- Слышь, гражданин книгочей, отвлекись ненадолго! – я встряхнул Тома, тихо и горячо лопочущего Аланае какие-то красивые литературные фразы про высокие чувства и тихонько, по шагжку, пытающегося к ней приблизиться. Но меня продолжали игнорировать, даже когда я приподнял библиотекаря, снова за шиворот, попытавшись развернуть его к себе физиономией. Он выкрутил голову, скосил на девушку глаза. Так что для переключения его сознания мне пришлось по-простому оттащить его за нос, коротко, но чувствительно. Тут он, наконец, соизволил меня заметить и даже возмутился:

- Послушайте, Трой, что вы себе позволяете!

- Да уж не больше, чем ты себе со своей компанией напозволял. Ну-ка, приходи уже в себя, живо! – я сделал вид, что снова пытаюсь его ухватить за нос, хотя на самом деле охотнее схватил бы за горло.

Я себе позволяю! И это говорит мне тот тип, который столько народа отправил в плен! Библиотекарь уезда, всегда с презрением относившийся к основной массе населения, особенно к ее негуманоидной части! Наши развлечения он считал слишком примитивными, наш интеллект слишком неразвитым. Не знаю, как вообще снисходил до того, чтобы топтать с нами одну и ту же землю! Невдомек ему было, что многие не идут к нему за книгами не потому, что читать не любят, а потому, что не имеют желания с ним общаться. А в итоге он решил, что может распоряжаться чужими жизнями. Ну погоди у меня, голубчик! Не знаю, какую там степень защиты Яга на Лакнафе высмотрела, но лично мне это не помешало с ним побеседовать. Будем надеяться, что и с тобой разговор заладится. Я помнил: все, о чем Яга меня просила, отправляя в Веселовку – это найти одного из чародейских сообщников да доставить его к ней. Но... если вначале загвоздки были с первым пунктом задуманной операции, то теперь, когда у меня в руках находился Том, возникли затруднения со вторым. Я просто не знал, где сейчас может находиться моя дама-эксперт, по какому адресу этого мерзавца к ней переправить. Так что для начала мне, без вариантов, придется его допрашивать самому, на случай, если в процессе его доставки к Яге он-таки сумеет удрать. Я, конечно, не премудрая бабка, чтобы правду от лжи отличать еще до того, как пытаемый слово молвит, но мне тоже лапши много на уши не навешиваешь, не зря ведь справляюсь с делом на должности участкового. Так что...

Способов получения информации было два: выбить ее из допрашиваемого или извлечь ее хитростью. Я наспех прикинул, какой из способов может оказаться быстрее, но выбивание все-таки решил отложить на потом. А для начала передал Тому привет из Веселовки, с Цветочной улицы, дом номер шесть. Не от Мозы, разумеется, а от Мородума. Услышав такое он, опять было начавший выворачивать свою физиономию в сторону Аланаи, снова переключился на меня. Глазки забегали, так что мне даже захотелось прихлопнуть их рукой на кошачий манер, чтобы прекратить это мельтешение. Чтобы не искушаться, я, одной рукой продолжая придерживать Тома за шиворот, свободную руку засунул в карман и вдруг нащупал там какую-то бархатистую тряпку. Уже доставая ее, вспомнил, что этот тот самый «кисет», который я спер из-под носа у колдуна. Извлек, встряхнул его, намереваясь тут же сунуть обратно. Но Тома при виде этой тряпки вдруг как подменили. Он будто даже про Аланаю совсем забыл, хотя до этого я его держал за шиворот как раз потому, что иначе он с ней дистанцию никак не мог соблюсти. А тут и сам замер, и глазки остановились! На кисете, разумеется.

- Что, знакомая вещица? – спросил я, эдак небрежно помахивая этой непонятной тряпкой у него перед носом. Он закивал в ответ, судорожно сглотнув. Явно чего-то опасаясь, но понять бы еще, чего именно! Так что я, совершенно не представляя, в каком ключе мне нужно с ним вести разговор, просто рявкнул: – Это ты Ляшку убил?!

- Нет-нет! – он замотал головой. – Я не смог этого сделать. Это Фара. Она по моей просьбе привела Ляшу в Веселовку, а потом, когда я ее ранил, дело до конца довела.

Да, Фара баба решительная, в отличие от этого мнимого интеллигента! И Ляшку она попросту ненавидела, так что была способна даже на то, чтоб ее убить. Но не многовато ли их там в тот вечер собралось, злодеев-заговорщиков? Ах, да! Там же находился их командный пункт: дом, арендованный колдуном у Мозы. Вот там вся бригада и успела скучковаться, пока я пирожками на своей кухне угощался! Колдун по связи мог им объявить срочный сбор, поскольку сам временно не мог объявиться у своей квартирной владелицы. Которая, кстати, собиралась идти к Рару, чтобы жаловаться на постояльца.

- Где сейчас Фара? - прорычал я следующий вопрос. - И что вы с Мозой решили сделать? Имей ввиду, что Дадон успел мне все рассказать! И если с Мозой или ее внуком хоть что-то случится...

- Я здесь ни при чем! - отшатнулся Том. - Сейчас Лакнаф Фарой руководит, вот к нему она и обращается в сложных ситуациях за инструкциями! А ко мне она вообще мало когда прислушивалась!

- А что, с Фарой давно общаетесь? - поинтересовался я, осознавая, что, на поверку, выловил не такую крупную шишку, как хотелось бы. Потом, вспомнив, с каким надменным видом Фарин отпрыск обычно подметает улицы, спросил наугад: - Баруза твой сын?

Том закивал головой, подтверждая эту мою догадку. Вот только не стоило мне тратить драгоценное время на расспросы не по существу! Потому что, может, и еще бы вопросик успел задать, а так уже не вышло. Нашу беседу прервал быстро нарастающий шум. Треск, рев мотора и даже стрельба, пулеметная, короткими очередями. И все это стремительно приближалось. А потом я увидел, как на опушку, ломая кусты, выскочила изба, раритетное Ягусино наследство и моя спасительница. С оборванной занавеской, с растрепанной крышей и весьма заметно хромящая. Не притормаживая, она пронеслась через полянку, на которой стояло наше такси, и снова ломанулась в заросли, только голенастые курьи ножки сверкнули. Выехавший следом по проложенному избушкой пути армейский вездеход, напротив, притормозил на открытой местности. Я сразу понял, что обнаружившим избушку воякам надоело гоняться за ней через дебри, так что сейчас, пока она еще не скрылась, они по-простому пальнут ей вслед снарядом из малой зенитной пушки, которая, в пару к пулемету, тоже имелась у них на борту. Подтверждая мою догадку, орудийное дуло резво двинулось в поисках цели. Дальше раздумывать было некогда! Я захлопнул открытый багажник такси. И, быстро запрыгивая на водительское сидение, бросил Аланае уже на ходу:

- Постарайся доставить этого мерзавца к Яге, у тебя это должно получиться! И скажи ей: колдуна зовут Мородум, он пришел из пятого измерения!

- Трой!!! - девушка, в первые мгновения замершая от неожиданности, дернулась было мне вслед, но я уже давил на газ.

Медлить было нельзя! Судя по шевелению кустов, изба недалеко убежала, а оружие уже было наведено. Да с такого расстояния ее сейчас прямым попаданием по бревнышку разнесет, одни только ножки на месте останутся! Так что если я хотел спасти избушку за оставшиеся мне на это мгновения, то способ у меня был только один. И я, подорвавшись с места, на полной скорости врезался вездеходу в бок. Можно было бы сказать «пошел на таран», но не в этой ситуации, потому что вездеход был бронированный, а моя машинка из простого металла, так что весила куда меньше. От удара о бронированный бок вездехода она сложилась капитально, особенно с пустой пассажирской стороны, которую мне не было смысла пытаться как-то уберечь. Но своей цели я все же достиг! Получив удар с разгона, вездеход подскочил на всех своих шести воздушных колесах и накренился так, что через его борта на траву вывалились военные в количестве пяти штук, а оружие крутанулось, выпустив снаряд совершенно в другую сторону. Судя по мельтешению веток в лесу, изба этим воспользовалась, торопясь уйти от погони как можно дальше. Я тоже попытался последовать ее примеру, спеша выбраться из покореженного салона и скрыться среди деревьев прежде, чем раскатившиеся по полянке вояки успеют подняться и выяснить, кто же это их так рассыпал. Но когда я увидел, как трое из них уже бегут в мою сторону, понял, что не успеваю убраться с их глаз. Слишком уж машину перекосило, в том числе и торпеду, и дверь. Меня при этом не повредило, но зажало так, что быстро было не выбраться. Так что ребра у меня заняли еще в салоне, но не от удара, а в предвкушении всего того, что со мной и с ними сейчас будут вытворять разгневанные бойцы. А что именно - все это уже было написано на их озверевших рожах, когда они вырвали с мясом покореженную дверцу салона, следом за которой вне машины оказался уже и я.

Меня просто выдернули, невзирая на все препятствия, как пробку из бутылки, оставив на изломах салона клочья моей одежды, а местами даже шкуры. После чего нарядили меня в наручники и сразу же выдали аванс несколькими увесистыми ударами под дых. Мне, понятное дело, совсем не понравилась эта процедура, но я сразу понял, что

Ягусины амулеты защищают меня и сейчас, потому что на личном и весьма богатом опыте давно успел узнать силу спецназовского кулака. А тут, по ощущениям, вместо качественного товара я имел дело с подделкой, прямо как в Бирсовом магазине. Но, чтобы не разочаровывать парней (и не вдохновлять их на добавку), я весьма реалистично согнулся – нужное движение само всплыло в моей памяти. Вот только, играя для зрителей, я как-то забыл, что аудитория у меня на этот раз неоднородная. А в это время Аланая как раз подросла к центру событий. И то зрелище, которым я доставил маленькое удовольствие бойцам, ее как раз очень даже расстроило.

– Не надо! Нет!!! – отчаянно крикнула девчонка и бесстрашно проскользнула между солдатами, пытаясь меня заслонить. – Я прошу вас, не надо его трогать!

– Да мы еще даже и не начинали! – огрызнулся воин, явно бывший здесь за старшего. Тоже сержант, только уже другой. – Ты кто такая и откуда взялась?

– Я задержала преступника, укравшего из поселка бочок молочных орехов! – заявила Аланая, тыча пальцем в Тома, который, естественно, приплелся за ней следом и опешил, услышав такое обвинение. Потом начал возмущенно оправдываться, но боец его перебил, обращаясь к девчонке:

– Извини, но нам сейчас некогда возиться с жульем! У нас... – тут он посмотрел на меня более внимательно, призадумался и скомандовал своему маленькому отряду, собравшемуся здесь уже целиком: – Ну-ка, подведите его под фары! Сдается мне, что неспроста он кинулся ту бесовскую избу защищать!.. Конечно, неспроста! – воскликнул сержант, как следует рассмотрев меня в свете единственной уцелевшей фары вездехода. – Парни! Да это же он и есть, пресловутый Трой! Мы его всюду разыскиваем, а он вон, на готовое к нам явился!

Услышавшие это бойцы недобро заухмылялись, выражая свою радость, и одновременно сжимая в предвкушении кулаки. А потом у меня от точного и резкого удара в челюсть хрустнул зубной имплант.

– Это тебе задаток, – сообщил сержант на словах.

Я, не отвечая, просто сплюнул на землю сгусток крови, в центре которого белел покинувший меня зуб. Искусственный, и уже не помню, какой по счету! Я не скупился, ставил дорогие и крепкие импланты! Но такая у этой десны была злая судьба, что каждый дотянувшийся до моей челюсти кулак почему-то начинал свое разрушительное действие именно с ее зуба!

– Я прошу вас, остановитесь! – выкрикнула Аланая, опять пытаясь пробиться ко мне.

– Уберите ее отсюда! – скомандовал своим парням сержант. Но прежде, чем ее успели схватить, девчонка ткнула пальцем вначале в меня, потом в Тома:

– А как насчет того, что они были вдвоем?! Судя по их разговорам, в бочонке спрятано что-то важное, прямо среди орехов. Я успела их подслушать! Это имеет отношение к похищениям людей!

– Это неправда, откуда такая клевета?! – взвыл Том, будто даже выходя из-под действия приворотного зелья. По крайней мере, в этот раз он зыркнул на Аланую совсем не влюбленным взглядом. Я только злорадно усмехнулся: не все ж тебе и твоим подельникам людей подставлять да поливать клеветой, получи и немножко сдачи! Или даже не немножко, потому что, по знаку сержанта, Тома тоже быстренько скрутили, снабдив браслетами, а потом сержант послал парочку бойцов за бочонком. Аланая подробно указала, где его искать, но сама не пошла.

– Я ногу подвернула, пока к вам бежала, – сообщила она сержанту со слезами в голосе. – Никогда раньше не видела, чтобы били людей! А теперь она у меня болит! Можно, я пока в машинке у вас посижу?

Ну какой бы мужик на месте сержанта ей отказал? Разрешил, естественно! И даже посадил, помогая перебраться через бортик. Правда, довольно строго приказал ей сидеть там и больше не высовываться, на что Аланая пламенно его заверила, что у нее ничего другого и в мыслях не было. А вот я сразу понял, что было! Успел уже узнать этот

упрямо горящий взгляд из-под опущенных ресниц! Но ни остановить, ни хотя бы предупредить ее, чтобы не совалась в разборки, я не мог. Отчасти потому, что тем самым засветил бы перед вояками, на чьей она стороне, а отчасти потому, что за прошедшее время мне успело перепасть еще несколько неслабых зуботычин, на некоторое время вообще лишивших меня способности говорить. Оставалось только отплевываться да гадать, что могла задумать взбаламошная девчонка. Только бы не попыталась угнать вездеход! Ведь она не успеет на нем и до опушки доехать прежде, чем внутрь запрыгнут все его законные владельцы. Это при условии, что он вообще окажется на ходу после полученного удара. Но девчонка не полезла к рулю. Нет, когда пара бойцов прикатила найденный бочонок, на несколько мгновений завладев вниманием своих сослуживцев, она быстро развернула в сторону всей этой толпы бортовой пулемет. Я аж застонал, когда это увидел!

- Погоди, сейчас не то еще будет! - по-своему истолковал мою реакцию сержант.

Я даже не стал ему рассказывать, насколько он прав! Да этого и не потребовалось, потому что через несколько мгновений за меня это сделала пулеметная очередь. Выпущенные пули змейкой легли перед берцами спецназовцев, искусно их огибая в опасной близости, так что ни у кого даже сомнений не возникло, что за станком находится далеко не дилетант.

- Что за... - начал опешивший сержант.

- Руки! - скомандовала девчонка, обводя всех стволом. - Трой, давай сюда!

Мне ничего другого все равно не оставалось, так что я бочком проскользнул к вездеходу, потом перевалился внутрь через бортик. Том дернулся было за мной следом, но остановился, наткнувшись взглядом на пулеметное дуло.

- А ты стой, где стоял! - уже вслух распорядилась девчонка. Потом, управляясь с пулеметом одной рукой, другую не глядя протянула ко мне: - Давай сюда свои наручники.

Один из бойцов, решив, что настал подходящий момент, метнулся к вездеходу, но был остановлен меткой очередью, снова простучавшей перед самыми носками ботинок.

- В следующий раз стреляю по ногам, - бесстрастно предупредила Аланая, вслепую расстегивая на мне один браслет и не сводя глаз с противников. Не дожидаясь, пока она возьмется за второй, я, звеня этой игрушкой, метнулся к рулю. Как всегда, вояки оставили ключ в замке зажигания! Молясь всем богам, я его повернул. И, убедившись, что машина все же дееспособна, направил ее к лесу. Правда, ее кренило на один бок, так что мне стоило немалых усилий, выкручивая руль, заставить ее двигаться по прямой, но на данный момент это была сущая ерунда. Сейчас главным было то, что мы весьма резво удалялись от спецназовцев, под прицелом пулемета беспомощно глядящих нам вслед.

Схема с вездеходом была так же проста, как и с ковром. Уверенный в том, что о нас уже докладывают всем патрулям, я задал маршрут автопилоту, а потом нам с Аланай пришлось выпрыгивать из едущей машины. Я, как мог, попытался уберечь девчонку от ушибов и расцарапывания об всякие ветки, поэтому, что называется, подстелился под нее живым ковриком. Ощутимо приложился боком о какой-то булыжник, а вместо благодарности услышал:

- Не надо со мной нянчиться, Трой! Я тебе об этом, кажется, уже говорила.

- Говорила, кажется, - согласился я, глядя на нее снизу вверх, лицо в лицо, едва различимое в лунном свете. Она упала на меня сверху, но, встретив мой взгляд, быстро откатилась в сторону. Я поднялся, намереваясь ей помочь, однако и она уже была на ногах. Взглянула на меня исподлобья, смущенно улыбнулась. Потом нахмурилась, кончиками пальцев осторожно коснувшись моего лица:

- Очень болит?

- Бывало хуже. А сегодня, благодаря тебе, всего-то три зуба придется вставить. Ты мне лучше скажи, где ты так стрелять научилась?

- У папы на полигоне. Внимательнее надо было слушать, когда я свою биографию бабушке излагала.

- Прости, но в тот момент у меня голова немножко другим была занята, так что я не ухватил всех подробностей, - я подал ей руку, побуждая двигаться через лес. И уже на ходу, периодически переходящем в бег, поинтересовался: - Ну и кто твой папа?

- Генерал Раканов.

- Вот это да! - вырвалось у меня. Как же это я сразу не догадался? Старый боевой товарищ моего бати! Судьба их давно развела, но они продолжали друг другу периодически весточки слать. И я ведь даже знал, что у Раканова есть дочь, но отчего-то не догадался между собой эти факты сложить. И ведать не ведал, что их дальние родственники в моем поселке живут. Правда, не самого генерала, а его жены.

- Что опять не так? - подозрительно спросила Аланая, видимо, сумевшая расслышать в моем восклицании что-то свое.

- Не думал, что ты у нас дочь таких почтенных родителей.

- И что? - девчонка резко затормозила. Я, державший ее за руку, тоже вынужден был остановиться. - Тебя это пугает? Так не бойся, я за свои поступки привыкла сама отвечать. Ты же меня с собой не звал, я сама к тебе сбежала.

- Вот это меня и пугает больше всего. Только сейчас не время выяснять отношения, - я снова потянул ее за собой. - Давай вначале уберемся подальше из этого квадрата, а заодно следы заметем. И тише!

- Сам начал, - буркнула Аланая, после этого беззвучно заскользившая через лес моей тенью.

Я хорошо знал этот район - не зря ведь его выбрал для беседы с типом в багажнике! - и уверенно вел девчонку через все балки и буреломы, только с виду казавшиеся непроходимыми. Свои здесь даже не споткнутся, а вот чужакам продираться и продираться, если только местный лешак не решит им помочь. Но он, как выяснилось, уже был занят в этот момент оказанием помощи, только не путеводной, а медицинской. Мы с Аланай на него наткнулись почти случайно, вначале заметив среди деревьев темнеющую массу избы. Сидя на своих нижних венцах, она протянула лешаку Нениле одну лапу с жалко поджатыми пальчиками.

- Трой? - спросил тот, даже не оглянувшись на меня: ему, хозяину леса, незачем это было делать. Что сам по звукам не определит, то ему деревья нашепчут. Наверняка он и избу нашел таким образом.

- Он самый, - заверил я, присаживаясь на корточки рядом с ним. - И что случилось с этим непутевым жилищем?

Жилище в ответ жалобно скрипнуло, поворачивая лапу так, чтобы было видно: пулеметной пулей ее успели-таки зацепить, даже дважды. Потом подняло на меня свои слезно блеснувшие в лунном свете окошки. И я, кажется, начал понимать, что Яга все-таки находит в своей блудливой избе. Душу! Пусть и с дрянным характером впридачу, но все же!

- Ладно, - смущенно буркнул я, когда сидящая изба протянула ко мне пальцы своей здоровой лапы и так умиротворяюще скребнула передо мной ими по земле, что я без слов понял: обнуление счетов-таки состоялось! Конечно, новый счет нам с ней открыть - плевое дело, но именно сегодня она своего спасителя успела рассмотреть и готова забыть ему все отвешенные пендели, сколько бы их там ни набежало. - Не бродила бы ты больше! Прикинься шалашом и сиди, не отвечаешь! Безопаснее же!

- Я о ней позабочусь! - пообещал Ненила. - Ей теперь несколько дней не бродить, пока лапа не затянется, так что ветками ее тут закидаю, для верности, и буду чужакам путать дороги вокруг нее. А вы с подружкой возьмите чуть восточнее. Пройдете через болото, чтобы все следы замести. Талайя тебе там уже наставила вешек, заранее, на тот случай, если вдруг пригодятся. Как только вы через топь по ним переправитесь, так она их сразу уберет. А без них за вами следом пуститься никто не отважится, пока ее не дозовутся. А она на ухо иногда бывает ну очень туга, беда прямо, - Ненила ехидно так и многозначительно усмехнулся. - Да, по данным совиной разведки, патрулей в той стороне пока еще нет, и раньше полудня они туда не доберутся, если только ковер не используют, но это уже как повезет.

- Спасибо тебе, Ненила, - от души произнес я, выслушав этот инструктаж. - И Талайе передай мою благодарность, на случай, если я ее сам не увижу. Да, и еще, - вспомнил я. - По всем каналам, по каким сможете, попытайтесь донести до Яги, что колдуна зовут Мородум, он из пятой параллели.

- Сделаем! - пообещал лешак, снова занявшись избой.

А мы с Аланай продолжили путь. Пересекли по вешкам черное и топкое Талайино болото. Потом перебежали лощину, торопясь это сделать, пока еще темно - если верить долетающим сигналам кукушек и моим ощущениям, рассвет уже стоял на пороге у ночи. Мы немного уклонились от изначально намеченного мною маршрута, но зато кто его знает, каких злоключений при этом смогли избежать. А так... пусть теперь ищут нас вояки. Прикинув их шансы на успех, я пришел к выводу, что мы даже можем позволить себе небольшой отдых: девчонка выглядела измученной, хоть и крепилась, да и у меня косточки поднывали после перенесенной механической обработки.

Помня о том, что нас могут искать и с воздуха, я для привала выбрал вымоину на крутом речном берегу. Прохладную, сухую (вода сейчас стояла низко) и достаточно глубокую, чтобы мы могли в ней с комфортом сидеть, вытянув ноги. Правда, расположиться в ограниченном пространстве нам пришлось довольно близко друг к другу, но нас с Аланай это не смущало, похоже, обоим. И давало возможность поговорить на приглушенных тонах.

- Вот, - я выложил перед Аланай пучок белых мучнистых стеблей, которые успел найти на берегу, нарвать и даже ополоснуть. - Это съедобно. Больше, к сожалению, ничего пока не могу тебе предложить.

Девчонка насмешливо взглянула на меня и выложила свои стебельки, розовой окраски:

- Это тоже съедобно. Не ты один науку выживания проходил.

Я одобительно хмыкнул, и мы с ней на пару захрустели собранной добычей.

- Да, недооценил я тебя поначалу, - признался я, поглядывая на нее.

- Я тебе сразу это говорила, - невозмутимо пожалала плечами девчонка, отряхивая ладошки после еды. - Но ты ведь даже слушать меня не хотел.

- Ну, растения нужные знаешь. Ну, хорошо умеешь стрелять. А вот ключи-то от наручников откуда взяла? – задал я не дающий мне покоя вопрос.

- Да у сержанта стянула, пока он меня в машину подсаживал.

- Ну и ну! Этому тебя тоже на папином полигоне учили?

- Где бы ни учили, а пригодилось, как видишь! – Аланая сдержала смехок. – А если ты думаешь, что я только это успела сделать, то снова меня недооцениваешь. Я, между прочим, так поздно до тебя добежала потому, что, пользуясь своим влиянием на нашего пленного книгочеха, как ты его назвал, успела выпытать у него, сколько всего в уезде работает транспереходных зон. Бабушка хотела это узнать, а он их как раз, оказывается, обслуживает. Он вообще у этого Лакнафа как подручный, но не мелкая сошка. С гонором.

- А я еще сокрушался, что неплохо было бы его при побеге с собой прихватить для дальнейшего разговора! Но понимал, что в нашей ситуации это будет слишком проблематично. Оказывается, и пытаться не стоило. Так что там он тебе про зоны напел?

- Всего в уездном районе их сейчас двенадцать. Конкретно в твоём осталось три, четвертую вы с бабушкой успели закрыть. Самая активная – в районе Веселовки. Причем, не в лесу, а уже в пределах самого поселка, в каком-то заброшенном амбаре.

- Не зря именно там колдун квартируется. Если все это правда. Но мне кажется, что наш книгочей слишком уж много информации тебе успел выложить. Уверена, что не соврал?

- Соврал? Мне? Я, пользуясь случаем, пообещала ему, что поцелую его после того, как он удовлетворит мое женское любопытство. Он, услышав это, так зачистил, что только от зубов отскакивало! А так можно лишь правду выкладывать, сочинять на ходу с такой скоростью не получится.

- Психолог, – проворчал я. Потом, не удержавшись, с сарказмом поинтересовался: – И как, поцеловала?

- Поцеловала бы, да времени не оставалось! – в том же тоне ответствовала мне девчонка. – Потому что дослушала и сразу кинулась бежать к тебе и твоей машине. Зубы твои спасать, – она взглянула на мою разбитую физиономию, потом посмотрела мне в глаза и отвернулась, прерывисто вздохнув.

- Аланая... – я не разобрался во всех бабкиных амулетах, но самые основные из них успел изучить. Так что снял с себя сейчас один, действенный от приворотов. – Выполни, пожалуйста, мою просьбу: надень это и носи, пока не представится случай бабуле вернуть.

- Это что? – девчонка неуверенно потянула руку к ремешку, но на полпути ее опустила.

- Одна из бабушкиных игрушек, которая уберезет тебя от мелких неприятностей, – я сам надел ей на шею тоненький ремешок. Яга никак не желает понять, что колдовством не зажжешь настоящего чувства, и все пытается какие-то свои коррективы вносить в мои отношения с противоположным полом. Но сейчас я хотел быть уверенным в том, что девчонка проявляет ко мне симпатию не под действием Ягусиных зелий, а сама по себе. Или убедиться в том, что все это было очередным наваждением, и больше не морочить Алане голову. Так что расправил ее примятые ремешком кудряшки и попросил: – Спрячь его под одежду, чтобы не потерять.

Она спрятала, глядя на меня чуть растерянно и продолжая прижимать амулет ладошкой к себе:

- А как же ты? Сможешь без него обойтись?

- Легко! – заверил я, уже научившись отличать свое личное от навеянного вездесущей Ягой. И ощущая, что, кажется, в этот раз бабкины зелья многого бы не сделали, сверх того, что и без них со мной происходило. Кажется, Расифайя была права, и в этот раз меня зацепили всерьез. Я посмотрел на открытое девичье личико, упрямое и вместе с тем какое-то доверчивое и беззащитное. И понял, что очень хочу ее поцеловать. Конечно, было бы некрасиво с моей стороны воспользоваться уединенностью и теснотой

нашего укрытия, но я бы все-таки не удержался, если бы только у меня сейчас губы не были всмятку разбиты. А так оставалось только вздохнуть.

- Ты чего? - она провела кончиками пальцев по царапинам у меня на плечах, наконец-то начавшим заживать. Потом вдруг смутилась, отдернула руку.

- К слову, с тобой путешествовать гораздо приятнее, чем с Васькой, - сообщил я.

- Зато с Васькой наверняка веселее было, - подколола она, сдержав накативший смешок.

- Об этом ты у него спросишь, когда вы увидите, - пора было, нарушая нашу идиллию, переходить к серьезным вопросам. - Потому что мы сейчас недалеко от того места, где я его оставил. И я бы хотел тебя туда проводить.

- Зачем?

- В идеале найти бы для тебя у тети Куди укрытие до лучших времен...

- И думать забудь! Я не стану нигде отсиживаться!

- Я сказал «в идеале», потому что теперь сам хочу у тебя помощи попросить. Но для этого нужно изменить твою внешность на тот случай, если вояки успели тебя рассмотреть. А она в этом мастер.

- И только-то? С этим я и сама неплохо справлюсь! - девчонка сноровисто переплела свои кудряшки, потом что-то проделала с полами кофточки и с рукавами, в самом деле изменившись так, что посторонний уже, не приглядываясь, не сможет узнать, особенно если до этого видел ее лишь ночью. Пообещала мне: - Рост с осанкой и выражение лица изменю по мере необходимости. Ты только скажи мне, что я сделать должна.

- Мы с тобой пройдем лесом до границ с Веселовкой. Там я останусь в зарослях и буду следить за тобой, а ты уже в одиночку выйдешь на открытое пространство и станешь высматривать воздушный патруль. Мне нужен Ким, ты его знаешь. Или Стеша, сорока.

- Ее тоже знаю. Дальше что?

- В общем, тебе надо связаться с кем-то из них, напрямую или через других представителей патруля. А потом ты передашь им мою просьбу: мне надо, чтобы они стали моими посланниками к Рару, участковому в Веселовке. И чтобы вызвали его для беседы со мной в то место, которое я укажу.

- Не проще ли мне самой тогда сразу к нему сходить и позвать?

- Нет, не проще. У меня есть сомнения в том, что Рар предатель. То есть, это даже не подозрения, и он не должен им быть, но я не полностью уверен, что это не так. Поэтому тебя к нему не пошлю, только нейтральное лицо из крылатых, которым при случае будет нетрудно скрыться. А ты мне еще будешь нужна для другого дела. Ты должна будешь затаиться неподалеку от нашего места встречи. И ни во что не вмешиваться, что бы ни произошло, только слушать и наблюдать. Даже если наш разговор пройдет гладко, не торопись сразу после него себя обнаруживать. Ну, а если что-то пойдет не так, то ты из своего укрытия каждое слово запоминай и всякую морду, какую только сможешь рассмотреть. А после незаметно уходишь и держишь путь в город, в салон младшей Яги. Расскажешь ей все, что было. Я уверен, что она сможет экстренно связаться с бабулей, а дальше уж по обстоятельствам. Да, и еще, передай им, что Лакнаф, предатель, тесно связан с одним из столичных военных чиновников. Не знаю, какой он пост сейчас занимает, но зовут его Потап Косоруков.

- Подходящая фамилия для предателя!

- Косорылов ему куда больше бы подошла. Вот, собственно, и все, что от тебя требуется. Немало, сразу скажу. Но я уверен, что ты справишься. И постарайся нигде не упоминать, чья ты дочь. Кого-то это может не остановить, напротив, подвинуть на преступление, если только они поймут, что ты можешь без особых проблем достучаться до такого влиятельного лица, как твой папа, - тут я не удержался и добавил: - А еще, возможно, твой папа при встрече сам тебя прилепнуть попытается, если только родня уже донесла ему о твоём побеге среди ночи.

- Думаю, родня не стала торопиться и хвастаться папе тем, что не сумела за мной уследить, - мятежно фыркнула девчонка. - А если уж дойдет до разборок, то я могу теперь заявить, что преступника выслеживала от самых своих ворот! Пусть докажут, что это не так! Я ведь сдала его властям? Сдала! Это ведь он меня по ночам караулил под окнами! Так что видел он меня сбегающей или нет, но теперь его слово против моего мало стоит. А что касается военных, то они сами вряд ли станут выкладывать подробности о том, что их, профессионалов, девчонка обула и пленника у них увела. Скорее, общей информацией в докладе ограничатся.

- Так, может, при таком новом раскладе дел есть еще шанс попытаться вернуть тебя домой без потерь?! - поддел я.

- Даже и не мечтай, ни единого! Или, точнее, только один, может так случиться... - она посмотрела мне в глаза, пристально и очень серьезно. - Если вдруг ты и в самом деле в беду попадешь, то я пойду на все, чтобы тебя выручить! Надо будет, так и к отцу за помощью обращусь. Буду его упрашивать, умолять! Сочинять ему все эти истории о моем хорошем поведении. А если придется, то даже пообещаю все-таки выйти замуж за этого уroda Павлика. Так что ты уж, пожалуйста, постарайся в крупные переплеты не попадать, - голос у девчонки звучал все тише, а под конец и вовсе замер, как и она сама.

- Аланая... - теперь я просто не мог ее не поцеловать, что и сделал. Вначале осторожно, чтобы ее кровью не испачкать, но потом понял, что Ягусины амулеты делают свое заживляющее дело, и увлекся. Очень ярко ощущая при этом разницу между просто поцелуем и тем случаем, когда ты целуешь женщину, к которой неравнодушен. Когда-то знакомое мне, но надежно забытое ощущение.

Когда я, наконец, нашел в себе силы оторваться от Аланаиногo личика, она так и осталась сидеть в обнимку со мной, только еще доверчиво прижала к моей груди свою очаровательную щечку. А я ощущал, как она вся трепещет под моей рукой, и чувствовал себя последней сволочью. И все из-за того, что ради моего спасения она даже за Павлика готова была выйти замуж.

- Аланая, - окликнул я тихо. - Скажи, а твоя родня, когда объявляла тебе имя твоего жениха, его портрет тебе при этом не показывала?

- А то как же! - тихо буркнула она. - Конечно, показывала! Хочешь взглянуть?

- А что, он и сейчас у тебя с собой?!

- Ясное дело! Мне его всучили в приказном порядке, так я в свободные минуты душу на нем отвожу, - не высвобождаясь из моей руки, девчушка залезла в задний карман брюк, вытащила оттуда плотный прямоугольничек фотографии и сунула мне. - На, полюбуйся. Уверена, что таким ты его еще не видел.

- Да уж. Таким - точно нет, - согласился я, разглядывая это фото под разными углами. И в самом деле, такой эту рожу я не видел ни с *самого* страшного бодуна, ни после *самой* горячей разборки. Ведь единственное, чего Аланая не успела сделать с этим портретом, так это рассмотреть его, прежде чем за него взялась. А теперь меня по нему (на что я надеялся, задавая ей свой вопрос) было бы крайне сложно узнать даже Яге с ее наметанным глазом. Девчонка отретушировала на фото все, что могла! Уши раз в пять увеличила, нос и зубы удлинила и разогнула вкривь и вкось, да много чего еще «улучшила». В общем, судя по увиденному, не только меня время от времени посещает творческое вдохновение, к Алане оно тоже в гости заглядывает. Сдерживая смех, я обратился к ней: - Слушай, класс! Ты не могла бы это фото мне подарить? А себе другое потом разрисуешь.

- Бери, если хочешь, - великодушно разрешила художница. - А другого не будет. Как бы все ни повернулось, а я второе изображение этой рожи даже в руки больше никогда не возьму.

Я только вздохнул в ответ, понимая, что сейчас не время для объяснений. Чмокнул девчонку в макушку, склоненную к моему плечу. Потом спрятал в свой карман эксклюзивный портретик - если выживу после всего, что сейчас грядет, то буду его впоследствии внукам показывать. И сказал:

- Ну все, пора двигаться. Сейчас дневной воздушный патруль сменил сов на посту, будет совершать контрольный облет территории. Самое время ловить тех, кто нам нужен.

Алана выполнила все, о чем я ее просил, быстро и точно. Встретила Кима, организовала мне встречу с Раром и даже затаилась в укромном месте. Я бы и не заметил, где именно, если бы она по моему требованию сама мне его не показала. После чего сидела там тихо, как мышка. Даже тогда, когда Рар пришел на встречу и в ответ на мое приветствие заявил официальным тоном:

- Трой, ты арестован! Следуй за мной, или нам придется силу применить!

Такого я от Рара, честно признаться, не ожидал, чтобы он из парламентаря да сразу бы переклассифицировался в тюремщика. Потому что подсознательно все это время продолжал ему доверять. А еще потому, что у нас даже в общении с преступниками есть свои правила поведения, когда те сами вызывают участкового для переговоров. Но теперь на попятный мне было уже поздно идти. Два Раровых кореша-медведя, Сид и Ласт, были, разумеется, неподалеку, так что перевес сил был явно не на моей стороне. А убежать я даже не пытался, чтобы мои преследователи ненароком не наткнулись на Алану, а то и пулей бы ее не зацепили, если надумают стрелять в беглеца. Так что, рассудив, что фортуна – дама непостоянная, а один раз мне уже довелось побывать у Рара в качестве задержанного, я безропотно пошел под конвоем в сторону Веселовки и устроенного там КПЗ. По пути пару раз попытался завести с Раром разговор про Мозу – собственно, ради ее с внуком спасения я и решился на эту встречу. Но Рар каждый раз обрывал меня, официальным тоном заявляя, что арестованным положено говорить только во время допроса. Пришлось смириться и отложить разговор на некоторое время. Недолгое, учитывая, что допрос был не за горами.

Все еще не представляя, чего мне от Рара ждать, я пересек порог его КПЗ. И как только остался один, сразу же опустился на нары. Чтобы передохнуть, пользуясь случаем, и дожидаться дальнейших событий с относительными удобствами. Я ожидал, что мне сейчас завтрак принесут, как обычно делалось перед допросом, но все опять пошло не так. Вскоре что-то зашуршало в углу камеры, а потом откинулся люк в стене. Судя по его расположению, у Рара тайный лаз в помещение КПЗ шел не под землей, как у меня, а поверху, какими-то чердаками.

- Как видишь, не у одного тебя КПЗуха с секретом, – дружелюбно ухмыльнулся мне приземлившийся на пол Рар, отряхиваясь от пыли. – В твоей, кстати, этой ночью страсти просто кипели.

- В смысле, ты успел узнать о покушении на Дадона? – удивился я.

- Типа того. Спецназовский патруль задержанного Тома привез, попытались его подселить к Дадону. А Дадон начал вопить, что не надо к нему подсаживать убийц. Швырнул в конвоиров какую-то замотанную узлами веревку. Про каких-то высокопоставленных преступников начал орать. В общем, всех, кого мог, поднял на ноги. А когда его оставили в камере с Томом наедине, чтобы вызвать начальство, он Тома вырубил ударом по голове, а сам исчез, будто его и не было. Через лаз?

- Да, я сам ему его показал. Сегодня ночью там был, и мы разговаривали.

- Ну, тогда давай и мне теперь выкладывай все то, о чем ты пытался орать на улице, на радость всем свободным ушам.

- И ты прислушаешься ко всему, что я тебе скажу?

- Прислушаюсь, не сомневайся.

- Тогда главное сейчас – это обезопасить бабку Мозу и ее внука. Она к тебе собиралась жаловаться идти, но я сомневаюсь, что ей это позволят сделать, раз ты не предатель.

- Спасибо на добром слове, – фыркнул Рар то ли с благодарностью, то ли с сарказмом. Стукнул куда-то в стеночку и прямо в нее же начал кому-то распоряжения отдавать.

- Только на Цветочной, шесть, ее ни в коем случае не ищите! – предупредил я. – Без толку, да и опасно. Сейчас буду объяснять, почему.

- Ну давай, объясняй, - потребовал Рар, присаживаясь на нары рядом со мной. Вытащил из кармана пакет с бутербродами: - И вот, жуй между делом. Твой официальный паек стоит сейчас на казенной кухне, а Сид следит из укрытия, не попытается ли кто-то туда чего-нибудь добавить, пока Ласт будет заниматься твоей бабкой.

- Твоей, - поправил я. - Она ведь с твоего участка, - и принялся рассказывать ему все. Начиная от моего прошлого визита сюда и побега. Не коснулся в рассказе лишь Аланаи: как бы я Рару ни доверял, а девчонка была для меня слишком животрепещущей темой.

- Да, всюду ты успел, - вздохнул Рар, выслушав меня до конца. - Хотя, быть может, все то же самое далось бы тебе гораздо легче, если бы ты Лакнафа не послушал и не сиганул в окно. Я ведь специально именно его пригласил участвовать в арбитраже! Были уже у меня подозрения на его счет, хотел проверить.

- А когда я все же сотворил эту глупость, ты его специально кипятком обварил, чтобы не дать меня пристрелить? - догадался я.

- Соображаешь! Кстати, бутерброды-то ешь! Не отравлены, гарантирую, - Рар посмотрел мне в глаза, а потом вытащил из внутреннего кармана и положил между нами, на доски нар, небольшую радужную бляху. Мне не нужно было второго взгляда, чтобы ее узнать! Бляха КИРа! Крайняя Инстанция Расследования. В это бюро обращались лишь спецы, и только тогда, когда все остальные попытки расследовать дело уже испробованы, но ни к чему так и не привели. - Меня временно уполномочили от КИРа поработать в этом районе, потому что когда-то я был их штатным сотрудником. Ушел после ранения, думал, доработаю до пенсии участковым в покое и тишине.

- Ну, если глаза завязать да уши заткнуть, то здесь и в самом деле спокойно и тихо, - усмехнулся я. Пододвинул бляху обратно к Рару, чтобы он ее снова спрятал. А бутерброды так и остались лежать нетронутыми - у меня кусок в горло сейчас не лез, потому что я думал об Аланае. Как она сейчас? Где? И тоже, наверное, голодная. Но Рару или его помощникам кидаться за ней вдогонку все равно было уже бесполезно - Аланая теперь никому из них не доверится, поскольку Рар арестовал меня у нее на глазах. Рар пришел к такому же выводу после того, как я все же решился рассказать ему про свою посланницу. Нет бы он сразу мне свою КИРовскую бляху показал! Тогда бы я сразу знал, что могу доверять ему без всяких сомнений и оговорок! С другой стороны, такую информацию, как сотрудничество с КИРом, тоже далеко не каждому выкладывают. Лишь избранным и доверенным лицам. Раз меня ввели в курс дела, значит, я теперь могу себя считать одним из таких. Так что я поинтересовался: - Так когда и после чего на тебя вышел КИР?

- После обработки статистических данных. В нашем уезде пропадает население, можно сказать, целыми пачками, а в краевых министерствах об этом ни сном, ни духом! Но есть статистика посещения государственных учреждений, получения пособий и так далее. И вот именно статистический отдел начал бить тревогу. Естественно, что после этого сразу подключили КИР, так как стало понятно, что где-то в высоких министерских кабинетах Внутренних дел дела обстоят неладно. Кто-то весьма успешно прикрывает там шайку то ли маньяков, то ли нелегальных работников.

- Скорее, работников. Сотрудник министерства Потап Косоруков, это я тебе все уже рассказал. То ли он деньгами с этого дела имеет, то ли чародей ему какие-то услуги пообещал...

- Будем выяснять. Я так понимаю, что, когда в министерстве стали шерстить сотрудников, гражданин Косоруков, чтобы отвести подозрения от себя и своих сообщников, выбрал здесь, на месте, мальчика для битья - тебя. Не утруждая пришлого чародея, при помощи местных подельников списал на тебя все мыслимые грехи, спецназ натравил, с тем большим удовольствием, что и в прошлом имел на тебя большой зуб. А чтобы и с Ягой тоже расправиться, он каким-то образом умудрился включить в состав первой группы магов. Он же знал, что, случись что с тобой, Яга не станет молчать, да и для Мородума этого Яга представляла угрозу, так что действовал сразу во всех направлениях.

- В общем, все они продумали, все просчитали! Кроме одного: что я все-таки улизну. Потому что мы за это дело взяли немного раньше, чем они рассчитывали. И Яга даже успела ознакомиться с чародейскими ядами, благодаря чему я все-таки выжил, когда

Лакнаф меня попытался отравить.

- Такого поворота событий я не предполагал, прости. Прошляпил преступление в собственном кабинете! Слава богам, что для тебя эта попытка благополучно закончилась! Но следующая, надо думать, не за горами! Сид не зря сейчас, после того, как я тебя демонстративно конвоировал по поселку, следит за твоим обедом. Ждем, кто и с какой отравой на этот раз попытается к твоей еде подобраться, хотим взять этого типа с поличным на месте преступления. Стена я, кстати, расколол на предмет пособничества преступной группировке и уже тайно этапировал его в КИР. Но он мелкая сошка, из него много не выжмешь.

- А я-то все гадал, почему этого вездесущего гаденыша нигде не видно.

- Ну вот, теперь и гадать не надо, потому что знаешь наверняка. А сейчас мы и еще какие-нибудь новости получим, - добавил Рар, прислушиваясь к шороху из лаза. Тихому, едва слышному. Пробирался сюда явно не медведь. И точно, из потайного люка выскользнул Треф, паренек из семейства куньих. Невысокий, гибкий, шустрый. Вот только, в отличие от коротышки Стена, не суетливый, да и на вид куда симпатичнее.

- Ласт меня послал передать, что у Троя в КПЗ Том недавно покончил с собой, повесился, - доложил он нам обоим.

- Знакомый сценарий! - воскликнул я, выругавшись. - Подчистили свидетеля! Причем, знающего точное количество транспереходных зон! Только бы, - всполошился я, - Потап или Лакнаф не успели с ним побеседовать перед тем, как ему свою черную веревку подсунули! Наверняка ведь точно такую же, какой они и Дадона пытались убрать. Яге бы ее, на экспертизу! Но это все потом, - я замолчал, отчаянно размышляя, не выболтал ли Том о своем общении с Аланаей, не могли ли негодяи кинуться после этого за девчонкой в погоню. Конечно, они, в отличие от меня, понятия не имеют о ее ближайших планах и о том, куда она сейчас держит путь. Но ведь у Потапа под началом имеются летающие ковры и наверняка еще кое-какая поисковая техника, которая в определенных условиях может даже превзойти зоркий соколиный глаз.

- Еще Ласт передает, что Мозу с внуком отыскали, охрана ей обеспечена, - продолжил тем временем Треф. - А Сид сообщает, что перехватил отравителя.

- Фару? - предположил я. - Я так понимаю, эта деятельная и энергичная дама у Лакнафа на особом счету!

- Нет, не угадал, - усмехнулся Треф. - Это наш, местный хлыщ. Клянется, что ему просто заплатили. И что дали не отраву вовсе подсыпать, а слабительное, хохмы ради. Но если он врет, то Сид его расколлет, не сомневайся, и заказчика заставит опознать, если это только возможно. А Фара выбыла из игры. В твоём, Трой, поселке сегодня вообще штормит с самого рассвета! Фара, едва узнала о смерти Тома, кинулась к Лакнафу. Он гостил у одного из командующих понаехавшим спецназом, у Потапа какого-то. Фара вышибла им дверь, схватила Лакнафа за грудки, выволокла его на крыльцо и давай трясти да швырять по двору, голося, что это он во всем виноват. Лакнаф нехилый мужик, но едва вырвался от нее. Отскочил, а тут она ему начала орать на всю улицу, что Тома он погубил и за это заплатит, она теперь ему тут устроит, ни о чем не будет молчать. Снова на него кинулась. Тут Лакнаф ее и застрелил, на полпути, из табельного оружия. Заявил во всеулышание, что за нападение на представителя власти. Внешне все вроде бы честь по чести, он даже предупредительный в воздух дал. Но у всех, кто это видел, даже сомнений нет, что это была не самооборона, а убийство с гнилым душком. Тот Потап, у кого Лакнаф гостил, арестовал его всенародно. Как он заявил, до результатов предварительного расследования. Но Баруза видел, как эти двое о чем-то шептались перед тем, как Лакнафа заперли в камере. И так на малого подействовала гибель матери, что он не стал больше перед населением нос задирать, а тут же кинулся Стеше обо всем рассказывать. Та Киму передала. И воздушный патруль сумел отследить, что Лакнаф покинул КПЗшку. Удрал через какой-то потайной лаз, выбрался из кустов и скрылся в лесу. Соколы его в зарослях упустили, но попросили о помощи лешаков и птиц, что поменьше. Теперь ждем новостей.

Рассказ Трефа я дослушивал уже стоя, но все равно с таким чувством, как будто сижу на раскаленных иголках. Как только он умолк, я быстро спросил:

- Как давно это было?!

- Ну... наверное, около двух кукушек назад. Может, чуть поменьше.

- Только бы успеть! - я развернулся к Рару. - Ставлю тебя в известность, что твой пленник совершает побег! Даже не пытайся меня сейчас удерживать, я должен догнать Алану! Раньше, чем Лакнаф ее отыщет!

- Трой, остановись! Заказчик твоего отравления не должен тебя сейчас видеть живым, иначе мы его опять не поймем за руку, так, чтоб наверняка!

- Плевать! Хоть сам ложись и изображай меня мертвого! - я уже ломился к выходу через Рара, заслоняющего мне двери.

- А еще тебя спецназовцы могут подстрелить! Они же продолжают охотиться на тебя, ты забыл?

- Лучше пусть меня убьют, чем ее! - вспомнив, что входная дверь заперта снаружи, я подпрыгнул, схватился за край потайного люка и исчез в нем прежде, чем Рар успел схватить меня за ноги.

На улицу я выбрался через чердак, по наружной лестнице, бегущей вдоль стенки Раровой конторы. Оказался у него на заднем дворе, где мне очень кстати попался на глаза патрульный мотоцикл на воздушных колесах. У меня такой тоже имелся, но, разбитый всмятку во время очередной погони, лежал теперь в сарае, ожидая списания. Раров же был на ходу, даже почти не мятый, в отличие от моего бедолаги, вот только без ключа в замке.

- Стой, псих! Зажигание не ломай! - услышал я отчаянный крик сверху. А в следующее мгновение Рар, выбежавший вслед за мной на чердак, запустил в меня ключами прямо с крыши. - Держи! И шлем надень, чтоб твою морду спецназ не мог рассмотреть! Мы к тебе на подмогу следом!

Судя по жестикуляции, он еще мне что-то кричал, но я, последовав его совету, закрыл голову шлемом, после чего выжал на заведенном мотоцикле газ, так что посторонние звуки до меня уже просто не долетали.

Возможно, другой на моем месте имел бы весьма небольшие шансы вычислить девчонку в лесу, зная лишь конечную цель ее маршрута. Но я во время своего общения с Аланай уже ловил себя на мысли, что во многом мы с ней смотрим на мир одинаково. Поэтому просто задал себе вопрос: как бы я пробирался к городу? Так и ломанулся по мысленно нарисованному пути. Не жалея ни себя, ни мотоцикла. Лесные заросли я по мере возможности объезжал, но и им, и транспорту все равно доставалось. Про себя вообще молчу – если бы не шлем, мне бы глаза не раз уже выстегнуло ветками. А так они лишь хлестали меня да царапали по всему остальному, но я этого почти не замечал. В голове одно только и билось: успеть!

Через какое-то время, пробороздив на полной скорости пару устроенных на меня спецназовских засад и обеспечив себе хвост из безнадежно отставшей погони, я начал получать косвенные подтверждения тому, что двигаюсь в правильном направлении. Впереди меня мелькнул летающий ковер армейского образца, тот самый железный поддон, который даже издали отличишь от любого другого. Потом послышались выстрелы. Не сзади – погнавшиеся за мной спецназовцы пока не отваживались стрелять, не сумев установить, кто именно игнорировал их приказы остановиться, пронесся на полицейском мотоцикле. Нет, стреляли впереди, с ковра. И как я вскоре понял, по птицам: пара соколов, пронесшихся на бреющем полете над ковром, резко изменила траекторию, спасаясь от пуль. Один ушел вниз, под ковер, а другой спикировал навстречу моему мчащемуся мотоциклу. Ким! В резком развороте махнул мне крылом, призывая следовать за собой. Я вначале опешил: как он меня мог узнать, с высоты да еще и в шлеме? Но потом вспомнил, как он мне уже заявлял на эту тему. Что-то типа: «Тебя, придурка, по манере вождения даже издали видно, с нормальными людьми точно не спутаешь!». Ну, а раз так, то прибавим-ка еще газу, если это еще возможно!

На одну небольшую полянку мы с ковром вылетели практически одновременно, он с небес, а я из чащи, осколками взрыва разметав вокруг себя преградившие путь сухие сучья. Не притормаживая, я прыгнул с мотоцикла, позволив ему продолжить движение и врезаться в приземляющийся ковер. Удар получился славный, аж в ушах загудело! А самое главное, тот стрелок, который уже взял с ковра на мушку промелькнувшую меж кустов и до боли мне знакомую кофточку, полетел вместе со своим пистолетом кубарем, с ковра и в кусты. Правда, сгруппировался, сохранив при падении как боеспособность, так и свое оружие, так что на ногах мы оказались почти одновременно. Я опередил его буквально на пару мгновений, которых мне как раз хватило на то, чтобы убедиться, что передо мной действительно Лакнаф, сорвать со своей головы тяжелый мотоциклетный шлем и метнуть его в противника. Он, только что поднявшийся, не успел увернуться. Удар пришелся по руке, заставив-таки его выронить пистолет. Не дожидаясь, пока он его поднимет, я прыгнул вперед, сцепившись с ним врукопашную. Сразу понял, что он, как и я, обучался искусству драки не абы где. Противником он оказался достойным, а еще нас обоих подстегивало осознание того, что отступить нам некуда. У меня за спиной была Аланая, к которой я подпустил бы этого мерзавца только в том случае, если бы распластался трупом на его пути к ней. А у Лакнафа, не расправясь он сейчас с нами обоими, в будущем не было никаких шансов на свободную жизнь, и он прекрасно это понимал. Так что дрались мы с ним отчаянно, катаясь по поляне и взрывая на ней почву с травой, а периодически еще приподнимаясь и швыряя друг друга, будто в попытке впечатать в земную твердь. И не знаю, что там за магическая защита была на Лакнафе, но впервые Ягусины амулеты не оказывали мне никакой ощутимой помощи – видимо, тоже сцепились в противоборстве с амулетами пришлого чародея, которые висели на моем противнике. Пару раз между нами даже разряд проскочил, если только это уже не у меня в глазах сверкало. Еще я успел заметить, что мы на этой поляне уже не одни, и что тут еще кто-то есть, помимо Аланай. Но это все так, мельком, между бросками, изворотами и замахами, после которых следовали удары, один яростнее другого. Можно было даже не сомневаться, что те мерзавцы, которые делали на меня ставки в моих предыдущих драках, сегодня очень многое упустили! Потому что так, как сегодня, я не дрался еще никогда! И еще никогда в жизни не испытывал в драке вместо здоровой злости холодную и беспощадную ярость без малейшего опасения нанести противнику непоправимый вред. А то, что на нашей поляне явно прибавлялось зрителей, меня только подстегивало. Тени мелькали вокруг, появляясь сверху и выбираясь из леса. И я, не зная, чем это могло грозить Аланай, выкладывался сейчас даже сверх своих сил, чтобы как можно скорее обрести возможность прийти ей на помощь. А вот у Лакнафа не

было такого мощного стимула, как тревога за любимую девушку, потому что он, как я заметил, начал потихонечку выдыхаться. Вскользь пропустил один мой удар, от второго не успел полностью отклониться. Потом достал меня кулаком, но как-то неубедительно, что позволило мне провести контрприем, зарядив ему в челюсть так, что мы наконец-то перестали являть собой единый сцепившийся в драке клубок. Отлетев от меня на пару шагов, Лакнаф, разумеется, тут же начал подниматься. А я использовал ниспосланную мне секундную передышку на то, чтобы с удивлением обнаружить, что по краям поляны собрался уже не один десяток зрителей. И с облегчением обнаружить, что Аланае, кажется, ничего не грозит. В отличие от меня, потому что ее крик настиг меня одновременно с Лакнафовым броском:

- Трой, у него нож в кулаке!

Успев заметить блик, я сумел перехватить вооруженную руку врага, и мы снова покатались с ним по поляне. Выворачивались из одного захвата, чтобы попасть в другой, и пытаюсь придушить противника там, где не удалось отвесить полноценный удар кулаком. Мне теперь было сложнее, потому что приходилось еще постоянно помнить про нож. Но я справлялся. Улучив момент, взял Лакнафа на болевой прием, перекинул его через себя, вскочил, снова организовав между нами хоть какую-то дистанцию. Но Лакнафу с его ножом нужен бы ближний бой, так что он тут же снова кинулся на меня. Я, используя данные мне мгновения, вдруг вспомнил про валяющийся у меня в кармане бархатный мешочек и вытащил его, чтобы в случае необходимости иметь под рукой хотя бы это средство контратаки – если что, им можно было попытаться лезвие захлестнуть. Ведь у меня были все основания не допускать даже легких порезов этим ножом, потому что у человека, уже стрелявшего в меня отравленными пулями, лезвие тоже наверняка было сдобрено каким-нибудь ядом. И, возможно, уже не тем, что прежде, а более сильным, потому что у Лакнафа все еще должна была теплиться надежда на то, что ему удастся выкрутиться, если только он сумеет меня убить. Слабая, прямо скажем, надежда, но в отчаянии человек готов хвататься даже за миражи. Что Лакнаф и делал, попытавшись с разгона насадить меня на острие. Я уклонился, он снова взмахнул ножом, в подтверждение всех моих подозрений метя абы куда, лишь бы мне порез нанести. От повторного замаха меня спас браслет, в свое время надетый бабкой мне на плечо. Он без всякой магии просто отклонил лезвие в сторону, дав ему соскочить. И тут уже я, не дожидаясь дальнейших действий со стороны противника, изловчился и хлестнул его по кулаку с ножом бархатной тканью мешочка. Рассчитывая просто на то, что в следующий момент попытаюсь выдернуть таким образом нож из вражеских рук, но, как уже не раз бывало в последнее время, дело снова приняло неожиданный оборот. Лакнаф попытался высвободить руку из мягкого бархатного обхвата, и даже, между делом, ощутило двинуть мне по почке кулаком свободной руки. А потом что-то вспыхнуло. Завоняло, естественно. И весь его нож холодными каплями жидкого металла стек на землю, после чего как будто уже из самого мешка туда же посыпались какие-то жуки крайне неприглядного вида, мелкие, но твердые даже на вид, с длинными и острыми жвалами. Лакнаф при виде их отшатнулся, как будто уже имел с ними дело. А я, оставив знакомство с этой живностью на потом, для начала крепко врезал ему под дых, после чего наконец-то заломил ему обе руки за спину. И не успел еще дыхание перевести, как кто-то подскочил к нам, очень кстати сунув мне наручники. Я защелкнул их на мерзавце и, предоставив его самому себе, с трудом выпрямился, наконец-то сумев оглядеть поляну из-под заливающего мне глаза пота и крови из разбитой брови.

Народу тут собралось столько, что поляна была опоясана уже в несколько рядов. Складывалось такое впечатление, что весь наш поселок перебазировался сюда, кто на чем, и часть Веселовки тоже. Не иначе, как соколы постарались, сзывая сюда население, как на пожар. Многие из наших теперь недобро косились на собравшийся здесь же спецназ, не смешиваясь с бойцами и всем своим видом демонстрируя, что в обиду они меня больше никому не дадут. Впрочем, спецназ тоже разделился – часть его сгруппировалась возле Рара, тоже экстренно прибывшего сюда и наверняка уже успевшего тайно продемонстрировать кому-то из командного состава свою радужную бляху, гарантирующую беспрекословное содействие предьявителю. Ну, а это означало, что полное подчинение всего воинского состава представителю КИРа было не за горами. Так что...

Я вздрогнул от резкой боли в лодыжке, в следующий миг обнаружив в том месте одного из жуков, с упоением вцепившегося в меня. Оторвал его от брючины, швырнул на землю и растоптал не без труда. И, судя по шевелению на поляне, сопровождаемому хрустом

панцирей, многие сейчас делали то же самое. Не понимая, откуда могла наползти эта напасть, я поднял валяющийся на земле бархатный мешочек колдуна. Как будто целый и по-прежнему пустой, но по весу ставший явно легче. Так что, эта гадость ползет из него? Надо полагать, получает такую возможность при соприкосновении мешка со стихиями! Металл, вода... Так вот почему меня лягушки так красочно материли! Не из-за вони, нет! А из-за того, что в пруд тоже стайка из мешка успела уплыть. Но зачем эти жуки вообще нужны там, в мешке? Что, колдуняра носит их на развод? И, кстати, где он сейчас, интересно?

- Трой! - Аланая, шархнувшаяся от расползающихся жуков как самая обычная девчонка (каких бы она там ни произносила лозунгов об эмансипации), кинулась было ко мне. Но вдруг резко замерла и крикнула еще раз, уже с испугом, глядя куда-то вверх и мне за плечо: - Трой!!! Оглянись!

Легко на помине! Мерзавец колдун спланировал за землю на чем-то вроде летающей доски. Одним движением руки отклонил пущенную в него кем-то пулю, а потом соскользнул с доски и пошел на меня уже своим ходом, на этот раз сжимая в руке какой-то большой зеркальный диск, нацеленный мне в грудь, на законное место злополучного бабкиного амулета. От поноса который, естественно. Уж не знаю, чем он не понравился колдуну. А еще меньше того я понимал, на что вообще этот гад сейчас рассчитывает? Сохранить свой работорговый бизнес? Или просто рассчитаться со мной за то, что я сорвал ему прибыльное дело, а потом убраться в свой мир и уже оттуда не возвращаться? Не знаю, но обратил внимание на то, что трава у него под ногами действительно жухнет, словно он при ходьбе из нее все соки вытягивает. Понятия не имея, что мне следует делать и чего ожидать, я молча смотрел, как этот черный хлыщ приближается ко мне шаг за шагом, попутно отклоняя пули, если кому еще приходила в голову бесполезная идея продолжить стрельбу. Остановился он шагах в десяти от меня, оскалил в зловещей улыбке свои полусгнившие зубы.

- По мне, так другого наказания и не надо, чем на твой склизкий прикус смотреть, - заявил я ему, чувствуя, как меня снова начинает сковывать тот холодный и необъяснимый ужас, который я уже испытал при встрече с этим типом на Цветочной улице. Я, естественно, пытался ему противостоять, но это было что-то подсознательное и первобытное, почти не поддающееся контролю. И, как я успел заметить, не у меня одного колдун вызывал такую реакцию. Многие просто отшатнулись с поляны, вдавливаясь спинами в окружающие кусты. И даже появившийся в небе Ким, в очередной раз попытавшийся спикировать на поляну, вдруг резко изменил курс, в панике взвившись обратно, куда повыше. Впрочем, свою миссию он все равно уже выполнил: следовавшие за ним две метлы уклоняться от курса не стали. Вначале моя Яга, а затем и ее черноокая красавица-дочка приземлились прежде, чем колдуняра успел оглянуться на них. Откинули в стороны свои метлы, трянули какими-то амулетами (а дочка еще и своими бриллиантами, которыми любила себя украшать во всех случаях жизни). Обе явно настраивались на серьезный бой. Колдуняра тоже понял, что время шуток прошло. Словно забыв про меня, развернулся к вновь прибывшим противникам. Я, разумеется, не замедлил этим воспользоваться, подобрал с поляны первый же ком земли покрупнее и запустил его, метя колдуняре в затылок. Ком, естественно, не долетел, разлетелся возле чародея, перед какой-то невидимой преградой. Часть земляных крошек достигла даже бабки с дочкой, за что я удостоился неласкового взгляда последней. Ягуся тоже прошла по мне глазами, быстро и с укоризной, как по нашалившему малышу... и вдруг заинтересованно оглядела меня еще раз. Я так и не понял, что за мысль сумел в ней зажечь, но тот кисет, что я так и продолжал держать в руке, похоже, удостоился ее особого внимания. А потом на поляне началось самое натуральное шоу молний! Население начало разбегаться, оставляя между собой и схлестнувшимися магами слой зарослей пошире. Спецназ в растерянности застыл, попадав навзничь - с такими фейерверками им еще не приходилось дела иметь. Я тоже укрылся за какой-то кочкой, привычно выжидая, не смогу ли улучшить момент и оказаться хоть чем-то полезным. И только Аланая, не иначе как в какой-то прострации, побежала через поляну тушить метелку Яги, в которую попал шальной отклоненный разряд. Кричать что-либо этой дурехе было бесполезно, так что я, пригибаясь под летающими молниями, кинулся к ней, чтобы уволочь ее в укрытие. Мельком увидел, как на посадку идут еще два военных ковра. Приземляться им пришлось в кусты, вкривь и вкось, потому что на поляне живого места сейчас не оставалось. Колдун явно не ожидал нарваться здесь на достойных противниц и теперь бился с отчаянием загнанного в угол. Но и бабке, даже с дочкой, тоже приходилось

несладко, потому что даже сейчас, в этой кутерьме, было заметно, насколько разными были составляющие их магических сил, и насколько вообще ядовитой была сущность этого пришлого мага. Пригнувшись и пропустив над собой пущенный чародеем багрово-черный огненный шар с резким химическим запахом, я подлетел к дурной девчонке, дернул ее за руку:

- Да что ты творишь?! Куда лезешь?! Хватай этот веник и бежим отсюда!

Она взглянула на меня широко открытыми глазами - кажется, в этот раз сама всерьез испугалась, а оставалась на месте только потому, что не решалась никуда с него сдвинуться.

- Все будет хорошо! - шепнул я, глядя ей в глаза, а потом подтолкнул ее к опушке, стараясь заслонить собой от того светопредставления, что продолжало разгораться на поляне все яростней.

Пару раз по пути к лесу я получал удары в спину, горячие и болезненные, как если бы пулю словил в надетом бронежилете. Но бабкины амулеты делали свое дело, продолжая меня защищать, потому что без них даже одно такое попадание закончилось бы для меня плачевно. А так я все-таки сопровождал девчонку до кустов невредимой, от последнего наступившего меня заряда впечатавшись носом в землю. Поднял голову, желая удостовериться, что с Аланай по-прежнему все в порядке. И увидел, как ее обнимает седой мужчина, только что выбравшийся из кустов после неудачного приземления на ковре. Взлохмаченный, поцарапанный, но все же вполне похожий на портрет генерала Раканова, который я видел у бати в альбоме. Батя мой, кстати, тоже был здесь. В тех же кустах, что и его старый боевой товарищ, только закатился в них чуть подальше. И выбирался чуть дальше. Мне как раз хватило времени на то, чтобы собраться с силами и все-таки встать, преодолевая жгучую боль в спине.

- Трой, ты как?! - вырвавшаяся из отцовских объятий Аланая подбежала ко мне и с тревогой уставилась мне в лицо.

- Живой, - выдохнул я, переводя взгляд с нее на своего подковылявшего батю.

Что их сюда принесло, обоих генералов, от которых Аланая вроде как даже пытается меня сейчас заслонить? Не иначе, как им из министерства прислали тревожную весточку старые сослуживцы. И даже по дружбе служебным транспортом обеспечили. Батя застыл передо мной на некотором расстоянии, потому что ближе подойти не позволяла отважно вклинившаяся между нами девчонка. Наверное, он немало пережил за последние часы, но ни за что в жизни не согласился бы никому в этом признаться. И даже обращаясь ко мне, голос свой попытался сохранить сухим и бесстрастным:

- Павел...

- Павел?! - ахнула рядом Аланая, резко разворачиваясь ко мне лицом. Девчонка почти задохнулась от услышанного. Глаза ее так сверкнули, что едва не посрамили устроенный на поляне магами фейерверк. - Ты... Это... Да ты...!!!

В отличие от пуль и разрядов, от звонкой пощечины амулеты Яги меня не спасли. У меня так в ушах зазвенело, что я едва сумел расслышать отчаянный крик с поляны:

- Тройчик, сюда!!!

Яга! Не раздумывая, я высвободился из Аланаиных ручек, схвативших меня за грудки, и метнулся своей даме на помощь! В страхе ожидая увидеть ее поверженной, ослабевшей, уже готовый драться за ее спасение с колдуном хоть на кулаках. Но реальность оказалась куда оптимистичнее. С двух сторон обе Яги с трудом удерживали яростно бьющегося мага словно бы на каких-то энергетических растяжках, которые он отчаянно пытался порвать. Над поляной гудело, искрило и резко пахло озоном.

- Твой черный кисет! - крикнула Яга, лишь только меня увидев. - Раскрой его! Осторожно! Горлом сюда!

Все это время после драки с Лакнафом я продолжал машинально держать бархатный черный мешок у себя, намотав его завязками на руку, так что сразу понял, о чем идет речь. Сорвал его с себя и, зная, что Яга не станет зря предупреждать, как можно

аккуратнее растянул тесемку на горловине. Колдуняра, увидев, что я делаю, забился в своих световых сетях еще яростнее прежнего. Оборвал один энергетический тяж, другой... Но Яга и сама вдруг опустила руки, прерывая энергетический поток. Устала, выдохлась?! Я метнул на нее тревожный взгляд, но наткнулся глазами на колдуна. Того будто перекосило, хотя куда уж больше, и так ведь был не красавец. А теперь и вовсе нос уехал на одну щеку, губы под другую, и весь он как-то странно изгибался-выкручивался, словно пытался вывернуться из-под нацеленной на него открытой горловины. Делал он это так отчаянно, что, возможно, это бы ему удалось, если бы Яга, словно от меня заразившись, не сорвалась вдруг с места и не придала колдуну самое банальное физическое ускорение. Попросту говоря, она наподдала ему коленом под зад, после чего он вынужденно проделал путь до мешка мелкими непрерывными шажками.

- Завязывай! - скомандовала мне Яга. Повела носом, потом озвучила сделанные заключения: - На его счастье, все его жуки успели разбежаться, и он там теперь будет один. Иначе сожрали бы.

- Кстати, - начал я, в наступившей тишине стягивая тесемки кисета, - его зовут...

- Мородум! - обреченно прорычала Яга. - Из пятой параллели! Ты уже сорок восьмой, кто мне это повторяет за прошедшие сутки! Молчи, я тебя умоляю!

Молчу, моя ненаглядная! Хотя... Когда я не сорок восемь, а уже все сто раз просил тебя не испытывать на мне свои приворотные зелья, ты на это так болезненно не реагировала, а лишь игнорировала все мои просьбы. С завидным упорством, вплоть до последнего случая. Вспомнив про Аланаю, я обвел поляну взглядом. Но увидел только народ, который поднимался с земли и выбирался из кустов. В том числе и Лакнафа в наручниках, сопровождаемого двумя неласковыми конвойными. И, к моему удивлению, Потап был с ним рядом, в той же экипировке.

- Это он сунул Лакнафу нож во время драки, - заявил Рар, кивая на съездившегося Потапа. - Несколько человек успели это заметить и готовы все подтвердить.

- Не докажете! - взвился Потап. - И вообще, я требую немедленно меня освободить! Я представитель Министерства Обороны!

- Бывший! - ухмыльнулся оказавшийся рядом сержант, тот, что из вездехода. И встряхнул, разворачивая перед своим командованием, какой-то свиток. - Вот тут договор, в котором все прописано. Кто с кем вступил в сговор и на каких условиях. И все документально заверено подписями соучастников. Думаю, подлинными. Как нам и сообщили, этот документ хранился в бочонке молочных орехов.

Мать моя! Как говорится, устами младенца!.. Девчонка, выходит, сама не зная того, попала в самое яблочко, когда просто врала, пытаюсь меня спасти?! А насколько все было бы проще и легче, если бы я с самого начала отобрал у преступной троицы этот несчастный бочонок и удосужился в него заглянуть?! Но кто бы знал, что это следует сделать?! Да еще не жалея при этом дорогого деликатеса, потому что хранящийся там договор гораздо ценнее?!

- Кстати, узнать бы, у кого этот бочонок был украден, - подал я голос. - Стащили его граждане Лап, Гик и Форс. Если кто их встретит, передайте, что я обещаю им полную амнистию в обмен на требуемую информацию.

- Обойдутся без амнистии! - воскликнула бабка Тота, лучшая заготовщица солений в нашем поселке. - Я и так скажу, что это у меня орехи сперли! А отдал мне их на хранение Лакнаф! Мол, деликатес очень ценный, а у меня самые лучшие погреба! Я еще удивлялась, что он в своем поселке не сумел найти подходящего хранилища! Но он хорошо заплатил, так я и не стала лишние вопросы задавать... А как я потом переживала, когда пропажу-то обнаружила! Ладно бы еще свои орехи были, а то ведь чужие! Так что ты, Трой, взыщи с этих проходимцев за кражу! По полной! А я им еще и моральный вред предъявлю!

- Заметано! - согласился я, сразу вспомнив наш разговорчик в чистом поле, когда эти трое почем зря сваливали на меня все, что только возможно. - По полной, так по полной!

- А нас уж прости! Всех! - продолжила Тота, широким жестом обведя моих покаянно

сопящих односельчан. – Это ж надо было поверить в твою вину! Словно помрачение какое-то разом на всех нашло! Опомнились только тогда, когда Лакнаф, главный твой обвинитель, Фару у всех на глазах застрелил.

– Проехали! – так же коротко ответил я, вспомнив подозрения Яги на клевету липким словом. Если она была права, то мои односельчане были не так уж и виноваты передо мной, они просто поддались подлой магии черного чародея... Кстати, о чародее... – Что с ним теперь будем делать? – спросил я у Яги.

– Тройчик, а ты где такой мешочек-то интересный взял? – поинтересовалась она.

– Да у него самого, на его съемной квартире. Случайно прихватил, когда обнаружил Дафов браслет, рядом с которым этот мешочек лежал.

– Ах, ты ж...! – Яга, не стесняясь, пнула лежащий на земле мешочек, с виду все такой же маленький и пустой, но заметно отяжелевший. – Это же, Тройчик, он на тебя ловушку готовил! Внутри насыпал плотоядных жуков из своего дурного черного мира, а с Дафниса снял браслет! Если бы он успел это все тебе подложить, раскрыв горловину, то ты нагнулся бы за браслетом и оказался бы в тесном мешке, где от тебя за полкукушки времени остались бы одни только кости! Осталось бы от них только мешочек прополоскать! – Яга аж побледнела, все это представив себе. – Ну уж погоди у меня, Мородум из пятого измерения!!! Я тебя обратно с таким приданным отправлю, что всю жизнь будешь про наш мир только с содержанием вспоминать!

– Кстати, о переходных зонах, – тут я наконец-то увидел Аланю, вышедшую на полянку вместе с отцом, заботливо обнимающим ее за плечи. Генерал Раканов неприязненно взглянул на меня, девчонка вообще не удостоила взглядом. Надо понимать, наша помолвка будет расторгнута. Но кто бы знал, что именно меня такая новость расстроит больше всего? Глядя вслед медленно удаляющейся парочке, я хмуро сообщил: – Аланя сумела выяснить у Тома, пока он был еще жив, что зон всего было тринадцать. Одну мы с тобой закрыли, так что осталось найти не больше двенадцати. Сколько-то из них ты уже обнаружила, да? Одна из зон в Веселовке, в каком-то старом амбаре, над поиском остальных придется попотеть.

– Не надо! – Баруза, оказывается, тоже был здесь! Не знаю, кто его с собой прихватил, но сделали это не зря! Осиротевший парень наконец-то соизволил заговорить с себе подобными, как нормальный человек. Торопливо, слегка заикаясь от волнения. – Я знаю, где эти зоны! Мой отец объезжал их с проверкой и часто меня с собой брал! Я их все покажу, все двенадцать!

– Да за такое, – я оглянулся на Рара, – парня даже к награде не жалко будет представить!

Рар молча кивнул мне в ответ. Зная Барузу, мы оба понимали, насколько для него это может быть важно. Особенно теперь, когда он лишился родителей. А в КИРе на многое способны, так что сделают Барузе медаль. Тем более, что, на мой взгляд, он ее действительно заслужил! А что до участия этого недалекого парня в делах колдуна, так вина за это целиком лежала на плечах его отца и матери, уже заплативших за все сполна.

– Хороший ты мальчик, герой! – улыбнулась Барузе Яга, отчего он даже задрал повыше свой уныло опущенный нос. Потом моя дама повернулась ко мне, заботливо оглядела с ног и до головы и постановила: – А вот тебя, Тройчик, надо бы подлечить.

– Это все потом! – я отмахнулся нетерпеливо, почти огрызнулся. – Не для того я выкладывался, чтобы прохладиться на полпути! А для того, чтобы ты всех наших могла назад возвратить. Не успокоюсь, пока их перед собой не увижу!

– К этому мы приступим прямо сейчас! – заверила меня Яга. – Но начнем с закрытия одиннадцати лишних зон! Нам всего одна потребуется. Оставим пока ту, что в амбаре, остальные зиять больше не должны! – она оглянулась на свою сверкающую бриллиантами дочку. – Солнышко, тебе не сложно будет этим заняться? С теми вон в помощь! – она кивнула куда-то себе за плечо, и я увидел на краю полянки давешних магов, оставшихся втроем. Не знаю, когда и откуда они сюда успели приковылять, но вид имели довольно мятый, а на бабку смотрели теперь чуть ли не с благоговением. Дружно

закивали, выражая свое согласие содействовать младшей Яге везде и во всем. Баруза тоже всем своим видом выказывал желание поработать под началом у такой прекрасной руководительницы. Оставалось только надеяться, что в процессе работы никто из четверых не выведет младшую Ягу из себя, так что все у них закончится столь же хорошо, как и начинается. А то младшая Яга заводится гораздо быстрее, чем бабка, и в гнев бывает куда страшней. Я это видел. К счастью, со стороны. Но мужики смотрели на черноокую колдунью в бриллиантах с таким восхищением, что, думаю, за исход их сотрудничества можно было не волноваться. Так что я отвернулся, переключаясь на другие насущные проблемы. Увидел батю, держащего курс ко мне, мимо козыряющих ему спецназовцев. Тоже пошел ему навстречу: пора нам было уже объясниться. Или, на худой конец, хотя бы просто поздороваться.

- Павел... - снова начал батя, оказавшись со мной лицом к лицу.

- Здравствуй, - кивнул я ему. - Мама ничего, надеюсь, не знает?

- Про твои зловещие - нет. Про твою помолвку знает, просто не успела тебе написать. Но мы эту помолвку теперь аккуратно расторгнем, нам эта строптивая девка ни к чему. Хорошо, что заранее свое истинное личико показала.

- То есть, - начал я, заводясь, - ты снова все решаешь за меня? На ком мне жениться, с кем мне расстаться? И почему это она НАМ ни к чему? Тебе, что ли, с ней жить? А нужна ли она МНЕ, ты даже не спрашивал! Ни когда меня с ней обрuchал, ни сейчас.

- То есть ты согласен жить с бабой, которая всенародно лупит тебя по морде? - опешил батя.

- Лупит, если я это заслужил. Хорошо, что ниже не пнула. И вообще, мы сами с ней разберемся, ясно тебе? Без высоких директив и посредников!

У бати в глазах явно читался вопрос, а не ударился ли я, весь такой избитый, еще и обо что-нибудь головой? Но, зная мой характер, он только пожал плечами в ответ:

- Хорошо, как знаешь. Но только потом не жалуйся.

- Я? Тебе? А что, такое хоть раз бывало?

- Дурак ты, Пашка, - выдохнул батя в ответ. И, развернувшись, пошел к каким-то ожидавшим его в отдалении подчиненным. Помня подробности моего расставания с Лагутой, он должен был понимать, что во второй раз, когда сам закон уже не был против меня, такое со мной уже не прокатит. Так что последнее слово на этот раз оставалось не за батею и даже не за мной, а за Аланей. Я тяжело вздохнул. Огляделся, надеясь, что может быть, она еще где-то здесь и мне удастся ее увидеть. Но ни девчонки, ни ее отца на поляне уже не было. Теперь мне оставалось уповать лишь на то, что они оба не уедут из поселка прежде, чем я попытаюсь объясниться со своей суженой. А я сделаю все, чтобы с ней увидеться! Сразу, как только она немного остынет, а я хоть чуть-чуть вернусь к своей прежней форме. С болезненной гримасой - обожженная несколькими попавшими в меня разрядами спина продолжала нещадно гореть - я повернулся к Яге:

- Раз у нас пока время есть, может, ты и в самом деле немного меня подлатаешь?

- Да конечно, Тройчик, касатик ты мой, - заворковала надо мной бабуся. - Сейчас у вояк один ковер отберем, отвезу на нем тебя к дому. Там тобой и займемся, пока нам не пришлют вызов к последней оставшейся зоне.

Слова у Яги с делом не расходились. Ковер тут же был найден, и мы полетели, не забыв прихватить с собой кисет с колдуном: бабка не решилась оставить его без присмотра, хотя сразу в Веселовку его было бы переправить быстрее и проще.

- Может, и амулеты свои уже заберешь? - спросил я. - Мне они, надеюсь, больше не потребуются. Даже этот твой чудотворный, которым, прости боги, лечат понос.

- А вот его как раз дай-ка сейчас сюда, - оживилась бабка. - Остальные пока оставь, пусть повисят, чтобы не обронить ненароком.

Я, даже не глядя, снял с шеи знакомый шнурок. И бабка... приложила его к кисету!

- Это чтобы чародей там, внутри, все не перепачкал на нервной почве? - ошалело поинтересовался я.

- Это чтобы он теперь по бабам шастать мог только в своих мечтах и больше не размножался, - мстительно изрекла Яга. - Потому что, Тройчик, у каждой медали две стороны. Тебя амулет от одного оберегал, а твоим недругам совсем другое дарил.

- Понятно, - выдохнул я, вспомнив внезапно обвисшую черную веревку и то, как Мородум шарахнулся от меня в Мозиной избе, передумав атаковать. Теперь стало ясно, чего он опасался. Но, как известно, от судьбы не уйдешь. И честно скажу, что совесть меня не мучила, когда я молча отвернулся, даже не попытавшись вступить за колдуна.

Транспереходные зоны, все одиннадцать, были ликвидированы к утру. За это время я не только успел поправить здоровье, но даже привел себя в более или менее приличный вид. И даже с приковылявшей из леса избой опять разойтись во мнениях успел, правда, по мелочи. Дальше она переключилась на Ваську, пробравшегося к ее крыльцу огородами, стыдливо поджав свой все еще не обросший хвост. Похоже, у него с избой еще были счеты, не погашенные с момента их последнего расставания. Как и у меня с батей. Он зашел ко мне ненадолго, просто оценить, как я сейчас живу. Снова рассказал мне, что хотел бы видеть эту жизнь совершенно другой, на что я в очередной раз заверил его, что меня и такая абсолютно устраивает. В общем, все как всегда, и началось, и закончилось, когда батя, хлопнув дверью, ушел на временный командный спецназовский пункт, чтобы заниматься там тем, к чему у него душа лежала больше всего, и к чему моя вообще не тянулась – командовать.

А я вскоре после его ухода вместе с Ягой на экспропрированном казенном ковре – изба все еще была нездорова – отправился в Веселовку. К амбару с последней незакрытой зоной и на встречу со своими друзьями. Как и следовало ожидать, волновался за пропавших не я один. Народу вокруг амбара собралась целая куча! Включая и Хлойку с подругами, заплаканные глаза которых все же не были гарантией того, что волчар минует крупный домашний скандал. Но переживут, не впервой! Только бы вернулись целы и невредимы! Я ждал их возле амбара, у самых дверей – внутрь меня не пустили, там работали только спецы с высшим магическим образованием. Я не лез им мешать, но зато прильнул к двери ухом, пытаюсь разобрать, что происходит внутри, и шепотом информируя об этом всех остальных, кто сейчас тревожно застыл снаружи.

– Первый пошел! – хрипло выдал я долгожданную информацию. И чуть-чуть, как мне было разрешено, приоткрыл дверь, выпуская возвращенного пленника. Я ожидал увидеть одного из волков, но встретил на пороге Ламадя. Грустного, как всегда, с влажными ресницами вокруг воспаленных глаз. И даже с неизменным запахом перегара.

– Ламадяй, с прибытием! – даже его появление так меня обрадовало, что я кинулся с ним обниматься.

– Ах, Трой, – вздохнул в ответ этот сохатый бомж. – Ну ладно другие, а я-то кому здесь нужен? А там, когда я был бессловесной тварью на четырех копытах, меня хотя бы поили регулярно и бесплатно: местных гуманоидов очень забавлял вид пьющего лося.

– Если тебя только это волнует, то я каждый вечер сам буду по чарке тебе выставлять, – заверил я. – Но здесь, дома, и никому не на забаву!

– И я! – заверил Аким. – Иди сюда, Ламадяй, к нам, не загораживай проход!

И в самом деле, вслед за сохатым возвращенцы пошли один за другим. Ребятишки, вызвавшие бурные и радостные слезы родителей. Взрослые, которых родня встречала почти так же горячо. Потом...

– Тарюшенька! – ахнул я, едва ее узнав, так она похудела.

– Тройкин! – всхлипывая, Тарюша кинулась ко мне и уткнулась в мое плечо. – Ты даже представить себе не можешь, что это за злобный мир, чего мы там все насмотрелись! Там даже жрут себе подобных! Меня хотели пустить на праздничный стол, послезавтра! А резать вообще хотели сегодня вечером, пока я еще больше не сбросила вес, – Тарюша разрыдалась в голос. Уступая место возле дверей Рару, я отвел ее в стороночку, где обнял, поглаживая по спинке и шепча ей успокаивающие слова. Значит, леший из Темного бора не врал, когда рассказывал Расифайе все эти ужасы?! Ну, тогда Яга еще мало поработала над чародеем, прежде чем отправить его восвояси! А уж что она там с ним сотворила, оставалось только гадать. Я при этом не присутствовал, но, зная полет ее фантазии, мог догадываться о результатах. Кроме того, она меня заверила, что теперь этот маг ни в одном мире не появится незамеченным и помощников себе больше не сможет найти даже за очень большие деньги.

– Тройкин, у тебя платочка нет? – тем временем спросила начавшая успокаиваться Тарюша.

- Тебе глазки вытереть? Сейчас, мое золотце, все найдем! - я вытащил из кармана салфетки, которые прихватил, будто чувствуя, что они пригодятся, хотя видел Тарюшу плачущей первый раз в жизни. - Вот! И забудь обо всем! Это был сон! Просто страшный сон, который больше не повторится!

- Да, лучше так про то и думать, - согласилась Тарюша все еще со слезами в голосе. Потом, обретая к жизни прежний интерес, спросила: - Тройкин, а что там за девушка на тебя так смотрит? Не наша, стоит с каким-то седым мужиком.

- Как именно? - Тарюша, положившая голову мне на плечо, могла видеть все, что творится у меня за спиной, так что была для меня весьма ценным информатором.

- Ну... не знаю. По-моему, ты ей не безразличен. А сейчас она тебя ко мне еще и ревнует... Ну точно, Тройкин! Я не я буду, если ошибусь!

- Ты - это всегда ты, моя радость, - я чуть отстранился от нее, чтобы взглянуть в ее прекрасные добрые глазки. А еще очень пронизательные, потому что она сразу все поняла:

- Так это что, тебя можно поздравить? Неужели ты решил покончить с холостой жизнью? А я тут тебя компрометирую у нее на глазах... Тройкин, ну ты бы хоть сказал!

- Не о чем тут говорить. Ты была и всегда останешься моим лучшим другом, к которому даже невеста не должна ревновать.

- Одной из пяти, - Тарюшенька наконец-то мне улыбнулась. А в следующий миг я понял, о ком она: на меня со спины набросилась свора волков, пользуясь тем, что их зубастые половины еще не успели пробраться сюда сквозь густую толпу.

- Сволочи вы! - выдал я, от всей души отвечая на их горячие дружеские объятия. - Я из-за вас столько тут пережил, что поубивал бы на месте, если бы только мне без вас не было так паршиво. Весло им мое в нюх не убралось! Вот и нечего меня с ним было бросать, надо было всем вместе идти пешком!

- Да ладно тебе, Трой, мы за это уже поплатились, - смущенно буркнул мне Даф.

- И то ли вас еще ждет, - хмыкнул я, глядя на приближающихся волчиц. Вытащил из кармана и сунул Дафу его браслет. - Вот, забери! Мечты тебе в помощь!

- О! Спасибо! - обрадовался Даф. Потом, прежде чем кинулся обниматься со своей Хлойкой, выдал мне: - Трой, послушай моего совета: никогда не женись!

Хороший совет, ничего не скажешь! И дан мне знающим человеком, которого что при встрече, что дома потом продолжали то обнимать, то колотить; то целовать, то крыть самой отборной бранью. Но я, проводив Дафа с друзьями домой и глядя потом на окна его терема, за которыми продолжали бушевать горячие страсти, понимал, что у любого доброго совета есть свой срок, по истечении которого ты просто перестаешь его слышать. Так и со мной сейчас было. Друзья разошлись по домам, у Тарюши была полная гостиная подруг, выслушивавших ее с замиранием сердца. Бабуся в избе собралась наводить порядок. А я неприкаянно бродил по опустевшим и темнеющим улицам, одержимый одной только мыслью: увидеться с Аланай. Но где мне ее было искать? Ведь я до сих пор так и не узнал, по какому адресу она живет. В кабак, что ли, пойти, где сегодня чествуют Ламадея? Да нажраться там, чтобы забыть обо всем? Но ведь не тянуло!

- Трой! - от этого заставшего меня посреди очередной улицы окрика я вначале вздрогнул, а потом и резко развернулся в поисках его источника. Аланая вышла из тени забора на свет и медленно направилась ко мне: - Бабушка сказала, что ты где-то гуляешь.

- Гуляют они, - я взмахом руки указал на сверкающий всеми окнами кабак вдалеке. - А я просто брожу.

- А мы с папой завтра уезжаем, - девчонка остановилась передо мной.

- Так ты что, попрощаться со мной пришла? - меня это известие так и хлестнуло! - Ну,

хоть на этом спасибо. Только, может, еще и выслушаешь меня на дорожку? Я тебе не врал, здесь меня действительно все Троем зовут. И когда я тебе характер твоего суженого описывал, то тоже от истины уклонялся недалеко: кому, как не мне, его знать? А еще я несколько раз тебе пытался признаться, кто я такой, но, видно, каждый раз выбирал для этого неподходящее время. В другое же просто не хотелось портить с тобой отношения. Так что... В общем, прими на будущее совет: когда тебе в следующий раз покажут портрет твоего жениха, ты не спеши его сразу разрисовывать, вначале взгляни на него хотя бы разок.

- Не покажут! - с вызовом ответила мне девчонка. - И смотреть не стану! И не то, что разрисую, а в печке вообще спалю! И вообще я тебя ненавижу! Предатель!

- Я? Или ты? Я-то от тебя не отказывался!

- Я от тебя тоже, если хочешь знать! Даже несмотря на все твои фортеля с посторонними бабами!

- С женщинами. И не фортеля, а нормальные дружеские отношения.

- Ага, нормальные! Да я даже с папой сегодня из-за тебя поругалась! Он был просто возмущен твоим поведением.

- А мой - твоим. Не каждый день его сына прямо у него на глазах лупят со всего маху по морде. Этого он даже сам себе давно уже не позволяет.

- Ну прости, не удержалась. Только ты все равно это заслужил! Потому что подло было с твоей стороны выманить у меня признания, скрывая, кто ты такой.

- Да не специально я, просто все так получилось! Но заслужил, признаю. И тебе могу признаться, что другой такой, как ты, еще не встречал. Так что, если ты все-таки передумаешь уезжать, и рискнешь связать свою жизнь с редкостным раздолбаем...

- С очень редкостным! - уточнила девчонка.

Мне бы поддакнуть, потому что все это была сущая правда. Но я вместо этого ее просто поцеловал. Успев заметить, что амулет от приворота все еще висит у нее на шее, а это значит, что никакие Ягусины ухищрения на этот раз ни при чем. Хотя сама Яга была сейчас где-то рядом, бесовестно за нами шпионя. Я не знаю, за каким забором она скрывалась, но по тротуару явственно проскальзывали озорные зайчики от ее золотого клыка.